

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ  
НАХИЧЕВАНСКАЯ-НА-ДОНУ АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА РО  
РОСТОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ  
ДОНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА  
ЛИЦЕЙ № 13 г. РОСТОВ-НА-ДОНУ

*УДК 009*

*ББК 94.3*

*К – 90*

## **КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ**

**М.С. ШАГИНЯН**

**МАТЕРИАЛЫ I ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ**

**3 апреля 2014 г.**

Ростов-на-Дону Фонд науки и образования 2014

### **Организаторы чтений:**

Южный федеральный университет,  
Северо-Кавказский научный центр высшей школы,  
РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»,  
Ростовский областной музей краеведения,  
Донская государственная публичная библиотека,  
МБОУ лицей № 13 г. Ростов-на-Дону

### **Организационный комитет:**

Н.С. Авдулов, М.Г. Багдыков, Г.А. Матвеев,  
Н.В. Мирзабекова, Т.О. Осипова, С.М. Саядов,  
М.Ю. Соколова, Р.Г. Тикидян, И.Г. Шкриль

К – 90

**Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян:** Материалы I Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2014. 140 с.

**ISBN 978-5-9905500-7-0**

В сборнике представлены доклады и сообщения, сделанные на Первых Шагиняновских чтениях. В них сделана попытка раскрыть отдельные стороны творческого наследия и характерные черты личности Мариэтты Сергеевны Шагинян. Особое внимание уделено тем мировоззренческим и жизненным установкам писательницы, которыми она руководствовалась и которые сохраняют актуальность в наши дни.

**ISBN 978-5-9905500-7-0**

УДК 009

ББК 94.3

*Материалы I Шагиняновских чтений изданы при финансовой поддержке РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» (председатель – А. Сурмалян).*



## *Приветствия участникам*

---

*От имени Правительства Республики Армения и от себя лично разрешите поприветствовать участников Первых Шагиняновских чтений!*

Сам состав оргкомитета чтений реально отражает интерес к творческому наследию Мариэтты Сергеевны Шагинян в среде представителей научных кругов, областного музея краеведения и широких кругов общественности. Отраднo, что именно в Ростове-на-Дону происходит этот процесс нового прочтения творческого наследия публициста, писателя и выдающегося мыслителя своего времени – Мариэтты Шагинян. Мне представляется, что немалая заслуга в этом вопросе принадлежит Нахичеванской-на-Дону армянской общине, которая в последнее время проводит планомерную деятельность по восстановлению духовного наследия Нахичевани. Вся эта деятельность проходит при активном взаимодействии с областным музеем краеведения и его отделом – Музеем русско-армянской дружбы.

Но, безусловно, главный посыл в этом вопросе исходит от видного представителя науки, писателя и общественного деятеля Николая Степановича Авдулова, который своими исследованиями жизни и творчества Мариэтты Сергеевны, без преувеличения, внёс значительный вклад в переосмысление и новое прочтение наследия нашей соотечественницы.

Несколько слов о творчестве Мариэтты Сергеевны. Всем своим трудолюбием и творчеством она заслужила многочисленные награды и звания – Герой Социалистического Труда (1976), Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, Лауреат

Сталинской премии третьей степени (1951) и Ленинской премии (1972). М. Шагинян – одна из первых советских писательниц-фантастов.

*Генеральный консул Республики Армения в  
Южном федеральном округе РФ  
Гомцян Арарат Двинович*

*От имени «Нахичеванской-на-Дону армянской общины» и  
от себя лично хотел бы поприветствовать научный форум –  
Первые Шагиняновские чтения – «Культура в жизни и  
творчестве М.С. Шагинян»*

Впервые в постсоветской истории взоры исследователей обращены к творческому и гуманитарному наследию Мариэтты Сергеевны Шагинян. И отраднo, что это возрождение интереса началось в нашем славном городе, с которым Мариэтта Сергеевна была тесно духовно связана. В 1915–1920 гг. жила в Ростове-на-Дону, преподавала в консерватории эстетику и историю искусств. В эти годы написала первый большой роман – «Своя судьба», насыщенный философской проблематикой.

Мы привыкли представлять человека по званиям и наградам. От первого, написанного ею в 15 лет стихотворения до последней статьи, опубликованной в 1982 году, “лежит” время в 67 лет! И это Время “упаковано” в 9 томах ее собрания сочинений. Вот ее награды: “Орден Ленина” (дважды), “Красной Звезды” (трижды), “Октябрьской Революции”, “Дружбы народов”... И, наконец – “Герой Социалистического труда”, Лауреат Ленинской премии, доктор филологии, академик...

Будучи человеком своей эпохи она тем не менее не теряла своей национальной идентичности. Вот что говорит о себе сама писательница: *“Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле. Отправными точками в этом разборе стали два семейных рода: матери, Пепронэ Яковлевны Хлытчевой, из армянской колонии в*

*Нахичевани-на-Дону, и отца, Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагиняна, из армянской колонии в Григориополе на Днестре”.*

Мариэтта Шагинян – автор нескольких книг об Армении, написанных в разные годы; это роман «Гидроцентраль» о крупнейших промышленных стройках Армении, куда она приехала в длительную командировку, это и «Путешествие по Советской Армении», это и очерки об Александре Ширванзаде, Микаэле Налбандяне и других выдающихся деятелей армянской культуры. Она же и автор одного из первых советских детективов «Месс-Менд», давно экранизированный и переведенный на многие европейские языки.

Владея иностранными языками, она читала лекции на самые разные темы: от эстетики и музыки до лекции по цветоводству и даже... по ткацкому делу.

У Мариэтты Шагинян удивительная судьба. Ее писательская деятельность длилась более 70 лет. Она – человек необыкновенной силы духа, и, кстати, первая женщина, взошедшая на гору Арагац. Ее смело можно отнести к тем деятелям своей эпохи, которые, обладая многогранным талантом, по праву занимают почетное место в ряду тех, кто внес огромный вклад в мировую культуру. Творческое наследие ее богато и разнообразно. Оно пронизано неустанным поиском путей переустройства жизни на основе истины, добра и красоты. Своим литературным трудом она утверждала пафос созидания, культуры, труда и справедливости, веру в человека, дружбу народов и мир.

*Депутат Законодательного собрания  
Ростовской области, Председатель  
правления РРОО «Нахичеванская-на-  
Дону армянская община» Сурмалян  
Арутюн Арменакович*

## *Доклады и сообщения*

---

### **КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН**

*Н.С. Авдулов*

*ведущий научный сотрудник,  
профессор*

Известно, что важной, неотъемлемой, сущностной частью жизни каждого человека является общение с другими людьми. От характера, стиля, культуры такого общения зависит судьба, содержание и смысл человеческой жизни. Осознанно или интуитивно эта проблема встречается в том или ином проявлении ежедневно. И решает ее каждый по-своему с разными результатами. Неисчерпаемым источником знаний и опыта общения служат произведения писателей, поэтов, художников, композиторов, которые по праву можно назвать конструкторами человеческих отношений. Подтверждением может быть жизнь и творчество Маризтты Сергеевны Шагинян, которые по своему содержанию могут составить энциклопедию человеческого общения, как свод глубоких представлений о культуре взаимоотношений людей. Свое понимание сущности и культуры общения она изложила в работе «Четыре урока у Ленина». Первый, самый значимый урок заключался в том, что подлинное общение позволяет испытать «живое счастье утверждения реальности твоего собственного бытия, каким бы маленьким и ничтожным не казалось оно тебе самому» [1, с. 470]. Раскрывая глубокий смысл всякого человеческого общения она писала: «переживали ли вы когда-нибудь, читатель, особое счастье от общения с человеком, который, вы чувствуете, подошел к вам с тем выражением равенства, когда его “я” ощущает реального

бытия вашего “ты”? Это не так уж часто бывает на земле. Люди разные во всем – не только по внешнему положению в обществе, но и по таланту, по уму, по характеру, по возрасту, по степени внешней привлекательности. Но в одном они равны абсолютно. В том, что они реально существуют» [1, с. 469].

Культура общения, – по словам М.С. Шагинян, – заключается в том, чтобы ощущать реальное бытие другого человека, чтобы переосмыслить ответное свое человеческое равенство с ним, чтобы видеть и чувствовать другого, чтобы отмечать в другом человеке лучшее. Культура общения предполагает «умение не только подавлять чувство его собственного достоинства, а, наоборот, пробуждать и укреплять его» [1, с. 476]. Чувство собственного достоинства, подчеркивала М.С. Шагинян, несовместимы ни с холуйством, ни с заискиванием, ни с трусостью, ни с наглой самоуверенностью. «Неизмеримая пропасть отделяет это спокойное и твердое сознание себя человеком от самолюбивого тщеславия, самонадеянности, самоуверенности, наглости, ячества» [1, с. 477]. Она призывала всем видам тщеславия давать отпор, искоренять их, а людей со спокойным чувством собственного достоинства, людей с независимым и безболезненным суждением нужно беречь как зеницу ока. Еще один вывод, важный для общения, делает она. Не делать отдельного человека средством, а всегда относиться к человеку, как цели. Культура общения исключает всякое унижение человека. «Унижение человека, такое глубокое унижение, – поясняет она, – при котором униженный сам перестает уважать в себе человеческое достоинство, есть самый отрицательный способ воспитания человека» [1, с. 479]. Такое унижение ломает человека, коверкает ему нервную систему или формируют холуев, лицемеров, приспособленцев и подхалимов. Такой урок понимания культуры общения она получила у Ленина и сохранила его в своей жизни и творчестве. В каждом произведении она непременно отслеживала и описывала характер, стиль общения героев с окружающими их людьми. Так, в монографии о Т.Г. Шевченко она отмечает влияние на его поведение того факта, что его «выкупили из



рабства». «И Шевченко не мог забыть этого никогда и ни на одно мгновение не мог стать ренегатом, отделить собственную судьбу от страшной судьбы своего несчастного народа. Сознание, что его выкупили из рабства, еще сильнее и крепче связывало и его чувства, и его мысли с теми «невыкупленными» миллионами, из среды которых он вышел» [2, с. 334].

М.С. Шагинян раскрывает те истоки, социальные и психологические обстоятельства в жизни Шевченко, которые определяли и направляли его внутренние, глубинные мотивы общения с теми людьми, с которыми сталкивала его судьба. «Шевченко – крепак; он побывал мальчиком – казачком в лакейской у барина, он гениальный, остро чувствующий, нежный душой, ко всему пытливый, жадный жить, – но он же, родившись в «крепости», привык целовать руку у барина и рефлекторного стыда от этого никакого не испытывает (от сердца хотел поцеловать руку художнику Сошенко при первой встрече), привык получать колотушки, знает под горячую руку будет бит, не чужд хохлацкой, мужицкой хитринки, изворотливости, необходимости для самозащиты и надуть иной раз барина или барских прислужников, стоящих над ним. Это – мальчик» [2, с. 295]. Мальчик становится юношей и попадает в окружении людей свободных, независимых, не знающих над собой хозяина. Открываются возможности для проявления и развития своих способностей. В то же время «выбравшись из одной зависимости, крепостнической,- отмечает М. Шагинян, – Шевченко почти сразу попадает в сеть других психологических зависимостей, которые он первое время терпит в силу ещё не совсем изжитой привычки многих лет к подавлению себя перед чужой волей. Его хотят «воспитывать», «делать», «исправлять», «поучать»... Человеческое достоинство Шевченко страдает не только потому, что он, крепак, стал свободным, а семья и народ его остались крепостными и сам он подобен белой вороне среди черного помещичьего воронья. Достоинство Шевченко страдает и от натиска на него всех, кто желает им руководить, кто навязывает ему свою волю, свои нравоучения, свои восторги» [2, с. 297].

М. Шагинян прослеживает эволюцию, становление личности Шевченко, и вместе с этим и перемены в его взаимоотношениях с людьми. Если в молодом Шевченко больше доверия и меньше критики, то ссыльный Шевченко «стал более колочим, его резкая самостоятельность начала пугать былых друзей, расхождение становилось явным, неминуемым» [2, с. 301]. С ссылками на современников М. Шагинян уверяет, что Шевченко умел превосходно держать себя в обществе, никогда не терялся, был необычайно тактичным, был чувствительным и мягким в отношении с детьми и стариками. Объясняется это тем, что «в душевной своей тяге к малым детям и к старым старикам, то есть к полной, уже успокоенной, уже осознавшей себя у старости, – Шевченко выказывает основную, прочную черту своего характера: потребность в бескорыстной человеческой личности, потребность в естественности, непосредственности собеседника, органическую ненависть ко всем тем, кто не выходит за пределы субъективного и во всем ищет прежде всего личную выгоду, личный интерес. Большой и душевный ребенок, Шевченко, искал себе подобных людей, таких, с которыми было ему легче и проще, и этих людей, отрешившихся от субъективного или еще не утративших первичной чистоты, он находил в глубоких стариках и в маленьких детях» [2, с. 393–394].

Характер общения, как известно, во многом определяется характером человека и обстоятельствами жизни. Свидетельством может служить стиль поведения, культура общения Шевченко, о чем достаточно убедительно пишет М. Шагинян. «Редкостно правдивый, он обладал очень большой дозой крестьянской хитринки; простой, как ребенок, он за немногие годы жизни порядком перевидал всевозможных людей, пообтерся о них и знал их отлично. Когда читаешь его письма к разным адресатам, датированные чуть ли не одним и тем же числом, просто поражаешься, как умел поэт с каждым говорить его языком, как менял он не только синтаксис и словарь, но и всю душевную интонацию, когда переходил от одного адресата к другому» [2, с. 416–417].

В книге о Шевченко М. Шагинян рисует его как сложного, противоречивого, устремленного к утверждению в отношениях с людьми справедливости, добра и человечности. «Представления о нем как о «душе нараспашку», необычайно доверчивом, завязывающим дружбу с первым встречным, – глубоко неверно. Даже юношей поэт был сдержан в своих отношениях с людьми, о себе и своем прошлом говорил редко и неохотно, неприятных и чуждых людей попросту не подпускал к себе, сближался туго и не боялся быть резким с теми, кто ему не нравился. А не нравилось ему многое... Наряду с этой сдержанностью к людям, с прямоотой и резкостью в отношении неприятных для него характеров, Шевченко раскрывается с какой-то ослепляющей теплотой и нежностью для немногих близких людей, для них у него свой особый, приподнятый, трогательный словарь любви и благоговения, своя простосердечная искренность, своя незащищенная детская открытость. И люди, самые холодные, скептические, сухие, чувствуют и понимают, какой огромный запас человечности таится в Шевченко, тянутся к нему, хотят его дружбы, как бы греются возле этой большой души, даже когда она их отталкивает» [2, с. 456–457].

На примере жизни Шевченко, его отношений с людьми М. Шагинян дала развернутое представление о культуре человеческого общения, в основе которой лежат равенство, достоинство и человечность. Быть равным с другими, сохранять свое собственное и чужое достоинство, проявлять человеческую чуткость и внимательность к себе и другим составляет основу, фундамент человеческого общения, которое призвано обогащать, развивать, очеловечивать каждого человека.

Чрезвычайный интерес для понимания культуры общения сохраняют мысли М. Шагинян, изложенные в работе о Гёте. Анализ его главного произведения – «Фауста» – позволил на высоком философском уровне проследить богатство человеческой жизни, связей и отношений между людьми. Она показывает, «как высоко ценил Гёте общение с людьми, какую большую важную ценность придавал он совместному, на людях,

с народом, с обществом решению больших вопросов, ясное понимание которых было, по Гёте, достигаться не одинокой мыслью, а предварительным совместным обсуждением» [3, с. 67] Сердцевиной, ядром общения у Гёте было стремление учить и учиться, отдавать и получать, обогащать и обогащаться. Об этом Шагинян пишет так: «Дидактизм Гёте, его постоянное водительство, ощущаемое читателем, не сухи, не скучны, не навязчивы. Освежающим и заразительным свойством всего, что он стремится передать читателю является его собственное, нескрываемое от читателя, постоянное, неутомимое «ученичество». Он сам с вами учиться. Он всегда на людях, никогда не один. Он с юношеским вниманием и страстью в семьдесят лет, как в семнадцать, впитывает в себя все новую и новую мудрость бытия, осваивая ее не в одиночку, а вместе с огромным кругом людей, находящихся с ним в общении» [3, с. 68].

В «Фаусте» Гёте М. Шагинян ищет разгадку эгоизма и индивидуализма, обращает внимание на размышления об известности и славе, о различиях и противоречиях в человеческих отношениях, а также между мышлением и действием. Особое внимание она уделяет проблемам общения, описанным в книге Эккермана «Разговоры с Гёте», которую она обозначила как «фиксация личного общения». В этой книге она выявляет многие стороны человеческого общения, которые могут привлекать и в наши дни. В частности, она отмечает влюбленность как драгоценное чувство, влияющее на жизнь и общение. Без этой окрыляющей влюбленности, когда чувствуешь реальность чужого бытия как свое собственное, Гёте вообще не мог творить. Он влюблялся даже в вещи, захватывавшие творчески его мышление. Он был влюблен в барометр, занимаясь метеорологией; влюблен в гранит, увлекаясь минералогией, страстно захвачен образом листа в занятиях ботаникой. Всегда и всюду зажечься от предпочтения одного чего-нибудь, одного кого-нибудь перед всем остальным, – чтоб через это одно остро и точно, глубоко и родственно ощутить Вселенную» [3, с. 216].

Читая и перечитывая книгу Эккермана М. Шагинян замечает, как явно растет у Гёте необходимость в человеке, чтоб участвовать в диалогах, в постоянном общении, «чтобы наталкивать на мысли, вызывать их, разделять, не нарушая великого одиночества гения» [3, с. 224].

Важной особенностью творчества М. Шагинян было глубоко и заинтересованное изучение и описание различных форм и стилей человеческого общения. В каждом произведении она раскрывает те или иные стороны человеческих отношений, вскрывает их социальную и психологическую обусловленность. О своей собственной манере общения она достаточно подробно рассказала в «Дневнике писателя». Общение с людьми разных профессий, характеров, национальностей было для нее профессиональным делом. В общении она черпала много полезных знаний, расширяла и углубляла свои представления о тех или иных сферах человеческой жизни. В каждом человеке она видела интересного собеседника, богатого опытом и своими размышлениями о делах. Она умела спрашивать и разговаривать и животновода, и ученого, и хозяйственного руководителя. Ее интересовало буквально все. И за что уважают бригадира, и какой породы проходящее стадо коров. В одном из райцентров Армении она спрашивала о секретах долголетия, в другом – о причинах низких надоев молока. Она умела слушать и слышать. Из всего услышанного она выделяла главное, основное, полезное, поучительное. Общение с людьми она строила на основе общей заинтересованности. Человеку хочется рассказать, а ей хотелось послушать. Беседы с людьми носили обычно деловой характер, были нацелены на выявление проблем и путей их решения. Она не позволяла себе прерывать собеседника, отвлекаться от предмета беседы, уходить от поставленных перед ней вопросов. В общении с людьми она очень высоко ценила доброжелательность, как правило, вслушивалась не только в слова, но и в интонации голоса. Собеседника она принимала и понимала таким, каким он был на самом деле. Из каждого общения, – по ее словам, – она выходила богаче, умнее, добрее.

Как публицист М. Шагинян придерживалась следующего правила: «Он должен, слушая, шевелить мозгами, реагировать сердцем; если нужно, тотчас вмешаться, успеть сделать что-то тут же, на месте, не дожидаясь, пока его строки появятся в печати» [4, с. 352].

В общении она допускала спор, когда выявлялись разные позиции, разное понимание одних и тех же проблем. Более того, общение при всех обстоятельствах она расценивала как борьбу нового со старым, передового с косным, правильного с неправильным.

Наблюдая чествование писателя И.А. Новикова, она замечает, «Что ни говори, а вежливые, хорошие манеры, старая благовоспитанность – отличные вещи, облегчающие жизнь человеческому обществу» [4, с. 386]. М. Шагинян высоко ценила слово в общении, стремилась к тому, чтобы оно было точным, понятным, раскрывающим суть беседы. В общении она старалась не допускать пустых, бессодержательных слов, слов без мысли. В дневнике М. Шагинян не скрывает своего восхищения умением без лишних слов, без шума, без ненужных жестов выразить мысль конкретно, определено, по существу. «Я страстно люблю культуру человеческого общения у настоящих, больших ученых, – писала она, – вы чувствуете, что они всякое дело берут всерьез и органически не переносят поверхностных отношений» [4, с. 413]. Культура общения в жизни и творчестве М.С. Шагинян представлена разнообразием форм, стилей, оттенков, обусловленных социальной реальностью и психологическим типом каждой индивидуальности, сориентирована на утверждение человечности, равенства и достоинства человека. Наследие Мариэтты Сергеевны можно со всем основанием рассматривать как энциклопедию человеческого общения. В нем каждый заинтересованный может найти ответы на многие вопросы, возникающие в процессе общения.

### Литература

1. *Шагинян М.С.* Четыре урока у Ленина. Лениниана. М., 1980.
2. *Шагинян М.С.* Тарас Шевченко. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1975.

3. *Шагинян М.С.* Гёте. М., 1975.

4. *Шагинян М.С.* Дневник писателя. М., 1953.

## ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МЕСТАМ, ГДЕ БЫВАЛА МАРИЭТТА СЕРГЕЕВНА ШАГИНЯН В ГОРОДАХ НОР- НАХИЧЕВАНИ И РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

*М.Г. Багдыков*

Мариэтта Сергеевна Шагинян родилась в семье врача, доктора медицинских наук Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагинянца из армянской колонии в Григориополя на Днестре и матери, Петронэ Яковлевны Хлытчиевой, из армянской колонии в Нахичевани-на-Дону. Мариэтта Сергеевна будучи от природы одаренным ребенком оказалась в окружении ярких неординарных личностей, общение с которыми, несомненно, отложили отпечаток на ее формирование и мировоззрение. Мать Мариэтты Сергеевны была дочерью успешного купца первой гильдии, городского головы, общественного деятеля Якова Матвеевича Хлытчиева. Дедушка Мариэтты со стороны отца был григориопольским протоиереем отцом Давыдом Шагинянцем, служившим в молодости секретарем у епископа Габриэла Айвазовского. Мариэта Сергеевна так описывает своего деда: «Это был большой, красивый человек в рясе, на груди у него висел крест, волосы были длинные с проседью и с проседью борода, лоб высокий, глаза удивительно добрые».

Из воспоминаний Мариэтты: «Детьми меня и сестру возили на побывку к дедушке Якову Матвеевичу Хлытчиеву и к многочисленным тетушкам, его дочерям, в уютный маленький Нор-Нахичевань. «Тетушек у нас было много, сразу не перечесать, и все вышли замуж за местных богатеев, и у каждой был свой характер и свое отцовское приданное в 25 тысяч. Когда назывались в те годы фамилии самых именитых «первогильдийных» армян, то наверняка они были дядями – мужьями маминых сестер: Джамгаров, Хатранов, Чикнарев, Сагиров, Когбетлиев, Шилтов – банкирский дом, нефтяные промыслы, рыбные промыслы, нотариальная контора...».



Больного, разорившегося в Москве отца Сергея Давыдовича, мать Мариэтты перевезла в Нахичевань в дом своего отца, Якова Матвеевича Хлытчиева где он умер от цирроза печени. Похоронили его в Нахичевани на армянском кладбище.

Маленькая Мариэтта и Лина вошли в семейный круг Хлытчиевых. Дедушка обожал свою жену, одарившую его более десятком детьми. Он заказал торжественную хвалу в честь своей жены учителю своих детей поэту, писателю Рафаэлу Патканяну, проживавшему напротив его дома по 1-ой Федоровской улице (ныне улице М. Сарьяна), № 11(13). Книга эта в настоящее время хранится в литературном музее Еревана.

В доме у Якова Матвеевича Хлытчиева на 23 линии и 1-й Федоровской улице часто бывал Микаэл Налбандян. Яков Матвеевич разделял его демократические взгляды и был одним из тех, кто рекомендовал направить его в Индию за выполнением завещания. На этой же 23 линии проживали друзья Микаэла Налбандяна: Иван Берберов в доме № 10 – врач, член попечительского совета духовной семинарии; Мелкон Каспарович Султан Шах в доме № 16 – писатель, общественный деятель, преподаватель армянского языка в Екатерининской гимназии, большой друг Микаэла Налбандяна, посещавший его неоднократно в Петропавловской крепости Петербурга в доме Александровского рavelина в покое № 8.

В 1866 году М. Налбандян умер от чахотки, высланный в Камышин. Тело его было перевезено по Волге, а затем по железной дороге на Дон и доставлено в Нахичевань. Гроб встретили с необыкновенным триумфом и почетом, с образами, хоругвями, музыкой. Дорога в город на 23 линии была выстлана коврами и устелена цветами.

На эту акцию последовал донос полковника Янова: « ... Тут, наконец, и другая сторона, выявлены крамольники: новый городской голова Гайрабетов, его помощник Каял, председатель Каракаш, именитый купец Хлытчиев». Якову Хлытчиеву этого не простили, отстранили от всех должностей и перестали давать

льготные кредиты, под конец своей жизни он окончательно разорился.

В эти годы Мариэтта и ее сестра Лина обучались в городской Екатерининской женской гимназии, расположенной на углу Бульварной площади (ныне- площадь Свободы) и 20-й линии. В своих воспоминаниях Мариэтта Сергеевна дает сравнение учебы в московской гимназии Л.Ф.Ржевской и советскими школами: «Конечно, может быть, немалую долю сыграла тут «дымка времени», и все-таки очень многое в моей старой школе я считаю большим преимуществом перед теми, где учились мои внуки».

В настоящее время на фасаде женской Екатерининской гимназии (в настоящее время лицее № 13) висит мемориальная доска о времени обучения в ней Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Недалеко от гимназии на Бульварной площади № 3 (ныне площадь Свободы) было построено великолепное здание армянского городского театра (ныне ТЮЗ), который охотно посещала Мариэтта Сергеевна.

На 21 линии, в собственном особняке под № 8 с уникальным садом, верандой и фонтаном, с 1911 года жил Георгий Иванович Чубаров, присяжный поверенный, член попечительского совета духовной семинарии, бессменный председатель общества любителей армянского драматического театра в Нахичевани, актер, автор многих пьес, режиссер театральных постановок, писатель, журналист, общественный деятель.

На 21 линии, в доме № 5 (ныне разобранном), родился и жил музыкант, виртуозный скрипач Аветик Габрилиан, ученик нахичеванского скрипача-педагога Саака Хорозяна. В 1924 году Габрилиан создал в Московской консерватории смычковый квартет им. Камитаса. Он стал народным артистом Армянской ССР, лауреатом Государственной премии СССР, профессором Московской консерватории.

На 19 линии, в доме № 3, жил Григорий Христофорович Чалхушьян. Адвокат, писатель, публицист, общественный деятель. Он был совестью армянского народа – разоблачителем

варварства геноцида в своих публикациях, аналитических статьях, книгах.

На 20-ой линии в одноэтажном особняке с великолепной лепниной на фасаде проживала семья Шилтянов, в которой воспитывался будущий яркий живописец с мировым именем. Мариэтта Сергеевна и ее сестра Лина находились в родстве и дружили с этой семьей. Об этом периоде жизни Григория Шилтяна Мариэтта Сергеевна вспоминает в книге «Зарубежные письма». «Помню его, когда он еще был совершенно маленьким горластым мальчиком, которому моя сестра любила рассказывать сказки».

Писательница отмечала его талант рисовальщика и острое внимание к миру окружающих вещей, умение точно ответить на вопрос: «А ну-ка опиши, что ты видишь?». Немаловажное значение имело и то, что в период его учебы и созревания как художника в Нахичевани активно работала целая плеяда мастеров живописи, друзей Мариэтты Сергеевны – это М.С. Сарьян, С.М. Агаджанян, А.Г. Черчепов. Учителем живописи Григория Шилтяна был Аким Карпович Ованесов.

На углу 1-ой Вознесенской улице и 20-ой линии жил Марк Владимирович Тер-Григорян. Обучался живописи в мастерской Врубеля. Позднее он стал главным архитектором города Еревана. Им были созданы значительные проекты в Ереване, такие как «Матенадаран», «Дом правительства», «Площадь Ленина» и другие. Лауреат Государственной премии.

На фасаде дома висит мемориальная доска и даты его жизни в Нахичевани с 1910 по 1924 гг.

На углу 2-й Успенской улицы и 28 линии, в доме(ныне разобранный), жила семья И.Э Тикиджи-Хамбурьяна. Коллежский советник, кандидат физико-математических наук, преподаватель Екатеринбургской женской гимназии, близкий друг Ерванда Шах Азиза и Мариэтты Сергеевны Шагинян.

На углу 2-й Успенской и 28 линии, в одноэтажном доме с колонами и парадным входом (ныне разобранный), проживал

врач-терапевт, заведующий терапевтическим отделением Марииненской больницы Николай Сергеевич Сахаджиев.

На площади Л.Н. Толстого, в одноэтажном доме с парадным входом № 2, проживал с большой семьей художник, близкий друг М.С. Сарьяна Амаяк Артцатбанян.

На площади Л.Н. Толстого, в двухэтажном доме № 9, располагалась бесплатная городская библиотека, заведовала ею Е.К. Хасабова. На втором этаже находилась нахичеванская городская народная библиотека с читальным залом, заведовала ею Т.Х. Закиева.

На 26 линии, в доме № 5, проживал доктор медицинских наук, детский доктор, заведующий детским отделением Марииненской нахичеванской городской больницы М.М. Кастанаян. Человек, которому доверяли горожане самое дорогое – здоровье своих детей. Мариетта Сергеевна была в дружеских отношениях с этой семьей.

На углу 24 линии и 1-ой Вознесенской, в доме № 3, проживала мать Мариэтты Сергеевны. В свои приезды в Ростов-на-Дону Сергей Рахманинов неоднократно был в гостях у Мариэтты Сергеевны, в доме ее матери.

На углу 24 линии и 1-ой Вознесенской, напротив дома матери Мариэтты Сергеевны, проживала семья Гнесиных. В этом доме происходили обсуждения музыкальных событий и творческое общение с Михаилом Фабиановичем Гнесиным.

На улице 1-ой Софиевской (ныне Первомайской), в доме № 5, жила семья Нины Берберовой.

На улице 1-ой Софиевской (ныне Первомайской) жила семья Мартироса Сергеевича Сарьяна. В настоящее время на фасаде двухэтажного дома есть мраморная памятная доска о годах проживания Героя социалистического труда, всемирно известного художника.

На углу 11 линии и 1-ой Соборной улицы был выстроен «Доходный дом» лесопромышленника Кистова. В 20-е годы «отцы города» организовали в нем музыкальное училище под руководством М.Л. Пресмана. В это училище неоднократно в

1911-1917 гг. приезжал с инспекцией Сергей Рахманинов. Состоялись его концерты, на которых присутствовала Мариэтта Сергеевна. Она вела в этом училище курс этики и истории искусств.

На углу 1-ой Соборной улицы и 1-ой линии при въезде в город Нахичевань стоит двухэтажный особняк с верандой и колонами на втором этаже, магазином на первом. Это родовое гнездо Тусузовых. В этом доме родился, провел детские и юношеские годы известный уже в конце XX века актер московского театра «Сатиры» Георгий Баронович Тусузов. Он имел высшее юридическое образование, работал адвокатом в Нахичевани и был членом театрального любительского общества. Состоял в группе актеров, собравших средства на строительство городского театра (ныне ТЮЗ).

На Большой Садовой улице, в доме № 83, располагалась Музыкальное училище Отделения Императорского Русского Музыкального общества, директором которого был Аверьино Николай Константинович. Мариэтта Сергеевна частенько бывала там на концертах учащихся и преподавателей.

В городе Ростове-на-Дону, в Нахичеванском переулке № 38, располагалась городская Николаевская больница, которая стала базовым учреждением медицинского факультета Варшавского университета. В этой больнице заведующим терапевтическим отделением работал большой друг Мариэтты Сергеевны, доктор медицинских наук Эммануил Мартынович Кастанаян. Понимая высокий профессиональный уровень профессорского состава больницы, она решила рожать в ней под контролем профессора Салавьева.

В 1918 году создается впервые в Ростове-на-Дону Михаилом Фабиановичем Гнесиным Донская консерватория, где Мариэтта Сергеевна преподавала этику.

Все годы пребывания в Нахичевани-на Дону (1915-1920) Мариэтта писала статьи и фельетоны в газету «Приазовский край», расположенной на Большой Садовой и углу Братского №

24. Высокую оценку хлестким фельетонам дал ее дедушка Яков Хлытчиев, отметив в них мужскую хватку.

В 1919 году в Ростове-на-Дону на Большой Садовой Михаилом Фабиановичем Гнесиным организуется «Театральная мастерская» – театр слова и жестов. В ее состав вошла молодежь и Георгий Баронович Тусузов, художником-оформителем был Мартирос Сергеевич Сарьян, композитором – Михаил Фабианович Гнесин. Впервые на театральной сцене была поставлена пьеса «Гондла» Николая Степановича Гумилева. В 1920 году он специально приехал в Ростов и попал на репетицию спектакля. Состав труппы, ее игра произвели на него сильное впечатление. В 1921 году Гумилев вывез всю труппу артистов «Театральной мастерской» в Петроград, где была поставлена пьеса «Гондла». Оценку спектаклю дала в печати Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Летом 1922 года Мариэтта Сергеевна получила приглашение от Марии Ильиничны Ульяновой работать специальным корреспондентом газеты «Правда» в республиках Закавказья, в которой она проработала шестьдесят лет.

Мариэтта Сергеевна так понимала работу журналиста: «Нас окружает новый мир. Готовым в руки он не дается никому. Получить его, не познав его, нельзя. А познать его, не участвуя в его делании, невозможно. Написать очерк – значит увидеть, познать, пережить, осмыслить и перенести пережитое в форму общения с читателем».

## ТВОРЧЕСТВО М.С. ШАГИНЯН КАК ЛЕТОПИСЬ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУР

*А.П. Марченко*

Летопись – исторический вид повествовательной литературы, описывающий события в обществе, изменения в нем. Много ли подобных произведений применительно к культуре в истории России, в истории других стран мы можем вспомнить? И, тем не менее, мы попытаемся начать создавать летопись русской культуры, опираясь на творчество поэта, прозаика, публициста, ученого, просветителя и мыслителя Мариэтты Сергеевны Шагинян. Может ли быть летопись развития культур в исторических событиях по годам, как это бытует в истории обществ? В конечном результате можно получить только факты исторических свидетельств творческих достижений, навыков, способностей, средств, методов, духовных ценностей, способствующих развитию современников Мариэтты Сергеевны и общества, окружавшего ее, в целом.

Можем ли мы, таким образом, летописно рассматривать творчество одного автора? Нельзя забывать, что мы рассматриваем творчество мыслящего человека о времени, в котором она пребывает и для которого оно не только течет и дышит, но вдыхаемо и осязаемо, потому что Мариэтте Сергеевне удалось наладить и настроить время в себе, сделать его ритмом жизни. Мы рассматриваем творчество нашего земляка в определенные периоды ее жизни, для которой встретившиеся в ее жизни люди – источник духовных сил и творческой энергии. Сама же личность Мариэтты Сергеевны Шагинян пропитана «ароматом местности», «воздухом своего времени». Она активно и неустанно участвует во всех сферах общественной жизни непосредственно, но и опосредованно в созданных ею художественных образах и в описанных картинах публицистических произведений.

Благодаря Мариэтте Сергеевне создан красочный, животворный образ той атмосферы, в которой она жила. Откроем отдельные страницы этой летописи.

В своей «Автобиографии» на примере отца, одного из первых армян-врачей, приват-доцента Московского университета, предки которого в качестве врачей-терапевтов были приглашены заселять созданный Потёмкиным новый городок на молдавской земле, своей матери из старого армянского рода Хлытчиевых в городе Нахичевани-на-Дону М.С. Шагинян представляет русскую культуру, способную на протяжении нескольких веков обогащаться и развиваться благодаря русскому языку, русским песням и сказкам, благодаря которым, как замечает Мариэтта Сергеевна, дети в раннем детстве не засыпали. Такая культурная обстановка создавалась и на молдавской земле, в Москве, и в Орловской губернии благодаря русской составляющей в культуре [1].

Широкая по духу, бескрайняя в своих географических просторах русская культура дополнялась, пополнялась для индивида культурой внутрисемейной. Именно отец, будучи почитателем творчества великого Гёте, познакомит и сделает Мариэтту Сергеевну гётеанкой, расширив ее индивидуальную культуру, обогатив ее не только русской, но и немецкой составляющей.

Но этого не произошло бы без созданной отцом атмосферы семейной культуры, в которой соблюдался строгий режим дня, культивировалось чтение вслух, прочитанное записывалось, стимулировалось ведение дневника. Наша летопись выявляет в культуре такие духовные основы, как чтение, воспроизведение прочитанного в записи, знакомство с творениями на языке подлинника, пример родителей в этом, без которых были бы не возможны раннее школьное творчество в сочинении драм, романов, стихов, издание школьного журнала и, безусловно, тяга к соприкосновению с революционным духом конца XIX – начала XX вв., воспринимаемая как счастье быть в числе передовых слоёв общества, вершащих новый виток истории и культуры.



Дух революции, новый ритм общественной жизни был обращен к необходимости только через чтение книг, политических материалов в газетах обретать «чутье истории» и участвовать в пробуждении общества и развитии культуры.

Таким образом, отметим в нашей летописи культуры выявленную Мариэттой Сергеевной роль чтения в развитии общества и его культуры в целом.

Наряду с чтением и его значением в формировании восприятия обстановки в обществе Мариэтта Сергеевна отмечает в «Воспоминаниях о С.В. Рахманинове» роль музыки, на которую в начале XX в. «не смотрели только как на изолированный «вид искусства», которым одни занимаются профессионально, а другие в определенные часы и дни наполняют свой досуг» [2, с. 100]. Музыка была неотъемлемой составной частью всей культуры. В школе музыка была предметом *обязательным*, который развивал постоянный интерес к музыке на протяжении всей последующей жизни. В культуре интеллигентских городских семей всегда кто-нибудь играл на рояле или на скрипке и «музицировал» по вечерам вместе с гостями, тоже игравшими и приносившими свои инструменты. Так, мать М.С. Шагинян была хорошей пианисткой, ее сестра – отличной певицей, учившейся у известного преподавателя пения итальянца Л.И. Джиральдони, а кузины и кузены все обучались игре на каком-нибудь инструменте. Заметим, что в развитии культуры России принимали участие итальянские мастера культуры, не только архитектурного творчества, но и музыкального искусства.

Можно перенимать смело передовой опыт постановки музыкального образования Московской гимназии Л.Ф. Ржевской конца XIX – начала XX вв., в которой Мариэтта Сергеевна обучалась до восьмого класса. При гимназии был интернат. Здесь преподавались хоровое пение и обязательное чтение нот. Находившиеся в интернате ученицы (Мариэтта Сергеевна была пансионеркой) «должны были довольно серьезно учиться и музыке, начиная с игры на фортепиано и кончая уроками по теории и гармонии с решением задач по композиции» [2, с. 101].

В воспоминаниях о С.В. Рахманинове Мариэтта Сергеевна живо рисует картинку, как ученицы ревниво сторожат свой час для «упражнения» однообразных звуков нескончаемых гамм и арпеджий в «музыкальной комнате», «чтобы никто не «зажиллил» лишних пяти минут».

Раскрывая музыку как важнейшую сторону в развитии культуры (заметим, что в культуре Древней Греции музыка не рассматривалась как одна из муз, а ей отводилась важнейшая воспитывающая роль), Мариэтта Сергеевна отмечает участие в этом процессе выдающихся личностей. Так, хоровое пение преподавал – тогда еще совсем молодой страстно любивший музыку – Михаил Акимович Слонов, друг Рахманинова по консерватории, который не только учил пению, но и беседовал с воспитанницами гимназии о новых русских операх, принимал живое участие в больших гимназических вечерах, посвященных русским классикам. Под его руководством, кстати, разучивалась ставилась силами старших учениц, обладавших голосами, и соединенного хора опера «Снегурочка» П.И. Чайковского. Даже декорации к спектаклю создавались ученицами.

Воспитательницы в гимназии, вспоминает М.С. Шагинян о немке «фрэйляйн» Матцлер, француженке «мадмуазель» Луизе Муше, были не только музыкальны, но и музыкально образованны и частенько вели по вечерам после выученных воспитанницами уроков «задушевные беседы о жизни крупных композиторов, о влиянии музыки на характер, выравнивании ею острых сторон характера, животворном действии на здоровье и нервы». Более того, Луиза Муше, швейцарка родом из Женевы, рассказывала о швейцарском народном празднике виноградарей (Fête des vigneronns), пела народные швейцарские песенки, посвященные сельскому труду, и часто говаривала, как замечает Мариэтта Сергеевна, что в музыкальном отношении народ всегда был культурнее интеллигенции, так как: «Он давно ввел музыку в свой быт, общественный и семейный, и она облагораживает характер крестьян, делает его общительным, а интеллигенции нужно еще учиться этой роли музыки в жизни, особенно в России, где только еще начинают вводить музыку в школьное

образование и бесплатные дневные симфонические концерты на курортах...». Когда ученицы спрашивали ее, в чем выражается влияние музыки на характер, она приводила бесчисленные рассказы о том, как действует музыка на животных: на змею, кошку, лошадь в цирке, переходила на благотворительное действие ее на человека и объясняла на примере Древнегреческой культуры объединяющую функцию музыкального произведения, музыки в целом: «Древние греки считали ритм божественным, а разные дикие народы видят в нем колдовство и волшебство – так удивительно действует ритм на все живое. А кроме ритма, в музыке есть еще и мелодия, и гармония, – они настраивают, возвышают, успокаивают душу, соединяют людей в одном действии, в одном настроении, – а действовать вместе гораздо легче, чем порознь, и гораздо важнее для культуры, которую нельзя построить усилиями одиночек, а только совместным трудом миллионов» [2, с. 102–103].

Музыкальная составляющая летописи культуры дополняется поучительными концертами для учениц гимназии по бесплатным билетам на местах, в непосредственной близости от эстрады или на стульях, прямо на эстраде в консерватории. Так, Мариэтта Сергеевна еще девочкой несколько раз в слушала и Рахманинова, и виолончелиста Пабло Казальса, и пианиста Иосифа Гофмана, и дирижера Артура Никиша...

Полученное в школе знание музыкального языка, умение постигать логику его развития, воспитанный слух и музыкальный вкус определяли в дальнейшей жизни Мариэтты Сергеевны и в жизни ее соучениц по гимназии культурный вектор, который не позволял обходиться без музыки, без концертных новинок, без обсуждения особенностей и характера исполнения разных пианистов и дирижеров, без споров о направлениях в музыке. В культуре общества организаторы концертов учитывали такие потребности молодежи в музыке и выделяли для студентов дешевые «стоячие» места (билет стоил пятьдесят копеек, на такую сумму студент мог дважды скромно пообедать в хорошем ресторане). Отметим в нашей летописи приоритеты потребностей молодежи, воспитанной в музыкальной среде: ради музыки,

любви к ней молодые люди отказывались подчас от обеда и в течение трех часов, не присаживаясь, стоя слушали музыку [2, с. 104].

Можно только поражаться такому всеобщему музыкальному образованию и самообразованию! В такой постановке музыкального образования в российском обществе, пусть как образцовый пример московской гимназии, кроются успехи музыкальной советской скрипичной и фортепианной школы, выпустившей выдающихся исполнителей С. Рихтера, Д. Ойстраха, С. Когана и др.

И чтение, и музыкальное воспитание могут не дать сиюминутные плоды. Мариэтта Сергеевна отмечает, что и беседы воспитательницы, и слушание концерта за колонной зала, стоя, не сразу влияли на сознание, но такая система составляла «резервный фонд» воспитания, западала, подчас бессознательно, в душу, наслаивались на последующее поучение и, впоследствии, неожиданно вдруг в памяти во всей их ясной осмысленной глубине возникал великий урок, который помог осмыслить, например, жуткую трагедию гибели огромного океанского парохода «Титаник» 14 апреля 1912 г.

Эта трагедия застала Мариэтту Сергеевну в возрасте 24 лет. Со слезами на глазах воспринимала молодая девушка рассказы немногих из спасшихся потом о разных трогательных и страшных сценах гибели отдельных людей, публикации в газетах. «Лодок было мало, их хватило в минуту катастрофы только для женщин и детей. Большой оркестр, обслуживавший на пароходе богатую публику, не мог рассчитывать ни на лодки, ни на спасательные пояса. Оркестранты знали, что им не суждено спастись, и они вышли со своими инструментами на палубу. Если бы они отдались думам о близких, каждый пережил бы свою страшную гибель в одиночку, может быть, в бессмысленной предсмертной борьбе со стихией, в безумии. Но оркестранты, не сговариваясь, вынули свои инструменты, сели, как рассаживались всегда в оркестре, заиграли бетховенскую симфонию, столько раз игранную ими раньше, и под бессмертные звуки ее, слаженно, совместно, торжественно, помня и исполняя каждый свою

партию, но слыша и слушая целое, уходили они из жизни с удивительным высоким спокойствием, не переставая играть, покуда волны не дошли до инструментов и не затонула медленно опускавшаяся в воду палуба» [2, с. 103–104]. Это был великий урок совместного действия, которому учит людей музыка, урок, оставивший трагический след в летописи культуры первой четверти XX вв.

Каждая зарисовка Мариэтты Сергеевны, каждая высказанная ею мысль по вопросам жизнедеятельности композиторов «Могучей кучки», пропагандистом которой был Цезарь Кюи, осмысление творчества Баха, Гайдна, Генделя, Моцарта, Бетховена, Метнера, Глинки, Чайковского, Рахманинова, Шостаковича, Гёте, Тараса Шевченко, Йозефа Мысливечка, Низами, Хетагурова ... (этот ряд можно продолжать и продолжать) или встреч Мариэтты Сергеевны с простыми тружениками могут рассматриваться как летописное явление, влияющее на развитие русской и мировой культур в целом, так как летопись культуры – это не простая запись событий современности, а их осмысление включенным в гущу событий человеком, Мариэттой Сергеевной с ее активной жизненной позицией, различающей в этих событиях то, что возвышает человека и движет его пошагово к вершинам культуры.

Не каждому творцу, мыслителю дано стать летописцем культуры. Мариэтта Сергеевна обладала таким даром.

### Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов н/Д, 2013.
2. *Шагинян Мариэтта.* Воспоминания о С.В. Рахманинове / Сост.
3. Апетян. Т. 2. 3-е изд. М., 1967.

## ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО В ВОСПОМИНАНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

*Г.А. Матвеев*

*кандидат исторических наук,  
профессор*

В настоящее время Россия переживает сложный период: вновь очень актуальной стала проблема определения идентичности нашего общества, общих целей его развития в кардинально изменяющемся мире [1]. Одной из необходимых предпосылок разрешения этой проблемы является формирование взвешенного, трезвого, объективного подхода к оценке советского прошлого.

Советский период истории нашего Отечества, продолжавшийся три четверти века, в который выросло три поколения советских людей, произошли невиданные по масштабам в российской истории, да и очень редкие в мировом историческом процессе преобразования, оставившие такой след во всех сферах нашего общества, в сознании людей, не изучая который, не принимая его во внимание, невозможно правильно понять, что происходит в российском обществе сегодня [2]. Именно стремление отбросить, очернить, обесценить опыт, достижения советского общества, которое было свойственно идеологии и практической политике российской политической элиты 90-х гг. прошлого века, инерция которого ощущается до сих пор, объясняет то обстоятельство, почему так трудно, медленно, противоречиво, с такими социальными издержками идут современные процессы модернизации российского общества.

В этой сложнейшей работе переосмысления советской истории может помочь фундаментальная работа Мариэтты Сергеевны Шагинян «Человек и время». К сожалению, в последнюю четверть века это произведение, как и другие труды писателя, по идеологическим причинам незаслуженно выпали из

современного литературного процесса, активного оборота нашей общественной мысли. Между тем, М.С. Шагинян писала эти воспоминания в конце своей жизни, целое десятилетие с 1971 по 1978 гг., последнюю главу завершила, отметив свой 90-летний юбилей. В этой работе она поставила цель: проанализировать, обобщить опыт своего жизненного пути, который был неразрывно связан с жизнью страны, осмыслить кардинальные изменения в ее истории в XX веке, извлечь из этого опыта исповедально-дидактические, нравственные уроки. М.С. Шагинян неоднократно подчеркивала, что она интерпретирует свой жизненный путь, прошлое страны, опираясь на нажитый опыт «многих десятков лет» [3, с. 255], «всего пережитого, всей панорамы жизни» [3, с. 351].

Принимая во внимание, что Мариэтта Сергеевна была талантливым мыслителем, главным героем ее произведений была мысль [3, с. 523], поиски истины в течение более 70-ти лет неустанной творческой работы, представляется, что результаты этого осмысления личного и общественного исторического опыта предоктябрьского и советского периодов отечественной истории являются ценным историческим и литературным источником, памятником общественной мысли, значительным не только для осмысления творческого пути талантливого писателя, истории советской литературы, но и для осмысления советской истории.

Переходим непосредственно к анализу, осмыслению, оценкам советского периода в воспоминаниях М.С. Шагинян «Человек и время. История человеческого становления». Следует отметить, что М.С. Шагинян, встретив Октябрьскую революцию в 30-летнем возрасте, без колебаний приняла ее. Вот как она пишет об этом: «Моей судьбой – в этой длинной ступенчатой психологической подготовке характера – было приятие Октябрьской революции, перевернувшей страницу в истории человечества, абсолютное приятие – от сердца к разуму» [3, с. 162].

Какие причины и факторы обусловили это безусловное приятие писателем Октября? М.С. Шагинян неоднократно подчеркивала, что она выросла в семье врача, который разделял

ценности, распространенные в среде русской интеллигенции конца XIX – начала XX века: «совестливость» [3, с. 51], народолюбие, чувство вины перед «малыми сими», ощущение «дуализма «вины и обвинения» [3, с. 52–53], удушливой атмосферы в условиях самодержавно-полицейского режима [3, с. 21]. М.С. Шагинян отмечает «главнейшую страсть» своей молодости, «страсть найти истину, справедливую жизнь, равенство для всех, чувство самоуважения для каждого живого существа, и чтобы не было больших и малых, любимчиков Бога, фаворитов, чтобы всем людям было хорошо и никому не было неловко в обществе других людей» [3, с. 295]. Сыграли свою роль и «гены ганзейской независимости», унаследованные от деда по материнской линии, жителя г. Нахичевани-на-Дону, обусловленные особым статусом города, его самоуправлением, отсутствием российской полиции [3, с. 21–23].

В воспоминаниях писателя отчетливо выражена мысль о том, что ее «стихийный», «упорный», «фанатичный» большевизм «вне политики и понимания политики» [3, с. 484, 498–499], был обусловлен особенностями ее характера, темперамента (на эту психологическую причину предпочтений в политике очень редко обращают внимание историки политических движений). «Я была, – пишет М.С. Шагинян, – неведомо для себя самой отчаянной максималисткой, а когда пришло для меня время коснуться политики, оказалась ярым врагом психологии меньшевизма. И еще не будучи социал-демократкой – стала большевичкой» [3, с. 434].

М.С. Шагинян своеобразие части своего поколения видела в том, что оно, «пережив сердцем две революции – 1905-го и 1917 годов», было «навсегда обожжено их священным огнем» [4, с. 3].

Какие черты формировавшегося советского общества представлялись писательнице поворотным событием в истории нашей страны, в истории человечества? Она писала об атмосфере первых послеоктябрьских лет, об «огромном душевном подъеме зари человечества», счастья «созидать этот строй шаг за шагом, созидать творчески, инициативно, с широтой свободы, в огне



личной инициативы, в полной отдаче себя» [3, с. 474], об ощущении того, что сбываются идеи и мечты лучших людей прошлого о мире «братства, равенства, справедливости» [3, с. 476].

Давая обобщающую оценку своего жизненного пути в советскую эпоху, М.С. Шагинян писала: «Это полу столетие было для меня непрерывным творческим трудом, участием в великих работах первых пятилеток, «вмешательством в жизнь», борьбой за то, что я считала и считаю правильным и справедливым...». И далее следовал ее итоговый вывод о значении этого периода в истории страны: «Время, активно прожитое мною, я храню в памяти как великое время, и никакие трагические его страницы, ошибки и жестокости тех лет не перевешивают передо мной его исторического величия» [3, с. 517].

С высоты нашего сегодняшнего исторического опыта можно было бы упрекнуть писателя в апологетике советского общества, в истории которого наряду с впечатляющими достижениями было немало трагических, негативных событий и процессов. Но М.С. Шагинян скончалась в 1982 г., она не застала перестройку, идеологическую революцию конца 80-х гг., постсоветский период. Для нее советский период отечественной истории был не прошлым, а настоящим, в нем она жила. Она убежденно и искренне дала эту обобщающую оценку советской истории [3, с. 517].

При этом следует иметь в виду, что Мариэтта Сергеевна отнюдь не была ортодоксом советской официальной идеологии, она писала о том, что «меня частенько били и прорабатывали за свежие мысли, высказывавшие из нашей системы обучения классике марксизма от – до» [3, с. 536]. Она своей публицистикой неуклонно вела борьбу с «показухой», которая была одной из серьезных болезней советской действительности [3, с. 537– 538]. М.С. Шагинян подчеркивала, что «главное свойство мышления, без которого нет развития ни культуры, ни науки, ни нравственной сути человечества – бесстрашие» [3, с. 122]. Она убеждала: «не бойтесь ошибок, честных ошибок в своем творчестве, мы все не боги, мы живем долгую жизнь и не можем

не ошибаться на трудной дороге жизни. Но, люди! Бойтесь бреха! Потому что брех – это не ошибка, это проступок против себя самого и против правды...» [3, с. 165]. Этот урок М.С. Шагинян очень актуален и сегодня применительно к исторической правде. Историческая правда, как свидетельствует опыт советского периода, всегда полезнее лжи, как бы ни горька была эта правда.

С высоты сегодняшнего исторического опыта и современных представлений можно оценить как односторонние, необъективные оценки М.С. Шагинян ленинских идей о «двух культурах в каждой национальной культуре», его лозунга о «необходимости поражения своего Отечества» в Первой мировой войне как проявлению истинного патриотизма [3, с. 462–463].

Е. Водолазкин, современный писатель, сотрудник Пушкинского Дома, недавно высказал интересное наблюдение: когда человек пишет на историческую тему, если это серьезная вещь, он повествует не об истории, а о современной ему действительности. Это определение современности отрицательным путем, речь идет не о том, что есть в современности, а чего в ней нет [5, с11].

В книге воспоминаний М.С. Шагинян «Человек и время» множество идей и обобщений, противостоявших усиливавшимся негативным тенденциям в советской идеологии, актуальных и в современных условиях. Во вступлении к книге («Вместо предисловия») она писала о «преемственности и великой, ведущей силе жизни, именуемой Временем (с большой буквы)» [3, с. 6]. А на завершающих страницах книги, комментируя гениальные слова великого немецкого поэта И.-В. Гёте из его «Фауста» «сера, мой друг, всякая теория, вечно зелено лишь дерево жизни», М.С. Шагинян отмечала: «Всякая теория может застояться, окаменеть, превратиться в свою противоположность, если не проверять и не развивать ее вечно зеленым критерием – деревом жизни» [3, с. 557]. Фактически писатель таким образом обратила внимание на главный порок советской идеологии – ее растущий догматизм.

М.С. Шагинян скончалась в 1982 году. Мы, пережившие постсоветский период нашей истории, умудренные полученным опытом, яснее, трезвее видим достижения и негативные процессы, которые были свойственны советскому обществу, впрочем, как и любому другому историческому периоду. Представляется, что сегодня следует изучать советскую историю с новых позиций, на основе нового опыта и наработанных в последнее время теоретических представлений, тем более, что советская цивилизация уже завершилась.

Исторический опыт, приобретенный нами в советский и постсоветский периоды отечественной истории, убедительно свидетельствует о том, что поступательная динамика общественного развития обеспечивается только тогда, когда развитие нового опирается на все жизнеспособное, что существовало в предшествующий период и существует в настоящем. На разрушенном до основания прошлом, без обеспечения преемственности развития, очень трудно построить что-то путное, обеспечить поступательную динамику общества.

Изучение опыта советской истории, – об этом ярко свидетельствуют воспоминания М.С. Шагинян, – актуально сегодня для того, чтобы воскресить свойственную этой эпохе энергию созидания, которой так не хватает нам сегодня, преодолеть дефицит исторического оптимизма и социального творчества.

### Литература

1. 2013: Красные линии Владимира Путина // Российская газета. Неделя. 26 сентября – 3 октября 2013. № 216; *Горшков М.К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. 2013. № 3; *Гринберг Р.С.* Основные проблемы современного турбулентного мира // Гуманитарий Юга России. Научно-образовательный журнал. 2013. № 2.

2. Россия на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2004; Советская культура: проблемы теоретического осмысления. Материалы международной научной конференции. СПб: ИД «Петрополис», 2008; *Механик А.* Топором по истории // Эксперт. 2011. 11–17 апреля. № 14.
3. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М.: «Сов. писатель», 1982.
4. *Скорино Л.И.* Мариэтта Шагинян – художник. М.: «Сов. писатель», 1981.
5. Известия. 20 декабря 2013. № 240. .

## **«КОГДА-НИБУДЬ МЫ ВСЕ ВОСКРЕСНЕМ...»**

*Н.В. Мирзабекова*

Казалось бы, что особенного может «сказать» нам чужой автограф, этот оставленный на обложке или форзаце книги чернильный (карандашный) авторский росчерк. Для большинства – всего лишь подпись, лишь факт, выделяющий данную конкретную книгу из общей массы тиража, придающий ей штучную ценность. Это что касается обычного автографа, оставленного обычному читателю.

Все иначе осмысливается и воспринимается, когда автограф – не просто оставленный мимоходом росчерк пера, но тщательный, может с внутренним волнением, продуманный текст, в котором можно разглядеть отношение автора к человеку, которому он адресует написанное, его эмоциональное состояние в минуту письма, в целом – даже картину взаимоотношений людей, вступивших в этот диалог посредством автографа. Когда же адресат – личность известная, из тех, кто своим творческим наследием, своим присутствием в мире придает этому миру некий дополнительный запас кинетической энергии, длящийся во времени, продолжающий «работать» спустя десятилетия, если не столетия, после смерти этой самой личности, автограф естественным образом выходит за рамки межличностных

отношений, становится достоянием истории. Тогда даже шаблонное «На память» делает его значительным и важным, достойным осмысления потомками. Тогда написанное, пусть не сразу, но спустя время, получает моральное право, а может, даже обязанность, выйти за рамки приватного отношения автора и адресата, стать достоянием общественности. Такое время, должно быть, пришло для автографов, оставленных Мариэтте Сергеевне Шагинян ее современниками.

В обширной библиотеке писательницы, бережно хранимой ее внучкой Еленой Викторовной Шагинян и реставрируемой ею по мере необходимости по ее просьбе лучшими московскими книжных дел мастерами, сохранилось около девятистот (!) книг с автографами. В них (и через них) свое отношение к Мариэтте Сергеевне – ее творчеству и ее личности – выражали не только писатели, но и политические деятели, композиторы, художники, ученые, военачальники. Мариэтта Сергеевна прожила не просто долгую жизнь (ровно 94 года), но и насыщенную встречами с людьми, многие из которых вошли в историю нашей страны и мира, их биографии стали главами энциклопедий, рассказывающих о выдающихся людях XX столетия. Для самой же Мариэтты Сергеевны это были герои ее публицистических очерков, знакомые, единомышленники или, напротив, оппоненты, соседи по дому или даче, приятели ее детей и внуков. Словом, люди, с которыми она общалась, дружила, просто знала. То, что сейчас нам видится неким Олимпом дореволюционной российской и советской интеллектуальной элиты, для нее была среда, в которой она обитала, занимая свое, очень достойное и почетное место.

Что касается книги «Книги из библиотеки М.С. Шагинян. Автографы», то она, точно некий срез геологических пород, многослойна. При первом приближении она позволит увидеть то, что «на поверхности», – собственно автографы. Читать их – занятие крайне увлекательное. Но потом каждому непременно захочется изучать их с точки зрения графолога, пусть и доморощенного. Вглядеться в почерки авторов текстов, попытаться разгадать их характеры, ощутить изменения

эмоционального и даже физического состояния пишущего во времени. Книга позволяет сделать и это, сравнивая несколько автографов одного человека, но написанных в разное время, при разных обстоятельствах (Андроников, Вознесенский, Пастернак, Зощенко, другие).

Вчитавшись же в тексты, мы попытаемся понять характер отношений автора автографа к Мариэтте Шагинян. Ведь в иных случаях (Чуковский, к примеру) это не просто дарственная надпись, но своего рода письмо-послание к Мариэтте Сергеевне, в котором излагается какая-то конкретная просьба или напоминание о чем-то. Порой, как в случае с Зощенко, надпись приобретает характер завещания, последнего слова-предчувствия друга перед уходом в иной мир.

Благодаря этому собранию автографов нам предоставлена возможность вспомнить о том или ином литераторе из советского прошлого, когда-то модном, читаемом, изучаемом в школах и вузах или, напротив, намеренно забытом советской властью, но заново открыть для себя этого прозаика, поэта, критика, мемуариста, переводчика или ученого, военачальника, познакомиться с ним посредством этой короткой записи.

Автором идеи создания этого книжного проекта «Книги из библиотеки М.С. Шагинян. Автографы» является Елена Шагинян. Она не только внучка своей великой бабушки, но человек, которому самой Мариэттой Сергеевной было завещано представлять ее литературное наследие после ухода писательницы из жизни, вести его, распределяя по архивам, музеям, фондам таким образом, чтобы каждый фрагмент попал в нужные, ответственные руки.

Эта задача в большей степени миссионерская, может даже жертвенная. Ведь, будучи кандидатом биологических наук, женой и матерью, в зрелом уже возрасте, Елена Шагинян в какой-то момент по просьбе постаревшей бабушки, переступив через собственные карьерные амбиции, стала ее литературным секретарем. (В советские годы, когда в обязанность получившей известность творческой личности вменялось не только быть востребованным в профессии, но и вести общественную работу,

секретарями обзавелись многие именитые писатели. К примеру, секретарем Самуила Яковлевича Маршака был Владимир Познер, в то время молодой выпускник биофака МГУ). Но и теперь, после смерти бабушки, она продолжает служить ей. В небольшой московской квартире Елены Шагинян (есть еще фамильный дом в Коктебеле, который неизбежно со временем получит статус дома-музея, благодаря именам людей, которые в нем жили или бывали) все стены заставлены стеллажами, каждая книга здесь не случайная, но имеет свою историю. В редких проемах между стеллажами – портреты Мариэтты Шагинян, Магдалины Шагинян, Мирель Шагинян, Виктора Цигала, Елены Шагинян, Сергея Цигала, Любви Полищук... И это не просто семейные реликвии. Но истинные произведения искусства – к примеру, работы кисти друга Мариэтты Шагинян по нахичеванской юности Мартироса Сарьяна. Каждая по многу раз воспроизводилась в книгах и журналах, иллюстрируя те или иные сведения о творчестве Мариэтты Шагинян, жизни других членов семьи. В некоторых рамках под стеклами не портреты, но... тексты, написанные рукой, к примеру, Андрея Вознесенского.

Поймав мой взгляд человека, оказавшегося в пространстве, заполненном сокровищами, Елена Викторовна сказала: «Бабка прожила почти полный век. И вся русская советская литература ЗДЕСЬ! Все ей подписывали! Мне хочется показать через автографы этот диапазон – советские великие и рядом просто советские, такие как Парфенов с его «Брусками», которые входили в вузовскую программу и о которых Дмитрий Быков сказал, что не знает человека, у которого хватило бы терпения дочитать это произведение до конца. Но это тоже наша история. И никуда от этого не денешься. Важно то, что в задуманном нами издании собран едва не весь русско-советский мир литературы».

Пока мы работали, отбирая книги с автографами (в данном сборнике представлена лишь часть, пусть и большая, имеющегося), фотографируя их, делая записи по ходу, что называется, дела, Елена Викторовна комментировала некоторые из подписей.

К примеру, показывая автографы Михаила Козакова, заметила: «Это для меня святое. Как и Вознесенский, который расписался перед уходом с какого-то вечера на литфондовой салфетке». Доставая с полки книги Зощенко, обратила внимание на последний из автографов Михаила Михайловича: «О мои грустные опыты!! И зачем я захотел все знать?//Вот теперь я уже не умру так спокойно, как надеялся». Елена Викторовна сказала, что позже попыталась найти автора этой стихотворной строфы. Тщетно. Может, их написал сам Зощенко? Вспомнились невольно слова Веры Зощенко, жены писателя, которая говорила в интервью 1970-х годов: «Многие после смерти Михаила Михайловича утверждали, что помогали нам в самые страшные годы, после публикации письма Жданова, когда мы остались без средств к существованию. На деле же поддерживала тогда одна Шагинян». Когда мы дошли до книг Андроникова, Елена Викторовна показала в доме, стоящем напротив ее дома, окна квартиры, где жил Иракий Луарсабович, в котором позднее жил Александр Галич, а потом Ахмадулина. Это был знаменитый писательский дом на Аэропортовой. В нем жила и сама Мариэтта Сергеевна. Елена Викторовна с мужем специально обменяла свою старую квартиру на ту, в которой живет сейчас, чтобы быть поближе к бабушке, когда та перешагнула свой 80-летний рубеж...

Перебирая книги Ольги Форш, посмеялись над одной из приписок, которую оставила Ольга Дмитриевна под обычным любезным текстом автографа: «...ах, Мариэтта, где же мой Гёте? Жду...» Должно быть, Мариэтта Сергеевна, которая к Гёте, его творчеству питала особую любовь «зачитала» Гёте из библиотеки Форш. У Виктора Шкловского в подаренной им книге о Достоевском «За и против» – запись: «Мариэтте Сергеевне Шагинян на память о Петербурге–Ленинграде, Доме искусства – споры о гипсе...». Так вот главный редактор Детгиза С.М. Алянский писал в своих воспоминаниях о том, что на следующий день после похорон Блока Шагинян и Шкловский на подводе поехали искать гипс для посмертной маски поэта. Отыскать его в охваченном революцией Петербурге, должно



быть, было непросто. И у каждого было свое наиболее вероятное место, где можно было приобрести гипс. Мимолетная, случайная фраза. Но сколько за ней стоит воспоминаний из нашей истории!

Маргарита Алигер пишет своему литературному собрату, точнее, сестре, в 1966 году, желая подчеркнуть ту инверсию, которая произошла с ними обеими со временем: Шагинян, стартовавшая в литературе как поэт, широкое читательское признание получила после публикаций своих прозаических произведений, Алигер же, признанный классик советской поэзии, в зрелые годы, когда ей предоставилась возможность выехать за рубеж, опубликовала свои путевые заметки.

Пять книжных автографов Андроникова, выстроенных в хронологическом порядке, позволяют проследить эволюцию его отношений к Шагинян: от вежливого «Мариэтте Сергеевне в знак глубокого уважения» в 1950 году до «Драгоценной Мариэтте Сергеевне сильнолюбящий ее автор» в 1978 году.

А Антокольский, почти ровесник Шагинян, связанный с нею с юности одним кругом знакомых, мог позволить себе, переступившему порог 70-летия, написать Мариэтте Сергеевне: «...с вечной любовью и вечным восхищением».

В мемуарах об Ахматовой существуют записи о том, что она с пренебрежением относилась к Шагинян, к ее позиции по отношению к советской власти. (Шагинян же никогда не позволяла себе дурно отзываться об Ахматовой.). Но вот автограф, приоткрывающий завесу их отношений в годы, когда они сталкивались лично. Понятно, что эти отношения складывались непросто, но они все же позволили Ахматовой, подписывая Шагинян свои «Четки», добавить в конце: «С любовью».

Высокомерный и высокопарный в иные (дореволюционные) годы, Андрей Белый пишет Мариэтте Шагинян в своем автографе «Не от Белого, а от Бори». Знаки, оформление. И тут важна не сама запись, но время, в которое она была сделана. 1922 год. Белый возвращается из эмиграции, где произошел его разрыв с женой Асей Тургеневой, где был не то что не принят, но зло

высмеян за свою «помятость» оказавшимся, как и он, за границей Ходасевичем, Белый возвращается в Россию, где мало кого из прежнего круга находит. «Иных уж нет, а те далече...» Но и из немногих оставшихся лишь Шагинян, со свойственной ей душевной отзывчивостью, не оттолкнула его, растерянного и побитого жизнью.

Попутно хотелось бы заметить одну малоизвестную подробность из жизни Мариэтты Шагинян, которую она никогда ни при каких обстоятельствах не выносила на публику не только в силу личной порядочности, но ещё и потому, что в этом не всегда было безопасно признаваться. Елена Викторовна вспоминает, что всегда, с малых своих лет помнила, как к бабушке приходили ее терпящие нужду стареющие гимназические подруги и она незаметно вкладывала им в руки уложенные в конверты деньги. В семье Шагинян это было делом настолько привычным, само собой разумеющимся, что внуки Мариэтты Сергеевны лишь спустя время поняли, что эта способность делиться с ближними свойственна далеко не всем людям их круга. Это стало и для них своеобразной прививкой доброты и порядочности.

Из таких вот деталей неформальных писательских отношений, связей, случаев благодаря автографам приоткрываются читаемые сегодня с таким интересом новые факты из жизни классиков прошлого века. В этом нет душка обывательского подглядывания за чужой жизнью. Ну как можно было пройти мимо, отбросить в топку исторического отвала такую, к примеру, запись того же Шкловского: «Мариэтте Шагинян – другу двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятых, шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых годов. Дальше, может быть, вместе посидим на завалинке истории?»

Пусть простят нас наши великие старцы за то, что не даем отсидеться «на завалинке истории», беспокоим их память, ворошим бумаги, побуждаемые снова и снова понять, что и как тогда было – в двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы – в период их активной творческой жизни. Мы пытаемся в написанном ими,

даже таком «малозначительном», как автографы, отыскать ответы на загадки того времени, понять и осмыслить те годы, чтобы понять и осмыслить, что произошло и продолжает происходить с нами во времена нынешние. И на какие бы дальние полки мы ни забрасывали книги с их произведениями, наступают дни, когда нам оказывается важно и нужно услышать и их Слова. Вот и сейчас мы с интересом читаем Шагинян, обнаруживая тексты, созвучные дню сегодняшнему.

«Когда-нибудь мы все воскреснем», – написал на своей книге один из авторов, адресованных Мариэтте Сергеевне. Может, такое воскресение он и имел в виду?!

## МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СЛЕД М.С. ШАГИНЯН

*Н.А. Мецзякова, Т.В. Шорлуян*

Пытаясь осмыслить все еще не оцененный до конца вклад Мариэтты Шагинян в музыкальное просветительство, закономерно прежде всего обратиться к ее самобытному таланту историка. Это был, несомненно, врожденный дар, производный от особого, присущего только ей чувства времени, пробужденный органичной потребностью, как выражалась сама писательница, наблюдать «бег ртутной стрелки пути человеческого все дальше к тому, что впереди и впереди», иными словами, «путешествовать с людьми *вперед*» (курсив наш – Н.М., Т.Ш.) [1, с. 10]. Возможно, продуктивность и нестандартность исследовательского метода Шагинян и заключалась в том, что изучение прошлого оборачивалось для нее продвижением в будущее, осененным диалогом эпох. И кажется, что исследователем движет субъективный мотив – жажда неповторимого эстетического наслаждения самим течением времени. «Время течет и дышит, вдыхаемо и осязаемо, оно – само жизнь, существо жизни, и нет

ничего отраднее, как отдаваться ее течению, словно плыть на спине, глядя в небо. Налаживая и настраивая время в себе, как великий ритм жизни, вы собираете в себе силы для мышления и для творчества» [1, с. 11]. Если относить сказанное не только к отдельным личностям, но и к целым поколениям, то нетрудно расслышать в этих словах завет, обращенный Мариэттой Шагинян к последователям. Во-первых, именно этой обращенностью в будущее дорого прошлое. И на события творческой жизни нашей легендарной землячки мы попытаемся взглянуть с позиции сегодняшнего дня. Во-вторых, упомянутое слово «творчество» по существу служит ключом по отношению к той важной сфере художественного бытия Мариэтты Сергеевны, которое охватывается широким понятием «музыкальное просветительство», поскольку культурные процессы своей противоречивой эпохи она не просто анализировала, описывала, сохраняла в общественной памяти как целостную картину, ценную деталями и нюансами. Космическая энергия этой деятельной натуры делала ее причастной к созиданию культуры, к сотворчеству, объединившему ее на определенном временном отрезке исторического сюжета с великим композитором и музыкальным деятелем Сергеем Рахманиновым.

Летопись этих неординарных творческих отношений получила отражение в современной литературе. Сегодня хорошо известно о том, что в атмосферу двух тогда вполне самостоятельных соседних городов – Ростова и Нахичевани-на-Дону – Рахманинов погружался не просто как гость и гастролер. Прославленный музыкант наряду с творческой осуществлял здесь и общественную миссию. Выступая в роли инспектора учебных заведений и отделений ИРМО, он пытался отрегулировать постепенно зашедшие в тупик отношения между местным руководством Императорского русского музыкального общества и основателем музыкальных классов, преобразованных затем в музыкальное училище, по существу – первопроходцем в области профессионального музыкального образования на Дону М.Л. Пресманом. Но по отношению к нему Рахманинов выступал

не только в официальном чине помощника по музыкальной части председателя главной дирекции ИРМО, действовавшего под патронажем принцессы Е.Г. Саксен-Альтенбургской – представительницы императорской фамилии. Выдающегося пианиста и педагога Пресмана связывали с Рахманиновым прочные узы фортепианной школы, объединившие двух музыкантов в знаменитом зверевском гнезде – в доме знаменитого на всю Москву профессора Н.С. Зверева, являвшегося для своих питомцев-зверевцев – не только учителем, но и духовным отцом. Активное вмешательство Рахманинова в процесс музыкального образования на Дону, его частые гастрольные выступления в Ростове (в 1911 г., 1913 г., дважды в 1915 г. и 1917 г.), дружеские связи с выдающимися деятелями донской культуры сделали его для города *своим* в глубоком историческом смысле. Это обстоятельство имело серьезное *формообразующее* воздействие на развитие современной музыкальной культуры. «Спустя примерно восемь десятилетий после того, как столица Донского края видела и слышала автора «Алеко», Ростов завоевал право считаться рахманиновским городом – наряду с Москвой и Тамбовом (Ивановкой). *Изложенные выше обстоятельства послужили руководству Ростовского государственного музыкально-педагогического института убедительной мотивировкой для ходатайства перед правительством о преобразовании вуза в консерваторию и присвоении ей имени С.В. Рахманинова* (курсив авторов – Н.М., Т.Ш.). Ходатайство было удовлетворено в апреле 1992 года. Ровно через год консерватория – при поддержке Министерства культуры России и совместно с Ростовской филармонией, Государственным музеем музыкальной культуры им. М.И. Глинки и Ростовским музеем краеведения – провела масштабную культурную акцию «Рахманиновские дни в Ростове», посвященную 120-летию со дня рождения артиста. В ее рамках состоялась серия концертов, где, в частности, *впервые в России* была дана в концертном исполнении *неоконченная опера «Монна Ванна»* (курсив автора – Н.М., Т.Ш.) [2].

Процитированную здесь историческую справку следует дополнить чередой других событий и явлений, не только порожденных влиянием масштабной личности Рахманинова, но и во многом производных от творческих контактов великого музыканта с Шагинян. «Сергей Рахманинов и Мариэтта Шагинян: ростовские встречи». Так называлось театрализованное действо, представленное в фойе Камерной сцены ростовского государственного музыкального театра (отказ от сценического пространства способствовал пространственному сближению артистов с публикой). Представляя в живом взаимодействии друг с другом основных героев этого исторического сюжета, включая, помимо главных действующих лиц, названных в заглавии программы, но еще и Матвея Пресмана и, конечно же, мать Мариэтты Сергеевны как главную соведущую и постоянную участницу диалогов с дочерью, организаторы и участники проекта пошли дорогой, проторенной самой писательницей, вступили в русло ее излюбленной темы. «Воскрешение из мертвых» – так обозначила ее сама писательница, считая ее «колоссальной темой искусства», «темой больших мастеров кисти, темой больших поэтов» [1, с. 23], получившей отражение и в музыке и в литературном творчестве самой писательницы. Не случайно именно так озаглавлен Шагинян ее большой музыкально-исторический труд, сбросивший пелену забвения с такой значительной для своей эпохи личности, как старший современник Моцарта, композитор Й. Мысливечек, и относящийся к достаточно редкому в литературе жанру, который благодаря самой Мариэтте Сергеевне и выдающемуся изыскателю, самобытному мастеру устного рассказа И.Л. Андроникова обозначился так: «История одного исследования». Вот и в образе молодой Мариэтты Шагинян исполнительнице предстояло отразить составляющие этого неповторимого «Я». Пытливый неутолимый ум, позволивший юной интеллектуалке наряду с историко-философских факультетом высших женских курсов окончить «“для души” и между делом» - физико-математический факультет народного университета, интересоваться минералогией и кристаллографией.

Огненный южный темперамент, воспламенявший азарт неутомимой спорщицы и отраженный в ярких отсветах на страницах ее воспоминаний о Рахманинове: «Я по обыкновению вспыхнула, как порох, и стала утверждать, что у Пушкина каждая строка – совершенство. И чем больше он посмеивался над моей горячностью (он страшно любил, дразня, доводить меня до белого каления), тем более я “лезла на стену”» [3, с. 121]. Восторженность восприятия, не состоящая в родстве с сентиментальностью провинциальной барышни и обернувшаяся «страстью молодости и новизны» и мечтами о том, «как устроить человечество лучше и честнее». И надо сказать, одолеть столь сложные задачи артистка театра Татьяна Климова смогла вполне. Актрисе, словно созданной для ярких каскадных ролей в опереттах и мюзиклах, тяготеющей к ролям характерным и колоритным, таким, как Лариса в «Белой акации» Дунаевского или Адель в «Летучей мыши» Штрауса», удалось представить Мариэтту Шагинян как яркое порождение Серебряного века, передать живую грацию ее мыслей и изящную порывистость ее жестов: как весенний ветер, врывается она в игровое пространство – со связкой книг, с ожиданием во взоре и с радостной вестью о предстоящих гастролях Рахманинова! Но на протяжении всего представления, на каждом повороте несложной фабулы костюмированного концерта (можно и так назвать это действие!) героиня сохраняла обаятельную манеру *лирически излагать* – выражаясь языком самой писательницы – свои суждения и при этом оставаться *не крайней* – свободной от прокрустова ложа модных идей и жестких постулатов. Словом, быть такой, какой и отразил ее в своем романтическом эпистолярном шедевре С.В. Рахманинов. «Кроме своих детей, музыки и цветов, я люблю еще Вас, милая Ре, и Ваши письма. Вас я люблю за то, что Вы умная, интересная и не крайняя (одно из необходимых условий, чтобы мне “понравиться”); а Ваши письма за то, что в них везде и всюду я нахожу к себе веру, надежду и любовь: тот бальзам, которым лечу свои раны. Хотя и с некоторой пока робостью и неуверенностью, – но Вы меня удивительно метко описываете и хорошо знаете. Откуда? Не устаю

поражаться. Отныне, говоря о себе, могу смело ссылаться на Вас и делать выноски из Ваших писем: авторитетность Ваша тут вне сомнений... Говорю серьезно! Одно только не хорошо! Не уверенная вполне, что рисуемый Вами заглазно портрет как две капли воды сходен с оригиналом, Вы ищите во мне то, чего нет, и хотите меня видеть таким, каким я, думается, никогда не буду. Моя “преступная душевная смиренность” (письма Re), к сожалению, налицо, – и моя “погибель в обывательщине” (там же) мерещится мне, так же как и Вам, в недалеком будущем. Все это правда! И правда эта оттого, что я в себя не верю. Научите меня в себя верить, милая Re! Хоть наполовину так, как Вы в меня верите» [4].

Впрочем, ни этой, самобытной по стилю цитаты, ни других, приводимых здесь, в тексте сценария нет – они лишь отзвучивают в репликах героини, скрепляющих музыкальные номера композиции и нигде не ограниченных скупой ролью комментария. Тонкая игра артистки окончательно освободила – можно сказать и так – автора сценария и руководителя творческого проекта (в одном лице) от необходимости нагружать фабулу документальным материалом или музыковедческими выкладками. Такой выбор был согласован с исторической правдой: непосредственное общение Шагинян и Рахманинова в Ростове и в Нахичевани, в доме Мариэтты Сергеевны, происходило в первой половине второй декады XX столетия – еще до того, как она стала читать лекции по эстетике в донской консерватории и, спустя годы, проявила себя в роли автора музыкально-исторических очерков, посвященных Д.Д. Шостаковичу. В этих своих работах явно просветительской направленности Шагинян продемонстрировала музыковедческий подход к композиторскому методу. «Почерк композитора, его неотъемлемая особенность – не столько в красках или в мелодии, сколько в своеобразии развития темы, в оригинальности его “синтаксиса”, если сравнить музыку с искусством речи» [5]. К столь серьезному выводу, в лучших традициях академического музыкознания, писательница придет в своем «письме из Ленинграда». Таким подзаголовком снабжена ее статья,



озаглавленная просто – «Одинадцатая Шостаковича» – и написанная в 1957 г. – четыре десятилетия спустя после нахичеванских встреч с Рахманиновым. В другой статье, посвященной квинтету Шостаковича и датированной 1940 годом [6], Мариэтта Сергеевна продемонстрировала качество, далеко не всегда характеризующее критиков – умение и потребность оценивать концертную программу как единый художественный текст. В том же предвоенном 1940 году, в статье, посвященной пятой симфонии Шостаковича, Шагинян решительно подвергла ревизии испытанные просветительские приемы, которые, несмотря на их распространенность в прикладном музыковедении, вызвали у нее осознанный протест. «Ничто так не повредило музыкальной культуре человечества, как старанье «околомузыкальных» людей примитивно разъяснять слушателю музыкальное произведение как рассказ словесными образами и словесным сюжетом» [7, с. 14]. Речь здесь заходит о недопустимой, по мнению автора, привычке, которую развивают у публики лекторы-музыковеды; они приучают слушателя «следить за музыкой по переводу ее на словесный язык» [7, с. 14], игнорируя при этом законы и особенности музыкальной речи.

Достичь прочного теоретического уровня суждений о музыке Мариэтте Сергеевне позволил слушательский и исполнительский опыт, обретенный ею еще в гимназические годы, богатые впечатления от общения с выдающимися музыкантами Серебряного века – Н.К. Метнером и, конечно же, С.В. Рахманиновым. Автор «Сирени» и «Весенних вод» разгадал в незнакомой с ним *njulf tot* лично корреспондентке, подписывавшей свои письма нотой «ре» соединенное с музыкальным вкусом литературное чутье.

«Милая моя Ре, Вы на меня не рассердитесь, если я обращусь к Вам с просьбой? И если исполнение этой просьбы не доставит Вам большого труда, исполните ли Вы ее? Сейчас скажу, как и чем Вы мне можете помочь... Мне нужны тексты к романсам. Не можете ли Вы на что-либо подходящее указать? Мне представляется, что “Ре” знает много в этой области, почти все, а может быть, и все. Будет ли это современный или умерший автор

– безразлично! – лишь бы вещь была оригинальная, а не переводная и размером не более 8–12, максимум 16 строф \*. [Рахманинов ошибочно написал «строф» вместо «строк»]. И еще вот что: настроение скорее печальное, чем веселое. Светлые тона мне плохо даются!» (письмо от 15 марта 1912 года). С тех пор я неоднократно переписывала и подготавливала для него стихотворные тексты из русских поэтов. Он очень не жаловал символистов, но я все же старалась заставить его кое-что оценить и в них. «Крысолова» В. Брюсова, «Сон» Ф. Сологуба, «Ивушка» А. Исаакяна в переводе А. Блока и ряд других романсов он создал по переписанным и приготовленным мною для него текстам. Обычно я старалась «начитать» их для него графически: давала рисунок ритма стиха, рисунок интонационного движения стиха, раскрывала с помощью этих рисунков заложенную в самом стихотворении его собственную мелодию. Очень подробно анализировала Пушкина, мелос которого неисчерпаем для музыкантов, хотя в те годы многие считали Фета или Полонского или даже Дельвига более «подходящими» для песенной музыки. <...> ...Я проанализировала в письме к Рахманинову пушкинскую «Музу», рассказав, как медленно и последовательно вступают у Пушкина в строй семь стволов пастушьей «цевницы семиствольной», как музыка, разрастаясь, становится все более ликующей и как муза, «радуя меня наградою случайной», сама берет из рук ученика свирель, и все заканчивается классическим дифирамбом, когда «тростник был напоен божественным дыханием»... Рахманинов написал романс на этот текст и посвятил его мне» [3, с. 120–121]. Далее историю своего творческого содружества с композиторов Шагинян представляет так. «Рахманинов дважды использовал мои тетрадки с «приготовленными» для него текстами – в 1912 году для романсов ор. 34 и в 1916 году для романсов ор. 38. «Милая Ре, на днях закончил свои новые романсы. Около половины из них написаны на стихи из Вашей тетради. Переименую Вам сейчас слова, на тот случай, если Вас это заинтересует, А. Пушкина: “Буря”, “Арион” и “Муза” (последний посвящаю Вам). Тютчева: “Ты знал его”, “Сей день я помню”. А. Фета: “Оброчник”, “Какое

счастье”. Полонского: “Музыка” “Диссонанс”. Хомякова: “Воскресение Лазаря”. Майкова: “Не может быть” (написаны на смерть дочери), Коринфского: “В душе у каждого из нас”. Бальмонта: “Ветер перелетный” <...> «Всеми романсами, в общем, доволен и бесконечно радуюсь, что дались они мне легко, без большого страдания. Дай бог, чтоб и дальше так работа продолжалась», – писал он мне из Ивановки 19 июня 1912 года. Шесть романсов из ор.38 целиком написаны на «препарированный» мною текст» [3, с. 121].

Символично, что дипломная работа студентки вокального факультета Л. Мельниковой «Особенности вокального творчества С. Рахманинова на примере «Шести романсов» ор. 38, посвященная истории творческих взаимоотношений композитора и писательницы и в значительной мере отразившая исполнительскую судьбу творений, осененных союзом двух имен, родилась в стенах консерватории, которая уже почти четверть века носит имя великого музыканта.

Важная созидательная и почетная для истинного просветителя – формообразующая по отношению к самой культурной среде роль оценивалась самой Мариэттой Шагинян весьма скромно. В своих воспоминаниях о композиторе полушутя замечала она, что вообразила себя в судьбе композитора главным *текстмейстером*. Но именно в этом качестве оказалась она причастной к появлению на свет тех вокальных шедевров, которые в наши дни составляют основу учебного, концертного и конкурсного репертуара современных певцов – и в России и в мире.

И сегодня следуют мудрому завету М.С. Шагинян – «глядеть в прошлое, только как люди глядят – вперед и вперед...» [1, с. 13] – организаторы и участники Международного конкурса вокалистов имени С.В. Рахманинова, который основан в Ростове и уже состоялся дважды: 26–30 октября 2009 года и 4–7 апреля 2013 года. За столь небольшой срок укрепился статус и престиж конкурса. Увеличилось число участников, расширилась география: если в первом участвовали представители трех зарубежных стран, то второй привлек конкурсантов из Беларуси,

Украины, Армении, Сербии, Италии, Узбекистана, Абхазии и многих городов России. Выкристаллизовался состав жюри: во главе его А. Науменко – Народный артист России, профессор, солист ГАБТ, заведующий кафедрой сольного пения Российской академии музыки им. Гнесиных. Международный статус жюри подтверждается участием в его работе музыкантов из Армении и Сербии. Это профессор Ереванской Национальной консерватории им. Комитаса, солистка Национального Академического оперного театра им. А. Спендиаряна, лауреат международных конкурсов Г. Гегамян и ведущая солистка Оперы сербского национального театра, профессор М. Стоядинович. Художественное руководство конкурса осуществляет Народный артист России, профессор Московской Консерватории им. П.И. Чайковского, председатель Всероссийского музыкального общества С. Политиков, обязанности арт-директора конкурса исполняет профессор Ростовской государственной консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, заслуженная артистка РИ Т. Шорлуян. В программах участников двух состязаний все романсы опуса 38 и другие творения, рожденные в счастливом творческом союзе Рахманинова с Шагинян. Но главное в другом. Производной от музыкально-просветительских идей писательницы можно считать главную цель конкурса: сплотить творческую молодежь вокруг немеркнущих художественных ценностей, вдохновить ее идеей созидания новой, гармоничной художественной среды. А созидая, нужно оглянуться назад. Ведь недаром, измеряя легкими шагами тишину нахичеванских улиц, великая мечтательница и воительница духа Мариэтта Шагинян заглядывала далеко вперед и ясно представляла себе, как «новое человечество, ступив непроторенными путями в будущее, идет и по дорогам памяти в прошлое, как в будущее» [1, с. 364–365].

## *Литература*

1. *Шагинян М.С.* Воскрешение из мертвых: повесть об одном исследовании. М., 1964.
2. Рахманинов в Ростове. По материалам писем, воспоминаний, критических отзывов / Сост. А.Я. Селицкий. [www.rostcons.ru/rach.html](http://www.rostcons.ru/rach.html)
3. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове. Изд. 5, доп. Т. 2. М., 1988.
4. С.В. Рахманинов – М.С. Шагинян от 8 мая 1912 г. // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. Письма. М., 1980. С. 47. 5. *Шагинян М.С.* Одинадцатая Шостаковича (Письмо из Ленинграда) // Шагинян М.С. О Шостаковиче. М., 1979. С. 24.
5. *Шагинян М.С.* Квинтет Шостаковича // *Шагинян М.С.* О Шостаковиче. С. 20–22.
6. *Шагинян М.С.* Пятая симфония Шостаковича // *Шагинян М.С.* О Шостаковиче. С. 14.

## ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ, СВЯЗАННЫХ С ИМЕНЕМ М.С. ШАГИНЯН

*М.В. Новикова*

*главный архивист ГАРО*

Документы Ростовского государственного архива, свидетельствующие о пребывании М.С. Шагинян в нашем городе, о ее профессиональной и творческой деятельности весьма скудны, можно сказать, что это всего лишь отдельные следы. Необходимо заметить, что архивное дело – это практическая сфера знания, и даже эти «легкие следы», имеют для нас большую ценность как свидетельства пребывания реального человека в реальном времени.

Судьба Мариэтты Сергеевны Шагинян неразрывно связана с нашим городом: это и годы детства, когда она потеряла отца и переехала на некоторое время из Москвы с семьей к родственникам матери в Нахичевань-на-Дону, и годы работы в Донском отделе образования и газете «Приазовский край».

Единственное документальное свидетельство о пребывании маленькой девочки Мариэтты Шагинян сохранилось в фонде Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской гимназии. Это экзаменационная ведомость вновь поступающих в число учениц гимназии за 1901 год. Здесь Мариэтта, тогда еще Марианна Шагинянц, значится за 213 номером, вместе со своей сестрой Магдалиной Шагинянц:

- 21 марта 1988 года рождения,
- вероисповедания армяно-григорианского,
- сословие (в данном случае имеется в виду звание отца) – доктор медицины; дата подачи прошения о принятии детей в гимназию – сентябрь 1901 года,
- наконец заключение педсовета о принятии на обучение. [1. Л. 137об].

Вторая группа документов, в которых мы находим сведения о М.С. Шагинян – это документы по личному составу Донского отдела образования, в их числе: упоминания ее имени в разнообразных списках сотрудников, личная карточка, журналы заседания местной расценочно-тарифной комиссии.

Например, в списке сотрудников на 23.10.1920 года мы находим запись «Шагинян Мариэта Сергеевна – инструктор прядильно-ткацкой школы» подотдела профессионально-технического образования [2. Л. 252].

Тут же в списке работников Наробраза, не прошедших через биржу труда (от 15.01. по 26.05.1920 года), кроме графы «фамилия» и «должность» указано «время поступления» – 17 апреля [2. Л. 270об].

Личная карточка сотрудника ДОНО № 223 дает нам уже чуть больше информации, чем упоминания в списках. Из нее явствует, что Мариэтта Сергеевна Шагинян, тридцати двух лет, беспартийная, служащая, замужем, подданная РСФСР, не военнообязанная, занимает должность инструктора профессионально-технического отдела 26 категории, поступила на работу 17.04.1920 г., карточки на бирже труда не имеет, проживает по адресу Нахичевань, 23 линия, 10–14 [3. Л. 223].

В журнале заседания местной расценочно-тарифной комиссии отдела народного образования от 7 мая 1920 года разряд Шагинян уже 28, а также упоминается оклад инструктора – 14400 рублей [4. Л. 65, 96].

Документальные свидетельства о работе Шагинян в газете «Приазовский край» сохранились в личном фонде донского краеведа Михаила Борисовича Краснянского. Михаил Борисович собрал в своей коллекции множество разнообразных интересных документов и сведений, касающихся жизни Донского края. Не мог он обойти своим вниманием и фотографии редакции «Приазовского края», опубликованные ко дню юбилея газеты в 1916 году, среди которых есть и фотография Мариэтты Шагинян [5. Л. 319].

Там же сохранилось и объявление о продолжении подписки на газету «Приазовский край» на 1911 год. Говоря текстом объявления, «в газете принимают участия следующие лица»: имя М.С. Шагинян стоит с пометкой «С-Петербург» [6. Л. 147].

Готовя материалы к составлению словаря «Донские уроженцы», Краснянский рассылал анкеты, с просьбой предоставить сведения о личных данных, профессиональной и творческой деятельности. Трудно сказать, была ли она отправлена Шагинян, так как сохранившаяся анкета с ее именем осталась не заполненной. К ней приложена вырезка из «Приазовского края» от 04.09.1918 г., № 137 о выходе в свет четвертого издания стихов Шагинян «Orientalia», обложка которого была оформлена художником Мартиросом Сарьяном [7. Л. 208].

Особняком стоит дело о выдаче авторского гонорара Мариэтте Шагинян в фонде Донской Рабоче-крестьянской инспекции. Интересно нам это дело прежде всего автографом Шагинян – ее заявлением, в котором она излагает суть дела и претензии к издательству. Даже человеку, не знакомому с биографией и творчеством Шагинян, этот документ, его текст и стиль, дает представление об энтузиазме и энергии этой личности: «Мною и моим мужем, учителем армянской трудовой школы, Я. Хачатрянцем, было предпринято издание книг под маркой «Аралэзы». Целью нашего издательства было объединение всех местных литературных сил, относившихся отрицательно к белогвардейским органам печати и органу пропаганды «Осваг», которые не давали тем силам ни высказываться, ни организовываться. Капитала у издательства не было, бумагу мы достали в долг, типография «Ашхатанк» согласилась печатать нас в кредит с тем, чтобы оплата была произведена по продаже книг.

Таким образом мы издали: 1) IV-ое издание Orientalia; 2) Искусство сцены; 3) Курс эстетики, читанный в Ростовской консерватории; 4) Странные рассказы. Все четыре книги принадлежат мне. Кроме того мы взяли рукописи А.Д. Силина о



художниках Федорове и Сомове, Лансере, Волошина и т.д. и собирались печатать так же и их...» [8. Л. 5].

В ряде личных фондов, имеющих в ГАРО, сохранилось лишь несколько писем Шагинян. В фонде Соломона Самуиловича Гурвича, члена редакции газеты «Молот», члена союза журналистов СССР, краеведа, отложились два письма. Так в одном она пишет о творческих планах на 1955 год, другое же касается издания произведения «Месс-Менд», а также содержит упоминание о болезни Шагинян в декабре 1955 года, оба рукописные [9. Л. 1–3].

Письмо Вениамину Константиновичу Жаку, в котором дается оценка его рассказов-очерков о шахтерах Донбасса, написано в теплой и дружеской манере. Автор благодарит Жака за гостеприимство, упоминает о своей поездке в Коктебель [10. Л. 1].

В фонде писателя, журналиста, историка-краеведа Александра Михайловича Суичмезова сохранилось предисловие М.С. Шагинян к его рассказу «Перемена» в машинописном варианте [11. Л. 1–6].

Кроме документальных свидетельств, в библиотеке хранятся периодические издания, которые содержат материалы либо самой Мариэтты Сергеевны Шагинян, либо посвященные ей и ее творчеству. В частности, в газете «Приазовский край» публиковался «Литературный дневник» М.С. Шагинян с 1911 по 1914 год.

### **Литература**

1. Государственный архив Ростовской области (далее- ГАРО ) Ф. 254. Оп. 2. Д. 9.
2. ГАРО. Ф.Р-1818. Оп. 2. Д. 219.
3. ГАРО. Ф.Р-1818. Оп. 2. Д. 129.
4. ГАРО. Ф.Р-1818. Оп. 1. Д. 3.
5. Архив Краснянского. Материалы к составлению словаря
6. «Донские деятели». 1915–1925 гг. Т. 1. ГАРО. НСБ. Инв. № 14929. 6. Архив

- Краснянского. Газетные и журнальные статьи.  
1905–1920 гг. Т. 2. ГАРО. НСБ. Инв. № 13630.
7. Архив Краснянского.  
Донские уроженцы. Т. 2.  
ГАРО. НСБ. Инв. №  
14930.
  8. ГАРО. Ф.Р-1182. Оп. 2. Д.  
37. 9. ГАРО. Ф.Р-3694.  
Оп. 1. Д. 46.
  9. ГАРО. Ф.Р-4367. Оп. 1. Д. 40.
  10. ГАРО. Ф.Р-4450. Оп. 1. Д. 331.

## **НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН**

*Т.О. Осипова*

Отечественная биографическая литература отличается удивительным разнообразием: это и книги, где документальность соседствует с лирическими раздумьями автора, и произведения с ярко выраженным беллетристическим началом, и биографии, сочетающие в себе научный и художественный подходы к предмету исследования.

Одно из почетных мест в истории биографической прозы занимают произведения М.С. Шагинян «Тарас Шевченко» (1946), «Гете» (1950), «Воскрешение из мертвых» (1964). Отразившие подлинно новаторский подход автора к такому сложному жанру как литературная биография, эти работы сыграли и существенную роль в осмыслении писательницей философско-эстетических проблем личности.

Создавая образы великих людей, М.С. Шагинян стремилась показать их на фоне исторической эпохи, раскрыть связь своих героев с обществом. Примечательно высказывание писательницы: «Правильно наметить путь к подаче живого образа – значит верно найти <...> пуповину, на которой он исторически держится в мире» (8, 295) [1].

Исходным моментом в постижении личности Гете для писательницы стали слова, сказанные им за месяц до смерти Эккерману: «В основе все мы существа коллективные <...> Я обязан моими произведениями отнюдь не только собственной мудрости, а тысячам людей и обстоятельств вне меня, давших для них материал» (8, 17).

Личность Гете, его жизнь и творчество исследуются М.С. Шагинян в единстве общественно-исторического и индивидуально-психологического аспектов. При этом творчество «величайшего немца» рассматривается ею не как личные запросы индивидуальности, а как требования эпохи. Поэтому она детально характеризует эпоху 60-х гг. XVIII вв., «когда все прогрессивные умы Германии <...> основной своей задачей считали борьбу с раздробленностью, сепаратизмом, изолированностью немецкого государственного развития» (8, 15–16). Исторический фон, таким образом, является одним из средств раскрытия характера.

М. Шагинян принадлежит к категории писателей-исследователей, для которых творчество выдающейся личности составляет основное содержание ее биографии. Например, вчитываясь в повести Шевченко, в эти, по ее словам, «простейшие житейские драмы, с приближением к мелодраме», она утверждает общественное значение такой, казалось бы, обыденной и бытовой темы, как тема «покрытки» – соблазненной москалями деревенской девушки.

В творчестве Гёте писательница подчеркнула ведущую тенденцию: новаторскую концепцию человека. По словам М. Шагинян, Гете всю жизнь волновала тема непрерывного развития человека. И наивысшая точка решения этой темы – в «Фаусте», смысл которого сформулирован М. Шагинян так: «Провести

человека через различные ступени развития, через <...> личное счастье, личную карьеру, стремление к высшей художественной красоте («Елена»), показав неудовлетворенность человека этим, до той высшей его минуты, минуты наслаждения от отдачи себя народу...» (8, 178).

Интерес к образам Гёте и Шевченко не был случаен для М. Шагинян. Увлечение творчеством Гёте проходит через всю жизнь писательницы, о чем свидетельствует целый ряд ее работ о великом писателе и мыслителе. Знакомство с Шевченко началось с прочтения дневника поэта, где он «удивительно глубоко и близко нашему времени размышлял о вопросах искусства и естествознания» (8, 7). Постепенно М. Шагинян выявила общее в судьбах этих людей. Оба были основоположниками национальных литератур, оба проявили способности не только в словесности, но и в живописи, естествознании и, наконец, оба великих художника являли пример подлинного служения народу.

Произведения М.С. Шагинян удачно сочетают в себе строгую документальность и ищущую мысль автора, проникающего в глубины великого характера, способного тонко чувствовать личность героя.

Н. Эйдельман в свое время указывал на это усиление в биографической литературе субъективно-авторского начала, названного им «субъективным художественным даром» [2]. Об этом же писала и М. Шагинян: «Никакие документы не склеют живой художественный образ <...> нужен дар любви» (7, 406).

При этом М. Шагинян отнюдь не игнорирует документы, смело вводя их в ткань произведений, как правило, с целью подтверждения собственных гипотез. Например, письмо двоюродной сестры Н.Г. Чернышевского, свидетельствующее о том, что встреча Шевченко с ее братом состоялась между 2 и 22 сентября 1859 г., позволило М. Шагинян полнее охарактеризовать мировоззрение поэта в последние годы жизни, в частности, отказ «от всех иллюзий, которые еще были у Шевченко по поводу его либеральных и националистических друзей» (8, 490).

Работы М.С. Шагинян о Гете и Шевченко представляют собой сложный сплав научного и художественного подходов к предмету исследования. Например, наряду с глубоко научным анализом творчества Шевченко, она ввела в повествование чисто художественные элементы: пейзажные зарисовки, яркие детали, описание внешности героев т.д. Достаточно вспомнить удачно найденные прием «столкновения» портретов, с помощью которого ей удалось охарактеризовать один из самых тяжелых периодов жизни поэта – между маем 1848 и апрелем 1849 – когда молодой Шевченко «с его легкими кудреватými бачками вокруг круглого бритого лица» стал «лысым батькой с огромной бородой» (8, 419).

К чисто художественной области относится и изображение внутреннего мира героя. В книге о Гёте М. Шагинян стремилась к глубокому раскрытию образа великого художника слова., к выявлению, по ее словам, «простого, земного, человеческого» в нем: любовь к Христиане Вульпиус, привязанность к детям, к домашнему очагу, дружба с Шиллером, явившаяся для Гёте «большим душевным подспорьем».

Однако художественный элемент может быть внесен в произведение не только посредством беллетризации повествования. Жизнь великого человека обладает большой выразительностью, реальный факт в данном случае несет в себе эстетическое начало, приобретает способность эмоционально воздействовать на читателя. И. Андронников писал по этому поводу: «Если бы другой старик ушел из дома, простудился и умер дорогою, – говорили бы, что причиной тому семейные неурядицы и старческие явления. Но поскольку в слове «Толстой» заключен мир представлений, гений Толстого, личность его, его книги, искания, ошибки, победы – человечество называет это уходом Толстого и даже теперь отирает слезы, читая о том, как Толстой умирал на чужой станции...» [3]. Таким образом, факт приобретает самостоятельное художественное значение. Поэтому воссоздание трагической судьбы Т. Шевченко, родившегося «в крепости», прошедшего тяжелый путь арестов и ссылок, под пером М. Шагинян становится искусством.

Произведения М. Шагинян глубоко оригинальны в жанровом отношении. Они не похожи на блистательные романы Ю. Тынянова, представляющие собой сплав реального и вымышленного. Не похожи они и на книги А. Виноградова, действие которых развивается в соответствии со становлением личности героев. Работы М. Шагинян – это научно-художественные исследования, в центре которых находится сам автор, шаг за шагом воскрешающий своего героя из небытия. Причем, по мере развития этого жанра в творчестве писательницы, происходит усиление исследовательского начала. Пример тому – ее «Воскрешение из мертвых», названное М. Шагинян «повестью об одном исследовании».

Но Гёте и Шевченко – личности, память о которых живет века, а чешский композитор XVIII века Йозеф Мысливечек оказался забытым в памяти поколений. Если в первых двух случаях М. Шагинян обладала огромным запасом материала, созданного до нее, то теперь перед ней стояла другая задача – путем кропотливого поиска вернуть Мысливечека потомкам. Скрупулезно исследует писательницы факты биографии композитора, посещает многие города Чехословакии, Болонью, Венецию. Все это помогает раскрыть трагедию духовно стойкого и сильного человека, потерявшего уверенность в своем значении, в своей творческой силе. Утверждая высокую роль творческого начала в человеке, М. Шагинян пишет: «Перелом у творцов начинается с той минуты, когда они уже не могут преодолевать тяготы жизни в творческом акте своего искусства» (9, 309).

Повествуя о последних днях жизни своего героя, М. Шагинян весьма подробно исследует немногочисленные архивные материалы: записи в приходской книге, некролог. Проливая свет на финал жизни Мысливечка, эти документы все же не раскрывают всей глубины этой трагедии. Тогда слово берет автор: «Я столько была с ним, живым, что не могу оставить его умирать одного <...> Сколько мук испытал он в одиночестве, когда уже не мог писать, а другого делать тоже не мог, потому что всю жизнь жил одной лишь музыкой» [9, 320].

В предисловии ко второму изданию этого произведения М.С. Шагинян Д.Д. Шостакович писал: «В истории музыковедения это, пожалуй, первый случай такого произведения. Живо, увлекательно, с большим знанием истории музыки рассказывает писательница об одном из очень интересных эпизодов истории музыки» (9, 8). В этих словах великого композитора подмечена основная черта творческого метода Шагинян-биографа: жизнь и творчество большого художника всегда рассматривается ею как одно из звеньев процесса мировой культуры.

В «Повести об одном исследовании» писательница на основе документов (переписки Моцарта с отцом) воспроизводит встречу молодого, имевшего перед собой «весь блеск будущей славы» Моцарта с Мысливечком, которому осталось прожить всего лишь три года. В этом эпизоде М. Шагинян проливает свет на высокую нравственную силу Мысливечека, умевшего «в отношениях с друзьями думать о них, а не о себе, о добре для них, а не для себя...» (9, 25). Но писательница осознает и другое: великий творец «стоит высоко потому, что стоит на чем-то, на колоссальной клеточной работе тысяч и тысяч интеллектов <...> а возле него и до него, в ближайшей близости, есть заслоненные его тенью творцы, которым «вышестоящий» немалым обязан» (9, 64). Встреча Моцарта, чье имя известно всему миру, с Мысливечком, о котором почти ничего не знали, осмысливается писательницей в плане преемственности творческих поколений.

Произведения М.С. Шагинян сыграли большую роль не только в отечественной биографической литературе, но и в развитии гуманистической концепции писательницы. Ее герои – личности творческие, выразившие в своей деятельности «направляющий ход истории».

### **Литература**

1. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1971–1975. Здесь и далее вслед за цитатой в скобках указаны том и страница данного издания.
2. *Бурсов Б., Эйдельман Н.* Душевные импульсы. Диалог // Литературная газета. 1975. № 49. С. 5.

3.        *Андронников И.* Ступени человеческого опыта // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 54.



**В.С. Петров**

*главный редактор журнала «Дон»*

Российский ордена Дружбы народов литературно-художественный журнал «Дон», издаваемый вот уже почти 90 лет в городе Ростове-на-Дону, в городе, с которым связано начало творческого пути Мариэтты Шагинян, неоднократно обращался к этой незаурядной для отечественной словесности личности. Печатались не только ее тексты, но также и воспоминания современников. И всегда перед читателями предстал образ неутомимой труженицы пера, человека с обостренным чувством справедливости, готового отстаивать правду всегда и во всем.

Ниже предлагаются недавно опубликованные на страницах «Дона» весьма интересные заметки о Мариэтте Сергеевне Шагинян известного писателя из Москвы, члена редколлегии нашего журнала Валентина Осипова.

Валентин Осипов. НЕИСТОВАЯ МАРИЭТТА ШАГИНЯН

Праведность даже в заблуждениях • Цензура для лауреата!

• Нагоняя издателю • Кто кого: Ленин – Сталин – Хрущёв?

• Донос с партсобрания • Уроки продлевать жизнь от почти столетней

*Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), рус.-сов. писательница, Герой Соц.Труда, чл.-к. АН Арм. ССР (1950). Чл. КПСС с 1942. Агит.-приключенч. пов. «Месс Менд» (1923–1925). Ром. «Гидроцентральный» (1930–1931), очерки («Путешествие по Советской Армении», 1950, Гос. пр. СССР. 1951); романы-хроники о Ленине (Лен. пр., 1972)... Биографич. книги. Мемуары.*

Из Советского Энциклопедического словаря

Как не обогащаться общением с той, которая так однажды несказанно удивила отважным заявлением о своей прямой принадлежности к выдающимся персонам трех столетий: «Я

жила тогда, когда жил Лев Толстой, и могла, пусть и девчонкой, узнавать о нем от тех, кто вчера или позавчера был у него! Но само Лев Толстой жил тогда, когда еще жили современники декабристов и Пушкина!»

– Так вот я для тебя, Осипов, – эстафета поколений! – громко, как все глухие, энергично-темпераментно, как многие армяне, и на фальцетной ноте, как это нередко звучит у старух, заключила она для меня.

...В Москве уж забыли, что М.С. Шагинян в 1915–1920 годах жила в Ростове и преподавала в консерватории эстетику и историю искусств.

### ЛЕНИН ПОД ЦЕНЗУРОЙ

О, как же нелегко было общаться с ней мне, издателю! И не только потому что превосходила в возрасте в два раза, и в самом деле – глубокая старуха; скончалась почти столетней.

И не только потому, что диковинно водить знакомство с тем, кто в литературе почти восемьдесят лет – столько ей было, когда мне пришлось подписывать с ней последний в ее жизни издательский договор.

И не только потому, что благодаря темпераменту – армянскому – была взрывчато-непредсказуема.

И не только потому, что была глуха, и если что не по ней, так вызывающе-демонстративно отключала слуховой аппаратик: отказываюсь-де слушать, и все тут тебе!

С ней было нелегко прежде всего потому, что была она неистово отчаянна защищать Истину, пусть даже эта истина существовала только в ее понимании.

Еще она не любила отступать: дралась за каждую строку в своих сочинениях, за каждый факт, на которые – что и говорить – весьма нередко покушались по политическим соображениям.

...1965-й. Она пришла в «Молодую гвардию», по обычаю заявляя о себе еще в коридоре громкими – на фальцете – вскриками: «Осипов – здесь или нет?!» Мол, иду на «вы»! И

сопровождала свой боевой клич громким – истинно боевым! – стуком по полу своей трости-палки.

Едва вошла в кабинет, так сразу, с порога, начала с неотступного вопроса, который, впрочем, слеплен был не для ответа, а для приговора:

– Ты коммунист или так себе?! Нет нигде в Москве, – продолжила, – настоящих коммунистов...

Я к ней, чтобы укротить, – со встречным вопрошанием:

– Что же такого страшного стряслось?

Перебивать далее уже и не мыслил, даже если бы и хотел.

Тут грянул истинно залп:

– Я задыхаюсь от возмущения! Трусы везде и недальновидники! Везде – от цэка и института марксизма-ленинизма – запреты на открытия в биографии Ленина. Как же так, как же так?! И вы – я это заранее знаю! – тоже струсите... Или все-таки осмелитесь вставить в верстку этот один-то всего абзац?..

И она действительно протянула листик бумаги, в котором и в самом деле углядывалось только несколько строчек.

Но какие! Углядел то, что один из предков Ленина по матери – еврей. Похолодел – начисто запретная тема: ну, старуха надумала-придумала-сфантазировала... Она явно уловила раздрай моих чувств и еще более вогнала в оторопь – были, оказывается, доказательства.

Воскричала мне:

– Я это нашла в архиве Петербургской медицинской академии! Но все трусят дать моему открытию жизнь. Цэка наказало архивистов, которые позволили мне наткнуться на этот факт. Мне передали, чтобы и не вздумала настаивать на обнародовании, ни-ни! Тайну сотворили. А что в этом такого страшного и плохого?! Неужели от капельки еврейской крови уничтожается гений, в жилах которого и без того не только русская, но и калмыцкая порода?.. – Продолжила: – Да только не вздымайте брови. Я и без вас знаю, что без визы института

издательство ничего мне не разрешит... Так или не так? Конечно же, не разрешите. Но думайте, думайте...

И вышла, как говорится, вон, оставив меня один на один не только с превеликой государственной тайной, но и с обвинением.

Странно, но факт: потом простила, или, как думаю, скорее – лишь реабилитировала. Когда был издан полный свод ее сочинений о Ленине, ясное дело, по-прежнему без вторжения в генную биографию Ленина, она одарила меня автографом, который можно было бы считать высшей наградой, если не знать былого разговора: «Дорогому Валентину Осиповичу Осипову – редактору и другу, с чьей помощью осуществлялось это новое издание Ленинианы в «Молодой гвардии», – с благодарностью и неизменной любовью. Мариэтта Шагинян. 11.08.1977».

#### О ЦК: «СПЛОШНЫЕ КОНЪЮНКТУРЩИКИ!»

1969-й. И снова встреча, как понимаю, огромной общественной важности. Пришла и, топоча палкой, стала еще у двери громко кричать:

– Я приказываю вам задержать подписание в печать своей книги «Четыре урока у Ленина»... Все. Точка. И никакие ваши графики меня не касаются. Требую восстановить справедливость!..

Послушалась меня – уселась в кресле, отдышалась – и снова на повышенных тонах:

– Это как понимать, что издательство не хочет упомянуть в этом предисловии Сталина по связи с Лениным? Вы коммунист или нет?!

Дальше – чуток успокоившись, но только чуть-чуть:

– Вы слышали о письме ко мне Александра Воронского, когда он был редактором «Красной нови»? Ах, не слышали?! Это вас ничуть не красит! Надо знать этого коммуниста с дореволюционным стажем! Вы что, боитесь признаться мне, что знаете, из-за того, что он обвинен в троцкизме?! Читайте же это письмо. Да при мне читайте, чтобы не откладывать срочного дела в долгий ящик! Начинайте с этого последнего абзаца...

Читаю, обратив внимание на дату – 1923-й, при жизни Ленина писалось: «Да, забыл: знаете, очень Ваши вещи нравятся тов. Ленину. Он как-то об этом говорил Сталину, а Сталин мне. К сожалению, тов. Ленин тоже болен, и серьезно. Ну, пока всего хорошего. Выздоровливайте. Привет. А. Воронский».

Шагинян продолжила, снова взрываясь восклицательными обозначениями своего возмущения:

– Это что же за порядки в партии?! Сплошные конъюнктурщики! Да сплошь и рядом! И во все времена! Это гнусный зажим правды! Я устала! Я измучена!

Вдруг успокоилась и пошла излагать факты истинно стратегической важности для понимания порядков в Кремле:

– Когда я собралась опубликовать письмо, так Воронского по велению Сталина репрессировали и предали забвению. Но Ленин ведь в письме! Но даже это не подействовало. Все отказались помогать мне. Решаюсь звонить Сталину. Соединили на удивление уже через два дня. Пожаловалась ему. Сказала ему: «Товарищ Сталин! Из-за обвинённого в троцкизме Воронского мне запрещено писать об отношении к моему творчеству Ленина и вас, товарищ Сталин!» Он в ответ проговорил кратко, но внушительно: «Мы подумаем. Мы разберемся. Не допустим несправедливости в отношении товарища Ленина. Попытаемся восстановить справедливость...».

Вскоре мне сообщили: «Публикуйте отзыв Ленина с прямой ссылкой на товарища Иосифа Виссарионовича Сталина без никаких посредников. Зачем вам какие-либо посредники?! Расскажите, что товарищ Сталин рассказывал, что Ленин рассказывал ему, как высоко ценил он ваши, товарищ Шагинян, вещи».

Продолжила:

– А дальше? Умер Сталин – и стал неугоден Хрущёву. Теперь Сталин запрещен для упоминаний, а Воронского разрешили упоминать. И выходит, из-за Сталина письмо с именем Ленина – еще раз под запрет. – Снова пошло на взрывы эмоций: – Запрет – и все тут тебе! Это потому, что вы, издатели, и там, в цэка, труссы, и в результате содействуете исторической

необъективности! Да-да, именно так! Град восклицаний иссяк: – Подумала: надо говорить с Хрущёвым. Не соединяют. Я – к помощнику. Ничего в ответ вразумительного. Вчера снова напомнила – юлит. Уж сколько месяцев прошло...

К концу встречи без выстрела не обошлось:

– Кто поможет мне и моей книге?! Ленин-то причем в ваших конъюнктурных игрищах?!

Она-таки добилась своего. Все-таки разрешили печатать письмо полностью. Правда, тот, кто от имени ЦК звонил мне, добавил, многозначительно понизив голос:

– Если можно, то попытайтесь как-нибудь уговорить старуху обойтись без имени Сталина. Что нам заниматься его реабилитацией? В случае чего, пришьют, что издательство пересматривает решения партии об осуждении культа личности... Пусть письмо пойдет в пересказе – ну, хотя бы по такой схеме: Воронский рассказал Шагинян о положительном отзыве В.И. Ленина.

Писательница, выходит, не одно десятилетие пребывала в коварной западне особого в истории треугольника, всего в извилинах от постоянно действующей политконъюнктуры. Она, естественно, от совета цековца категорически отказалась. Храню эту книгу. На титульном листе по шагинянскому обыкновению шло наискосок учительски аккуратным почерком и фиолетовыми – опять же как в школе – чернилами: «Дорогому Валентину Осиповичу и его милой жене с чувством сердечной дружбы. Мариэтта Шагинян».

## НЕВООБРАЗИМАЯ ЭРУДИЦИЯ

Шагинян поражала не только отвагою в политических ристалищах. И начну этот рассказа вот с чего. Она читла следующее высказывание великого Лобачевского: «Жить – значит чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем... Ничто не стесняет так сего потока, как невежество».

Когда «Художественная литература» стала готовить ее собрание сочинений, тогда, подписывая тома то в набор, то в печать, стал я познавать невероятное:

– газетчица-журналистка, публицист, в том числе с вторжением в экономику и промышленность, поэтесса, романист и новеллист (ее биографическое стило было известно – автор серии «Жизнь замечательных людей»), пробовала себя в авантюрной фантастике – повесть «Месс Менд», к тому же ученый – доктор филологии, была у нее даже книга «Введение в эстетику», плюс ко всему путешественница, а еще – мама, дочь которой – известная в мои времена художница;

– писала не только о Ленине. Вот иные персонажи ее сочинений: Низами, Гёте и Пушкин, Крылов, Шевченко и Чернышевский, Шолом Алейхем, Ф. Сологуб и Горький, Ахматова, Пильняк, Шолохов, Эренбург и Паустовский, Х. Абовян, Петров-Водкин, Налбандян и еще, еще, еще. А с кем только не водила знакомств или дружбы! Нередко с размолвками на идейной почве, но тем не менее это были и Горький, и Андрей Белый, и Мережковский, и Гиппиус, и Иван Скворцов-Степанов, и Рахманинов, и Шостакович, и Ходасевич, и Павел Бажов, и маршал

И. Баграмян, и Фадеев – да разве всех великих перечислить! Поддерживала своими статьями, к примеру, опальных и Цветаеву, и друга Есенина Сергея Клычкова.

Теперь можно представить, каково было общаться с Мариэттой Сергеевной: что ни секунда, так жди чего-то необычного – с ней интересно было!

### О ПАРТИИ: «ВОТ КАКИЕ У НАС ПОРЯДКИ...»

Она вступила во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков), как я узнал, в войну, в еще очень опасное для судеб страны время – в 1942-м, а это значило, что стала членом партии явно не ради карьеры. Доброволец – тогда, когда фашистская Германия все еще рассчитывала на победу.

...Как-то проговорила: «Мне не привыкать – меня в партии все воспитывают, все воспитывают. То лаской. То таской». И мельком помянула, как ей в 1945-м досталось от горкома партии.

Уж через годы после кончины Шагинян мне дали познакомиться с тем делом. Далее сей документ – из райкома. Продолжим познавать эпоху в первозданной атмосфере (привожу с незначительными сокращениями и с полным соблюдением стиля). «Секретарю МК и МГК ВКП(б) тов. Попову Г.М.

Справка о выступлении т. Шагинян М.С. на партийном собрании Союза Советских писателей.

21 августа 1945 г. проходило собрание Союза советских писателей: «Об итогах 5-го Пленума РК ВКЛ(б) «О результатах приема в ВКП(б) за первое полугодие 1945 года и воспитательной работе с коммунистами в Краснопресненской партийной организации».

На этом собрании в прениях выступила член ВКП(б) с 1942 года М.С. Шагинян, которая, не останавливаясь на работе партийной организации, высказала следующее:

«Внимание! Я расскажу жуткие вещи, что у нас творятся! Я была на Урале, там 15000 рабочих Кировского завода взбунтовались, бунт был самый настоящий, потому что плохие условия. Об этом узнали райкомы и Обком ВКП(б) только тогда, когда наехали во время бунта. Директор на заводе не был два месяца. После этого бунта он отпустил 2 млн. рублей на благоустройство. Инвалидов Великой Отечественной войны кормят болтушкой. Они голодают. На заводах работает много детворы, детвору эксплуатируют, истощают, обрекают» (мысли не заканчивает); обращается к собранию: «Вы видите, что делается?»

Продолжим далее. Говорит: «Я была на Алтае. А там что делается, ужас! Обкомы, райкомы обжираются, жрут пайки рабочих, рабочие голодают, ходят, как тени, усталые, истощенные.

Где же ленинское учение, где сталинская Конституция?!»



Продолжая далее, она говорит: «Я была на Куйбышевской дороге. Покажу возмутительные дела, что делают генералы». Называет станцию, говорит: «Входит в мягкий вагон генерал в сопровождении другого военного. Вы ведь знаете, что мы, писатели, ездим в мягких вагонах. Они видят молодую женщину и предлагают ей освободить место для генерала. Разве это терпимо? Рядом сидел раненый подполковник, он освобождает место генералу. Где это видано, что это делается? Генералы разъезжают, разгуливают, а им почет и уважение. Вот какие у нас порядки, вот что у нас делается! При этом при всем у нас много пишут похвалы. Вот куда надо смотреть, вот о чем надо писать нам – писателям».

Возмутительное и непартийное выступление Шагинян вместо осуждения находит поддержку у некоторой (небольшой) части коммунистов, которые ей аплодируют... Коммунист Родов, который говорит: «Выступление Шагинян является призывом к нам – писателям, как писать и о чем писать...»

Всего на собрании выступило 8 человек. Большинство выступающих говорило не конкретно, а вообще. Не касались жизни партийной организации. О чем довожу, Георгий Михайлович, до Вашего сведения...»

### ДУЭЛЬ: ХРУЩЁВ – ШАГИНЯН

Середина 60-х годов – точную дату я запомнил. Глава партии и государства Хрущёв встречается со своим окружением с избранным кругом деятелей искусств и литературы. Друзья, которым довелось побывать на этой встрече, рассказывали мне. Хрущёв в своей речи пространно говорил о свершениях. И вдруг с места – реплика от Шагинян, ехидная:

– Никита Сергеевич, а в Ереване сахара нет.

Он счел за благо отмахнуться и продолжал рапортовать про подъем в стране. А из зала – снова голос Шагинян:

– Никита Сергеевич, и масла тоже нет!

Он откликнулся, но скандально, задав вопрос своему соседу по президиуму: «Что там за жаба?» Да забыл, что микрофон не выключен. Шагинян – тут же стремглав к дверям.

1968. Она бурно запротестовала против ввода войск советских и нескольких социалистических стран в Чехословакию – там взяли власть реформисты. Правда, надо уточнить, в какой аранжировке был тот протест – благо, что я той вспышке негодования самоличным свидетелем:

– Я протестую. Да, протестую! Я только что прослушала радио... Осипов, идите и расскажите в ЦК: Шагинян протестует! Не мне судить, надо ли вводить войска. Но как я смогу отныне смотреть в глаза своим чешским друзьям?! Неужели нельзя было как-то иначе?..

Чешские друзья... Она подарила чехам книгу с биографией того, кого в этой стране давным-давно забыли: большой композитор XVII века Йозеф Мысливечек. Не скрою, горжусь, что именно молодого-гвардейская серия «Жизнь замечательных людей» открыла эту книгу для дальнейших переводов в Чехии, а мне довелось в начале 60-х годов участвовать в самых первых переговорах с автором. Книга вышла двумя изданиями и легко распродавалась среди интеллигенции. Но кто бы мог себе вообразить, каково пришлось Шагинян! Сперва приучала к мысли и у нас в стране, и в Чехии, что это имя надо обязательно вызволять из небытия, а мешало, как она рассказывала, даже то, что он был сифилитиком: кого, дескать, собираетесь славить? Потом западногерманские архивариусы наложили запрет на фонды; явно заревновали, что их начинает исследовать писательница из Советского Союза. И сам по себе сбор материала в архивах и в хранилищах старинных нот: папки, папки, папки, и в хранилищах нот.

Помнится ее неизменный в эту пору при встречах ее «слоган»: «Этот гениальный композитор должен воскреснуть из мертвых!»

## КНИГИ ОСОБЫХ ПИСЕМ

Храню – благоговейно – ее книгу 1977 года «Зарубежные письма». Титульный лист излучал характернейшие для Шагинян чувства: «Дорогому Валентину Осиповичу Осипову со старой дружбой, уважительными чувствами и любовью! И также милой Рите! Мариэтта Шагинян». Пишу об этом совсем не ради бахвальства, но только для документального подтверждения ее душевных порывов в 90 лет, за которыми – одно поразительно-выдающееся свойство писателя.

...«Зарубежные письма». Это не весточки родным и близким из туристских странствий; сколько же именно таких книжек печаталось теми писателями, коим выпадала возможность побывать 10–12 дней за границей: экзотика!

Шагинян не соблазнялась мелочевкой и не разменивалась на попутные (в прямом смысле этого слова) записи: что вижу из окна туристского автобуса, что услышу на встречах с прогрессивной общественностью – друзьями СССР, то и записываю.

Итог ее поездок – очерки: глубокое приобщение к европейской культуре. В книге 656 страниц – вот тебе и «письма». Листаю: «На Волге по Франции» с датой 1957 года – ей 68 лет; «Брюссельская всемирная выставка 1958 года», «Английские письма», «Итальянский дневник», «Голландские письма», «Опять в Англии», «Из чехословацких писем», «Письма из ГДР», «Бетховенский фестиваль в ФРГ» и наконец в 1974-м – «Поездка в Швейцарию». А страннице – 89(!) лет!

Знала языки. Знала еще по дореволюционным в молодости поездкам обычаи европейцев. Поразило одно ее признание: «Быть за границей и не побывать в национальной библиотеке по еще дома составленному перечню нужных для будущего очерка изданий – этого я себе позволить не могу». И опрокинула на меня, как бы сказать, краеведение особого познавательного смысла:

– В любимой у всех русских политэмигрантах библиотеке – Ридинг-Рум – Британского музея в двух поездках славно поработала... Тоже дважды – во Французской Национальной

библиотеке... А Венецианская на острове Сан-Джорджо... Цюрих – отличная библиотека. Высока культура библиотек в Риме, Болонье, Парме, Вене, Праге...

Всяко доставалось старенькой путешественнице. У меня замирало сердце, когда выслушивал, к примеру, такую историю:

– В Париже... И надо же: в отеле – а я всегда выбирала дешевенькие – потеряла сознание. Очнулась в больнице для бедных. Как сейчас помню: огромный ангар с десятками коек едва не впрыток. Когда меня привели в чувство, давай расспрашивать. После этого позвонили в посольство. Отдаю должное: посол немедленно примчался. Но пальто пропало. Московское. Дорогое. С шикарным воротником – меховым! Завидуй, Франция! Так и пропало.

Еще один сказ – на этот раз с усмешечкой – от дочери Мирель, она художница:

– Дали мне тогда срочную возможность лететь в Париж, за мамой, чтобы сопровождать ее на обратном пути. Распланировали оставшееся время так, чтобы пробежаться по магазинчикам в последние полдня. Как же иначе: быть в Париже и ничего не купить – себе, детям?! В те-то времена, когда в Москве ничего приличного не «выбрасывали» на прилавок. Да где там! Едва зашли для начала в парфюм, так мама разглядела хозяина-старичка и давай-давай вспоминать времена до Первой мировой войны: как тогда жилось – как ныне живется. Кофе появилось на столике... А часы неумолимы. Магазинчик с обувью: то же самое... Не безнаказанно. Магазины в этот день закрывались раньше обычного.

Но все, что написал я выше, – не самое главное в ее путешественнических устремленностях. Владельцам «жигулей» надо знать, что ВАЗ стал строиться по проекту итальянцев-фиатовцев в немалой мере благодаря очерку Шагинян, который был напечатан тогда, когда «стороны» еще изучали намерения. Так Шагинян восславил как образцовые и конвейер, и культуру производства, и даже систему социальных благ для рабочих.

Стоит добавить, что «бдительные» редакторы заподозрили во всем этом «пропаганду капитализма».

### МИЛЫЕ СТРАННОСТИ

Не могу забыть, как она как-то пригласила меня в любимый армянами ресторан «Арагви» – как показалось нам, ни с того ни с сего, просто так, ибо все наши попытки прознать повод-причину не увенчались успехом.

Приехали. А уединенная «зала» – уже с гостями. Прелюбопытно, что вперемежку за столом сидели армяне и русские, среди которых и редактор журнала «Новый мир», и певица, и известинец, и скрипач, и дипломат, и сапожник, ее знакомец лет двадцать, и генерал, и писатель, и шофер.

И вот наконец она приоткрыла тайну нашей вечера (хорошо что я догадался тайком – на коленках – кое-что записать!):

– Знаете ли вы, что меня выставили на Ленинскую премию? Поэтому я решила собрать своих друзей – порадоваться. Но мне могут ее не дать. Вот тогда-то, если бы я вас собрала, это могли расценить как какую-то политическую демонстрацию. А так – сейчас – давайте радоваться, что выдвинули, и отличный повод собрать вас...

Закончились тосты. Пришел час прощального кофе, как вдруг она подзывает каждого к столику у стенки и – каждому подарочек: кому – стило-ручку, кому – портсигар, кому – вазочку, кому – армянскую вышивку...

Моя жена удивилась: «Вы поменяли обычай – гости обязаны быть с подарками». Она: «Нет, это я должна вас всех одарить за то, что порадовали меня своим присутствием! Эту свою традицию я восприняла от своего отца».

Еще проявление чуткости-заботливости. Дорог мне ее автограф, сопроводивший книгу 1969 года «Зарубежные письма»: «Дорогой Валентин Осипович! Этой книги – наверное – у Вас нет, а мне очень хочется, чтобы Вы и Ваша жена прочитали ее. Спасибо Вам за доброе отношение к моему творчеству. Ваша Мариэтта Шагинян».

Или запись 1975 года по титульному листу одного из томов своего собрания сочинений: «...Не знаю, послала ли я Вам эту книгу (во всяком случае, очень хотела послать!) с самым сердечным чувством благодарности и дружески, на добрую память!»

Нашёл я в своем домашнем архиве и письмо ее одной приятельницы – и вот с чем: «...Мариэтта Сергеевна собиралась приехать из Переделкино (Дом творчества писателей. – В.О.), чтобы завезти Вам этот номер журнала «Знамя», где напечатана ее статья о Гёте, Вам – как инициатору ее появления. Узнав, что Вас нет в издательстве, она отложила свой приезд, поручив передать Вам журнал с искренним пожеланием здоровья и счастья в Новом году.

Мариэтта Сергеевна просила также передать Вам, что ей помогало написать эту статью ее к Вам дружеское расположение и симпатии: «Я написала ее, потому что хорошо отношусь к Валентину Осиповичу».

Разумеется, что все здесь в явных преувеличениях, и все-таки одно явствует без каких бы то ни было дипломатий – всегда присущее ей желание сказать-выразить что-то доброе и воодушевляющее.

## СЕКРЕТЫ ДОЛГОЛЕТИЯ

Однажды во время домашнего у нее чаепития задала мне до края интригующе-необычный вопрос:

– Отчего не спрашиваете, почему я так долго живу? Интересно? Так слушайте. Я постоянно живу потому, что подчинила свою жизнь постоянной работе и только работе. Работаю же столько старческих своих лет потому, что научилась убеждать себя – да, убеждать! да, себя: я должна жить, чтобы дописать, не бросить неоконченной такую-то книгу, такую-то статью, такой-то очерк. Но когда заканчиваю, снова начинаю убеждать себя: вот новая работа, надо закончить ее во что бы то ни стало! Да, во что бы то ни стало закончить! Когда перестану

стремиться закончить новую работу, это будет значить, что мой мозг устал, окончательно устал – тут мне и нужно умирать...

Еще доверилась мне рассказом, как потеряла было веру в жизнь, однако заново решила жить:

– Когда я стала стремительно терять слух, так рассчитала это катастрофой. Как с людьми общаться?! Потом убедилась: это даже хорошо. Меньше стала выслушивать всякой чепухи, всякой пустоты, которой так много по радио, на телевидении и на собраниях... Вот, хотя бы сейчас: если вы начнете перечить – мне не понравится, так и свой аппаратик выключу. Потом стала зрение терять... Очки перестали помогать. Мне в Швейцарии подарили лупу – толстючая. Вот смотрите, какая это лупа... Дочь говорит, такой силы эта линза, что две буквы еле помещаются, а мне все плохо читать. Потом еще хуже стала видеть. Слух потеряла. Зрение потеряла. Однажды так страшно стала размышлять о своей теряющей смысл жизни, что пришла в ванную и взяла бритву... И вдруг озарило: так это же хорошо, что судьба меня избавляет от чтения всякой ненужной чепухи! Мне выпадает отныне читать только самое-самое необходимое! А сколько, оказывается, я раньше всякой ерундистики читала!

Вот же как получается – самовнушение: беды становятся благом.

Впрочем, я берусь утверждать, что были еще побуждения жить дольше. Она сохранила способность влюбляться даже в эти наипреклонные годы. Чем докажу? Становился несколько раз свидетелем (слушателем) ее разговоров – сперва с Дмитрием Шостаковичем. Потом – через годы – с артистом Аркадием Райкиным. Ясно дело, что она ничуть не выглядела гимназисточкой. И в трубку уходили не амурные легкомыслия. Однако же влюбленность – трепещущая взволнованностью – выплескивалась в каждой ее уважительной фразе.

## ПИСЬМО О НАСТУПАЮЩЕЙ БЕСПОМОЩНОСТИ

Ей в самой глубокой старости тяжело – очень! – жилось. И чтобы понять, как тяжело и как одновременно она сопровождала

это тяжкое своими заботами о творчестве, обнародую ее письмо в издательство.

Вот начало – для начала сугубо издательские обеспокоенности: «Дорогой Валентин Осипович! Я согласна на издание «Семьи Ульяновых» Вашим издательством в серии «Классики и современники», но только с тем условием, чтобы третья и четвёртая части тетралогии вышли сразу же после двух первых, если нельзя издать их сразу одним изданием: книга составляет единое целое, нельзя резать по живому, читатель не получит правильного впечатления...».

А вот дальше-то: «Кроме того, у меня к Вам огромная просьба: оплатить в виде исключения это издание как публикующееся впервые. Я прошу об это ввиду крайней необходимости.

Мне 90 лет, и я совершенно беспомощна, почти слепа; у меня нет ни помощницы, ни секретаря, все приходится делать самой. Мне очень трудно передвигаться, а на содержание машины тоже нет средств. Больших затрат требует лечение».

Закончила на еще больше пугающе-откровенной ноте: «Мне очень неловко обращаться к Вам с такой просьбой, но, к сожалению, нет другого выхода: с каждым днем мне становится всё труднее и труднее, а жизнь становится дороже и дороже, особенно услуги. Ваша Мариэтта Шагинян.16/Ш.1978.».

Но при всем этом частенько повторяла: «Хочешь, чтобы тебе совсем не служили, – держи дюжину слуг. Хочешь, чтобы тебе плохо служили, – держи двух или одного. Хочешь, чтобы тебе служили хорошо, – служи сам себе».

Увы, все чаще она переоценивала значимость этой мудрости. Давно сказано, что старость не радость.

И все-таки неистовый характер не давал ей впадать в безволие. Через двадцать дней после получения письма меня пригласили в Центральный дом литераторов на вечер. Будет отмечаться ее 90-летие. Зал переполнен. Президиум блистал знатными гостями. Еще бы: здесь даже недавний председатель президиума Верховного совета Анастас Микоян и маршал Иван



Баграмян! Она не скрывает радости, что вокруг нее цунами почтения и любви. Она непосредственно восторженна в ответных излияниях чувств. Она рада празднику.

## НЕ ДЛЯ ВРАЖДЫ

Стоит у меня на шагинянской полке – незатейливо, не для парада, просто для книгочейского повседневно – изданная книжка с величаво звучным названием: «Низами Гянджеви. Великий азербайджанский поэт».

Обратил на себя внимание год издания – 1981-й. За год до кончины Мариэтты Сергеевны. Еще взволновавшая примета времени – на последней странице значатся годы работы с книгой: 1941–1981. Война – и опять же время, которое обозначило приближающуюся кончину автора.

То был подарок мне. Но почему-то не от автора. Книжечку – в ней всего 40 страниц – издала «Литературная газета», а прислал из Баку Республиканский рукописный фонд Академии наук Азербайджана.

Какой же прекрасный символ – русский издатель получает из Баку книгу, которую написала армянка, а издала опять же Россия!

Почему такие пафосные строки? А напомним: конец советской власти, увы, увы, ознаменовался вспышкой вражды – и даже войной! – между армянами и азербайджанцами.

Говорят, что на Кавказе существовал древний обычай – женщина с белым платком в руках могла стать между враждующими, и это заставляло их примириться.

Женщина с книгой, сотканной из белоснежной бумаги...

Есть в этой книге и такое мудрое наставление Низами:

И белый, и черный – все дети земли – В ее мастерской себе дело нашли.

Листаю, листаю... Благоговейно и вдохновенно написанное исследование о гении азербайджанского народа. В широком размахе сведений: и биография, и толкования наследия, и благодарное отношение к Низами от современников поэта и далее по многим ступеням времени: персы, арабы, затем англичане,

французы, чехи, великие Руссо и Гёте, затем строки с благодарным отношением советских народов.

По этой книге узнал, что у Шагинян еще в 1955-м появилось большое исследование «Этюды о Низами».

Горько оттого, что последние двадцать лет забыты труды о великом Низами замечательной московской писательницы с армянской кровью.

\* \* \*

Нынче помянуть Ленина как-либо внятно столь же осудительно, как во времена Хрущёва – упоминать Сталина.

Но я выписал эту биографическую новеллу, в том числе – с Лениным. Надеюсь, что она обезвредит модные от политконъюнктурщиков гипнозы – мол, каждый, кто брался при Советской власти писать о Ленине, был продажным, и прочая.

Давно истинно сказано: всяк крестится – не всяк молится.

...Недавно обнаружил в археологических пластах своего домашнего архива постановление секретариата Союза писателей с датой 16 апреля 1982 года «О комиссии по литературному наследию М.С. Шагинян». Возгордился: в перечне соратников Мариэтты Сергеевны высмотрел и свою фамилию.

## **«ПЕРЕМЕНА»: ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ МЕСТА ДЕЙСТВИЯ**

***Н.В. Самарина**  
доцент*

«Перемена», одно из ранних произведений М.С. Шагинян, создано в 1923 году и посвящено описанию событий большой гражданской войны в России на относительно малом социокультурном поле – территории Ростово-Нахичеванского градоначальства. В этой связи трудно удержаться от искушения посмотреть на текст «Перемены» как на исторический источник, что предполагает: во-первых, выяснение степени достоверности,

содержащейся в нем информации о событиях, людях, вещах и прочем; во-вторых, извлечение из текста информации о событиях, месте действия, людях, при помощи вопросов, и чем многослойнее содержание, тем больше вопросов может задать историк источнику. Наконец, возможен и семантический анализ текста как документа эпохи.

С точки зрения историка, «Перемена» – источник личный и весьма своеобразный. Текст художественного произведения, называемого автором в процессе работы то «реалистической вещью о гражданской войне» [1], то «романическим эпосом» [2], создавался на основе дневниковых записей М. Шагинян, отразивших события 1917–1920 годов на юге России. В открывающем работу «Вместо предисловия» заявлено: «В этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной не пережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и сдвинула пространство» [3]. Показательно, что завершив «Перемену», автор называет ее не повестью, не романом, а записками, что более присуще мемуарному жанру, нежели беллетристике. Не менее показательно и то, что при публикации своих дневников за 1917– 1931 годы М. Шагинян изъяла из текста записи с осени 1917 по сентябрь 1920 года, заметив: «Здесь пропускаю почти три года. Этот период, гражданская война на Дону, описан у меня почти дословно по дневнику в «Перемене» [4].

Своеобразие авторского взгляда на события описываемой эпохи также ею подчеркнуто. Она работала, «имея в центре внимания не событие только, *но человека*» (Здесь и далее курсив мой. – Н.С.). Иными словами, мерой описываемых событий является человек, обитатель провинциального города, проще говоря, – обыватель. Тот самый обыватель, который, по образной характеристике М.С. «как растение, сопротивлялся этому ветру событий. Он стоял на месте, и волны шли через него, оставляя отмыты» [3].

Таким образом, особенности создания художественного текста делают его весьма интересным и репрезентативным документом эпохи для интерпретации сюжетов микроистории, например, или истории повседневности. Быт,

времяпровождение, процесс постепенного осознания провинциальными горожанами содержания происходивших в России 1917–1920 годов событий, и реакция на них, – все это описано автором – участником и свидетелем событий образно и обстоятельно.

Наконец, о примечательном, на мой взгляд, признании М.С. в том, что в тексте «Перемены» она «сдвинула пространство». Место действия, Ростово-Нахичеванское градоначальство, – особая административная единица, существовавшая с 1904 по 1920 год и включавшая в себя два города, территории которых практически примыкали друг к другу. Как они описываются в тексте? Весьма своеобразно и неоднозначно. Вот один взгляд, который можно назвать агрегированным: автору видится «малая точка – город» в окружении сонной и солнечной степи, «в стране пшеницы», где «излишек зерна приучает к барышу». А затем «шумный Ростов» противопоставляется «чопорной и чинной» Нахичевани, которая ни что иное как «предместье Ростова», с одноэтажными особнячками «с лепными карнизами и приспущенными жалюзи на зеркальных окнах». Есть и еще более образное сравнение соседства двух городов: Нахичевань – «своего рода Шарлоттенбург под Берлином».

В тексте присутствует описание разграничения территории двух городов, совершенно адекватное историческим реалиям: «Меж Ростовом и Нахичеванью дорога идет по степи. Слева скверы, летом пыльные, с киосками лимонада, сладких стручков и липкой паточной карамели в бумажках... Справа лежит дважды сжатая степь, уходя к полотну железной дороги». Оно сосуществует в художественном пространстве «Перемены» наряду с образом «города-коридора», на всем протяжении которого совершается действие: «по Садовой и по Соборной прошли, чередуя усталые плечи под злыми углами гробов, люди в красноармейских шинелях, они хоронили покойника, не отпевая» [3]. Столь противоречивая, двоящаяся образность описания места действия заслуживает дополнительных размышлений.

Возможно, авторское «сдвижение пространства» двух городов имело своим истоком то обстоятельство, что в период написания текста оба центра уже были объединены в один вполне реальный в 1923 году Ростов-на-Дону. Но возможно и другое: острый творческий взгляд художника ухватил, увидел малозаметную для современников тенденцию развития двух городов в течение предшествовавших революционным событиям десятилетий, которая состояла в формировании единого для жителей обоих городов пространства для разных видов человеческой деятельности. Кстати, мне представляется правомерным и плодотворным изучение экономического и социокультурного развития обоих городов, составивших в начале XX в. территорию градоначальства, прослеживая развитие названной выше тенденции. Процесс этот развивался неспешно, и видимо, весьма противоречиво, но неуклонно. Можно предположить, что, интуитивно воспринимая наличие названной выше тенденции, М.С. и «сдвинула пространство», описывая реакцию жителей градоначальства на потрясения гражданской войны.

В том, что такое предположение нельзя считать некорректным, убеждает один весьма примечательный фрагмент текста «Перемены». Небольшая главка под номером 15, делящая текст романа-записок примерно пополам, названа М. Шагинян «Плач по Эвклидову миру». Форма этого плача, на мой взгляд, блистательна в литературном отношении, но еще более восхищает его смысл. Поразительной представляется и ныне острота взгляда художника, который в катаклизме революционных перемен увидел не что иное как проявление нелинейности движения социума. «Не тебе, Перемена, чье могущество славлю, а уходящему на закат Эвклидову миру будет плач мой. Прямолинейный! Древний для нас и короткий, как вздох, перед будущим, ты кончаешься, мир Эвклида... *Кристалл искривился.* (Исходя из контекста, «кристалл» – представление о мире как структуре, основанной на принципах линейной симметрии. – Н.С.). Улыбка тронула губы рассчитанного

симметрией пространства. И улыбка убила твою прямизну, – завертелись отсветы ее, искажая законы...».

И за этим следует глубокий, историософского звучания, вывод о некорректности восприятия современного мира человеческим сознанием, выпрямленным линейной логикой Эвклида, поскольку в этом мире возможны ситуации, когда «из-под ног поколенья выпорхнет птицей пространство». «Остановится человек, потрясенный: не узнает ни пути, ни предметов. Бойтся шагнуть, а уже к нему тяжкой походкой, чеботами мужицкими хряско давя что попало, руками бока подпирая, дыша смертоносным дыханьем, чуждая, страшная, многоочитая, как вызвездивший небосклон, чреватая новым, подошла – Перемена. Неотвратима, как смерть: ее, если хочешь, прими, если хочешь, отвергни, – все равно не избежешь». Если подумать над смыслом приведенного отрывка, то это ничто иное, как поэтически описанное представление о нестабильности мира. Научное представление о том же самом сформировалось лишь к концу XX века.

Обращаясь к «детям Эвклидовой логики», автор продолжает: «...Плачьте же, плачьте, оплакивайте уходящее! Но всеми слезами вам не наполнить ... *трещины меж прямизною сознанья и ложью и кривью действительности.... Посторонитесь теперь: к нам входит кривая. Мост между должным и данным, быть может, построит она...*» [3]. Неожиданно было встретить в не претендующем на научность тексте начала 1920-х годов образно описанную точку бифуркации российского социума, находившегося в 1917–1920 годах в состоянии хаоса, – иными словами: на этапе выбора пути дальнейшей эволюции системы. Много позже такие системы будут названы диссипативными или самоорганизующимися, обладающими нелинейной динамикой.

Складывается впечатление, что «Плач по Эвклидову миру», поэтически изложенный результат удивительного интуитивного прозрения художника, обращен был не столько к современникам автора, сколько к тем поколениям читателей, которые только к концу XX века начнут неспешно осознавать, во многом благодаря достижениям физики и физической химии второй половины

столетия, а затем и философскому осмыслению этих открытий И. Пригожиным и Г. Хакеном, что живут в неустойчивом мире самоорганизующихся структур, бытие которого описывается принципами синергетики [5].

Лаконичными и яркими выглядят в тексте «Перемены» характеристики градоначальства и прилегающих к нему окрестностей. И таковы они благодаря таланту автора, во-первых, и отчетливому субъективизму авторских оценок реалий места действия, во-вторых. Так, весьма спорными представляются запоминающиеся оценочные суждения М. Шагинян как: *«сонные, сытые станицы, – хлеба много, лени много»*; *«у казака нет ничего, кроме хлеба. Хлеба и денег»*; *«казачество и крестьянство, избалованное излишком»*.

В ряду таких оценок и характеристики Ростова. «На узле хлебного и угольного пути, где пролетает поезд, знакомый москвичам и петербуржцам по летнему следованию на минеральные воды, стоит *город, построенный спекулянтами для спекуляций*, Ростов-на-Дону...». Среди многих, известных по публицистике конца XIX – начала XX века, характеристик крупного экономического центра на юге России, эта выглядит наиболее саркастической и более прочих односторонней. Справедливой ее можно считать ровно настолько, насколько всю торговлю как форму предпринимательской деятельности можно назвать спекуляцией. Среди экономических функций Ростова торговля, действительно, стояла на первом месте, суммарно составляя более 81% его коммерческого оборота в 1898 году [6] и более 90% – в 1902 (при обороте, превышавшем 245 млн. руб.). В Нахичевани структура коммерческого оборота, и, следовательно, структура капитала и предпринимательской деятельности была несколько иной: в 1902 году на долю промышленных предприятий приходилось 33,8% совокупного коммерческого оборота города, чуть превышавшего 11, 3 млн. руб. [7].

Разрыву в уровне торгово-промышленного оборота двух соседствующих центров не приходится удивляться. Ростов конца XIX века, формально город уездный, по уровню экономического развития оказался на третьем месте среди всех городов, вслед за

Петербургом и Москвой (по оценкам современных урбанистов, пересчитавших данные Всероссийской переписи 1897 года в границах современной России) [8]. Следует вспомнить и о том, что крупный бизнес нахичеванских предпринимателей-армян (Хахладжевы, Черновы, Мелконовы-Езекеры, Унановы, Генч-Оглуевы, Аграевы др.), а также престижная недвижимость, им принадлежавшая, на рубеже XIX–XX веков уже были сосредоточены в Ростове, а не в Нахичевани. Процесс этот начался в середине XIX века, когда С. Кушнарев основал табачную фабрику не в Нахичевани, а в соседнем Ростове (1853), и продолжался в течение всего периода пореформенной российской модернизации. Нахичеванские предприниматели способствовали, таким образом, экономическому процветанию пресловутого центра «спекуляции», и, видимо, составляли заметную группу среди «спекулянтов», на деньги которых и по чьим заказам отстраивался город. Они весьма заметны среди собственников бесконечного ряда небоскребов на Садовой – «домов с новейшей техникой, взлетевших под самое лысое от солнца и засухи небо»

Владельцы престижных зданий, нижние этажи которых сдавались в аренду под торговые предприятия, получали немалый годовой доход. По данным налогообложения городской недвижимости, число объектов ее с прибылью от 1 до 10 тыс. рублей в год в Ростове (1912 год), было в семь раз больше, чем в Нахичевани (1293 против 174), а сооружения, годовой доход от эксплуатации которых колебался в пределах 10–150 тыс. руб., почти все находились в Ростове [9]. Разнились и арендные цены на квартиры. В Нахичевани они были примерно вдвое ниже, чем в Ростове, но практически не отличались от цен в Таганроге, достаточно крупном центре пореформенной урбанизации в России [10].

Впрочем, и другие статистические данные, характеризующие Нахичевань в начале XX в., не дают оснований представлять город как малый провинциальный центр ни по численности населения, ни по сословному или этническому составу его



жителей. С учетом временно проживавших (более 53 тыс. чел. в 1907 г.) это довольно крупный город уже в 1900-х годах. Доля крестьян среди жителей города (почти 60%) сближает его также с крупными центрами урбанизации [11]. По критериям урбанологов XX века крупным считался город, население которого насчитывало 100 и более тысяч человек. В России начала XX века, где в городе в среднем проживало примерно 25 тысяч жителей, Нахичевань, с числом одних постоянных жителей более 43-х тыс. (1910), намного превосходила средний город. Тем не менее, когда М. Шагинян называет Нахичевань своего рода предместьем Ростова, она, видимо, вполне адекватно отражает то представление о структуре пространства, которое существовало в начале XX века у жителей градоначальства. И в 1950– 1960-х годах старожилы Ростова-на-Дону словом «город» обозначали территорию западнее Театрального проспекта. Типичные обиходные фразы: «Нужно съездить в город» или «Это находится в Нахичевани».

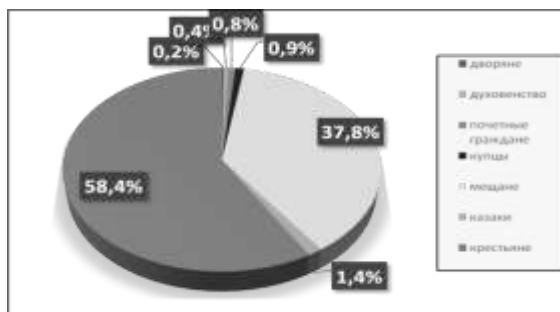


Рис. 1. Сословный состав нахичеванцев (1907) [12]

Хотелось бы обратить внимание на то, что вполне достоверное описание М.С. облика торгового центра Ростова находится в заметном противоречии с ее оценкой города как центра, построенного спекулянтами для спекуляций: «в огромных сквозных витринах веялки, молотилки, моторы, паровики, колеса, трубы, а над витринами золотом по черному – имена американских, английских, французских акционерных

обществ. Склады, конторы, склады, отделения фабрик, банки и опять склады, и опять конторы» [3].

Заметим, что почетное место в витринах на главной улице делового центра занимала техника, в основном сельскохозяйственная, явно не самой ходовой для спекуляции товар, да и велась торговля либо из оптовых складов, либо прямыми представительствами фабрик и акционерных обществ, производивших машины и механизмы, где, как правило, торговые наценки были минимальны. Все это не исключало существование в городе спекулятивных операций и афер, связанных с желанием получить сверхприбыль, пользуясь, к примеру, неразвитостью способов и путей доставки того или иного товара (в мирное время), или конъюнктурой и условиями массовых закупок всего необходимого армейскими интендантами (в период войны). Но в общем и целом не этим определялся облик крупной оптовой и экспортной торговли города.

Ростов действительно был крупным центром торговли сельхозтехникой на всероссийском рынке, поэтому представительство в нем фирм, ее производивших, как отечественных, так и зарубежных, не может удивлять. «Сельскохозяйственные орудия Ростов поставляет на весь юго-восток России, Кавказ и Закавказье на сумму более пяти млн. руб. в год», – отмечалось в отчете ростово-нахичеванского градоначальника за 1912 год [13].

Небесспорной представляется и следующая оценка М. Шагинян: *«Где наживают, там не любят тратить. Ростов почти не украшается; и все благие начинания, школы, библиотеки, театры, едва став на ноги, клонятся к упадку, либо перекочевывают на другую почву»* [3]. Суждение это понять можно, но признать приходится все же весьма субъективным. Культурные инициативы и действия, которые значимы и необходимы городу в первую очередь, определяются представителями творческой интеллигенции и людьми крупного бизнеса весьма различно. Последние, как правило,

демонстрируют отчетливо прагматический подход, обращая внимание в первую очередь на развитие системы общего и профессионального образования, а прочие культурные начинания склонны в лучшем случае откладывать на будущее.

Не лишне вспомнить и о том, что крупные предприниматели Ростова в 1880–1890-е годы – бывшие крестьяне, капиталисты в первом поколении. В начале XX века в фазу активной деятельности вступало лишь второе поколение предпринимательских династий города (Токаревы, Панченко, Парамоновы и др.). Пожалуй, в крупном бизнесе лишь семейство Максимовых было представлено третьим поколением предпринимателей. Таким образом, лаг между ростовскими предпринимателями и купеческими династиями Москвы, известными своей ролью в поддержке русской художественной культуры, – минимум в целое поколение.

Сугубо прагматический подход к вопросам социокультурного развития города в начале XX века и демонстрировало ростовское самоуправление, в котором крупный бизнес обоих городов, если не прямо, то косвенно, был влиятельно представлен. Динамика расходов городского самоуправления на социокультурные нужды отражена графиком. Она позволяет говорить о том, что вопросы социокультурного развития находились среди приоритетных, и набор этих приоритетов определялся первоочередными социокультурными нуждами города. В быстро росшем бюджете города суммарная доля трех отмеченных графиком направлений социокультурной политики составляла в 1900-х годах от 22,3 до 25,8% всех расходов.



Рис. 2. Расходы бюджета Ростовского самоуправления на социокультурные нужды, тыс. руб. [14]

До появления в городе Варшавского императорского русского университета, пожалуй, лишь два средних специальных учебных заведения (железнодорожное училище ВлЖД и мореходка) своей деятельностью обеспечивали наличие у Ростова образовательной функции. Все прочие его школы удовлетворяли лишь потребности городских жителей, как, впрочем, и большая часть других учреждений культурной инфраструктуры, которая была более сложной и развитой, чем в других городах нижнего Дона, включая и административный центр Войска Донского, Новочеркасск.

Оценивая «Перемену» М.С. Шагинян как исторический источник, следует констатировать наличие в тексте по крайней мере двух пластов информации о месте действия и событиях, в нем отраженных. Первый пласт: это запоминающиеся и яркие описания событий, образа действий и бытовых подробностей жизни обитателей Ростова и Нахичевани в годы революции и гражданской войны, данные от лица либо участника, либо свидетеля происходившего, и потому вполне репрезентативные. Второй: оценочные суждения-характеристики места действия,

лиц и событий, тоже образные и яркие, но весьма субъективные, к которым следует относиться весьма осторожно, если мы используем текст «Перемены» как источник при интерпретации исторических сюжетов.

### Литература

1. Советские писатели. Автобиографии: В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 651.
2. *Шагинян М.С.* Дневники. 1917–1931. Л., 1932. С. 63. 3. Здесь и далее текст повести цитируется по: *Шагинян М.С.* Перемена. Электронный текст. URL: <http://lib.rus.ec/b/219482/read>; обр.26.03.14.
4. *Шагинян М.С.* Дневники. С. 25.
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986; *Пригожин И.* Философия стабильности. 1991. № 6. С. 46–52; *Бородкин Л.И.* Бифуркации в процессах эволюции природы и общества: общее и особенное в оценке И. Пригожина // История и компьютер. М., 2002. № 29; *Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Москва-Ижевск, 2003.
6. *Самарина Н.В.* Ростов-на-Дону в пореформенный период: особенности экономического и социального развития // Экономические, социально-политические, исторические аспекты модернизации России (XIX – начало XXI в). Ростов н/Д, 2013. С. 172.
7. ЦГИА РФ. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3783. Л. 32–33.
8. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 99.
9. Государственный налог с городских недвижимых имуществ на 1912 год. СПб., 1914. С. 726–729. Подсчет.
10. Города России в 1910 году. ЦСК МВД России. СПб., 1914. С. 593.
11. *Самарина Н.В.* Ростов-на-Дону в пореформенный период: особенности экономического и социального развития. С. 163–164, 166.
12. *Щелкунов З.И.* Состав и рост населения ОВД. 1902–1911 // Сборник области Войска Донского статистического комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. С. 17–122. Подсчет.
13. ЦГИА РФ. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 47. Л. 15.

14. Сост. по: Сметы доходов и расходов Ростовского городского самоуправления за 1902 год. Ростов н/Д, 1902. С. 9, 12–14; Сметы доходов и расходов Ростовского городского самоуправления за 1907 год. Ростов н/Д, 1907. С. 9–11; Весь Ростов-на-Дону с Нахичеваном, пос. Азов и Ростовским округом на 1912 год. Ростов н/Д, 1912. С. 7–8, 10; *Сидоров В.* Энциклопедия Ростова и Нахичевани. Т. 3. Ростов н/Д, 1996. С. 60–62.

## АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.С. ШАГИНЯН КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ

*В.В. Смирнов*

*заслуженный работник культуры РФ,  
доктор филологических наук, профессор*

Эта статья представляет собой попытку научно-методологического подхода к проблеме «автор и его мир» и прочтения творчества выдающегося художника слова М.С. Шагинян как источника социально-политической, общественно-исторической и культурологической информации. Но прежде чем описать особенности этого исследовательского пути и условия для такой литературоведческой работы, приведем один, как нам представляется, характерный и показательный пример из наследия Мариэтты Серегеевны Шагинян, который многое раскрывает в ее поэтике, мировосприятии и творческой мастерской.

В 1919 году, когда М.С. Шагинян жила в Нахичевани, она написала несколько рассказов, в том числе и «созданный, по ее словам, в годы революции на Дону – «Коринфский канал». Рассказ этот впервые был напечатан в журнале «Петербург» (№ 1, 1921). Позже писательница включала его во все свои собрания сочинений, что говорит о том, что она придавала ему большое значение. Он действительно заслуживает пристального внимания.

В нем автор рассказывает историю, произошедшую с ее героями в необычном месте – Коринфском канале. Канал этот проложен глубокой «траншеей» в каменном ложе и соединяет через Коринфский перешеек Эгейское и Ионическое моря. Это одновременно и удивительно красивое место и образ «западни, ловушки», и поэтому его можно рассматривать как символ бытия человека, как своеобразную «подзорную трубу», через которую лучше видна сущность человека, его природа.

На грязном греческом парходике, в неприглядной обстановке, во время Первой мировой войны в Россию возвращается группа русских людей, среди них – одна семья. Муж, отягощенный семейной жизнью, «влюбляется» в девушку, которая отвечает ему романтической взаимностью. Происходит шумная сцена ревности между мужем и женой.

Когда пассажиры находились на палубе, рассматривая стены Коринфского канала, рабочий, висящий на «кошках» на стене его обрыва, падает в воду.

Герой рассказа «порывается» бросится ему на помощь. Девушка «порывается» остановить своего «возлюбленного». В тонкой психологической сценке, которые они разыгрывают между собой, они увидели фальшь этих «порывов», а значит – и надуманность их отношений.

Девушка осознала «тягость» своего положения, герою захотелось вернуться к жене.

Шагинян завершает свой рассказ обобщением: «Здесь и конец моей сказке. Пароход вышел из Коринфского канала и задымил дальше, везя наших героев к далекой родине, к событиям, газетным и действительным, к тому, что принято называть «мировым» и что на самом деле, если глядеть в корень, не так уж далеко ушло от описанной мною маленькой «частности» [1].

Казалось бы, этот рассказ не относится к тематике статьи. Но он важен для нас, как понимание М. Шагинян своей писательской миссии, как творческое кредо «прочтения» жизни, которые, естественно, будут проявляться и в ее автобиографических произведениях.

Видеть за «мировыми» событиями их близость к будничному, мелочному, пошлomu – один из художественных приемов молодой писательницы. Это можно назвать и «уроками Чехова». Прием этот говорит об умении автора сопрягать разные по масштабу факты и выявлять их общую сущностную основу, а главное – в отношении к ним людей и в их собственных отношениях – проявление истинных, а не показных переживаний.



А главное, он является продуктом синтеза разных качеств ума, особенностей личности самой писательницы.

Этот философски-художественный подход М.С. Шагинян, как прием «демонстрации» органической связи крупных исторических событий и деталей жизни обыкновенных людей, может быть положен и в исследование ее автобиографических произведений, на которые обратил внимание автор статьи, а произведения эти представляют, так сказать, три типа текстов. Это, в первую очередь, публицистика Шагинян, в которой по закону жанра, всегда раскрывается авторское «я», автобиографический романа «Перемена», а в его основе – лежат дневники, и фундаментальный труд «Человек и время».

Автор всегда своеобразно (правда, в разной степени) отражается в своих произведениях: от уровня миропонимания и мировоззрения до проявлений текущего времени. Творчество Мариэтты Шагинян – разнообразно, многоформатно и по тематике, и по жанрам. И оно своим полижанризмом вбирает в себя и отражает собой особенности времени. Словно сама эпоха с учетом своеобразия таланта писательницы формировала этот целостный и в тоже время такой индивидуальный мир. К специфике ее творчества следует отнести удивительный сплав философичности, публицистичности и поэтичности. Кроме того, – необычайную масштабность, глубину видения и понимания историчности картины мира вообще, опирающейся на поразительную эрудицию, и современности, в частности, в построении на этой основе своего мира, своей «шагиняновской вселенной».

Хорошо известно, что М.С. Шагинян была свидетельницей, а зачастую активной участницей переломных событий XIX– XX веков, тектонических сдвигов во всех сферах жизни. А главное, она видела не только «перелом», но и естественное созревание «перемен» – начало крушения старой жизни и ростки становления новой. Это давало ей «пищу» для осмысления не только истории, но ее ХОДА, базу для ее мировоззренческих и художественных поисков, отражавших эти сложнейшие,

противоречивые процессы. Поэтому мир, отраженный в творчестве писательницы, интересен и как раскрытие ее поэтики, подчиненной авторской мысли и качеству ее таланта, так и в собственном историко-познавательном значении – ведь информация, содержащаяся в ее произведениях, через движение ее мысли и конкретику будней являет богатейший материал для понимания и того, что происходило в стране и со страной, т.е. как формировались качества новой личности в новых социально-политических и общественно-культурных условиях.

Итак, первый план – публицистика М. Шагинян в буржуазно-либеральной газете «Приазовский край» в 1918–1919-х годах. Она хорошо знала эту газету, сотрудничала с ней и ранее. Гражданскую войну Шагинян пережила в Нахичевани (Ростове) – эпицентре Белого движения, т.е. видела события, а это особенно важно, изнутри. На страницах газеты она публиковала «Литературный дневник», рецензии, полемику, живо откликаясь не только на текущие события, но, а это главное, – размышляла над острейшими, по ее мнению, проблемами жизни в годы войны. Какие же вопросы волновали Шагинян в первую очередь? Проблемы поведения интеллигенции в трудное для страны время. Говоря о «грехах интеллигенции», она защищала ее и видела ее задачу в «образумлении событий», в указании пути и направлении движения к новой жизни. «Не надо хоронить Россию. Она только переходит из «вчера» в «завтра». Неужели же «перемена» есть смерть?» [2].

Во весь рост вставали во время войны психологические проблемы переживания людьми бесчеловечной бойни. Война обесценила такие понятия, как быт, «домашний уют». Это был «могучий сдвиг в сознании обывателя». Вещь перестала служить человеку, а стала целью обладания. Стяжание, умирание старого быта – налицо, и он требует новой «общественной постройки» [3].

Очень актуальны рассуждения Шагинян о национализме, расцветшем в годы войны, о культуре взаимоотношений между народами. Это, по ее мнению, самый сложный вопрос. Она

различает «национализм курятника» (зоологический, племенной) и культуру национального самосознания народов.

Идет война, но Шагинян интересуют вопросы образования, воспитания подрастающего поколения, роль школы, причем, она обращается к значению чтения, детской книги... Но она активно откликается и на события литературной жизни: защищает поэму Блока «Двенадцать» от нападков на нее «либералов» России, как всегда видящих не суть явлений, а их «оболочку». Говоря о смерти В. Розанова, дает его творчеству удивительно нестандартную характеристику, защищает и самобытный реализм М. Сарьяна...

Таким образом, публицистика М.С. Шагинян высвечивает важные вопросы общественной жизни того времени, но именно в том ракурсе, векторе, который видит она сама. Эти эскизы создают мировоззренческую картину воззрений писательницы. Они настоящий клад для исследований Революции и Гражданской войны в России, так как насыщены не только раздумьями, но и содержат «запекшуюся кровь времени» с интересными наблюдениями и важными элементами литературной борьбы. И как же актуальны мысли М.С. Шагинян в наше время! А ведь это говорит о том, как верно понимала она глубинные процессы истории. Это, можно сказать – базовая информация, истинное «зеркало» ушедших событий, понимание которых так важно для нас сейчас.

Все эти годы М.С. Шагинян вела дневник. Его записи и легли в основу автобиографического романа «Перемена», его можно считать документальным – он имеет подзаголовок «Быль». Сама писательница, работавшая над ним в 1922–1923 годах, рассматривала его как «первую свою настоящую вещь о гражданской войне». Это было время обжигающего дыхания только что завершившейся войны, которая еще активно бурлила в головах людей, время ее осмысления и оценки «по горячим следам».

Роман представляет собой «набор» живых сценок из жизни обычных людей, захлестнутых стихийным водоворотом

страшных событий и постепенное осознание ими сути происходящих перемен.

Действие романа движется от описания колоритных ужинов в нахичеванских особняках, символов мирного уходящего быта, до кульминационного апофеоза Революции – «Великой Перемене»: «Скоро, скоро все страны станут свободными! И музыка, музыка, музыка пройдет по все улицам мира, с барабанщиками, отбивающими Перемену:

Зорю утреннюю мы играем, тебе Человечество» [4].

Война врывается в человеческий быт. Первая глава так и называется – «Мы протираем глаза». В этих рамках органичного чередования военных сцен и картин быта (не случаен эпитафия: «Об этом знают не только солдаты в окопах – знают об этом и горожане в подвалах») – видение крупных событий через подробности жизни обывателей. Этот эффект контраста усиливает и язык произведения. Революция не только разметала прежнюю жизнь, но и начала строить новый быт и новые стилистические, тональные перемены в языке. Это Язык Революции: эмоциональный, напористый... «Перемена» – одно из первых произведений о Революции и Гражданской войне в России, так же является богатейшим источником «из первых рук», содержащим непосредственную информацию о том, как все было на самом деле. И для нас интересны и сами факты событий, и динамика переживаний людей, и психология осознания того, что свершается на их глазах.

И, наконец, главная автобиографическая книга М. Шагинян – «Человек и время». В ряду подобных произведений она занимает свое, очень значимое место. Я бы назвал это произведение «романом духа». В нем подробно прослеживается внутренний мир формирования творческой личности на фоне планетарных событий почти столетней временной наполненности, это настоящий гимн интеллигентности, образец служения стране и народу. Путь к вершинам созидания показан через семейное воспитание, образование, Чтение, встречи, переписку с выдающимися людьми. Но не только. Перед

читателями разворачивается путь роста личности, ее органичной вписанности в контекст текущего времени, в круг своего поколения.

В дневниковой записи 1969 года, когда М. Шагинян приступала в работе над своим грандиозным замыслом, она определила его основную концепцию: «...освоить новую задачу, задачу освоения самой себя, – всей цепи событий, именуемой биографией... Если я сумею отрешиться от любования собой, идеализации себя и вообще желания *передать себя*, потому что главная ценность такой книги была бы передать *через себя* – человека вообще, то есть понять *общее*, – общее всем, – тогда книга будет нужная...» [5]. Отсюда – подзаголовок «История человеческого становления»

От раздумий о человеке в газетной публицистике и идеи рассказа «Коринфский канал (Возможно, не случайно эти произведения созданы в одно и то же время), до размышлений о Человеке – круг мысли, а точнее эллипс выходит на новый диалектический уровень. Он смыкается с началом на других, более общих основах и представляет собой «сумму эволюции» духовной жизни.

Информация – очень широкое понятие: философское, математическое, коммуникационное... Для меня информация не новостные сведения, отражающие течение времени, а, прежде всего, новая мысль, служащая более полному постижению Времени. И книга М.С. Шагинян ценна в первую очередь не только как свод интересных мыслей (это само собой разумеется), но значимостью тех мыслей, которые возбуждают отклик, рождают ответную реакцию, активное включение читателя в процесс сотворчества. И еще – самим методом мышления.

Итак, три «пласта» автобиографических текстов Шагинян представляют собой хронологические ступени движения от «мысли к Мысли». И эволюция этого пути плодотворного самоосознания всю конкретную информация (факты, события, явления) облучает большой Мыслью активного воздействия на читателя.

### Литература

1. *Шагинян М.С.* Коринфский канал // *Шагинян М.С.* Собрание соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1956. С. 126.
2. *Шагинян М.С.* Русская интеллигенция // Приазовский край. 1918. 25 декабря. С. 4.
3. *Шагинян М.С.* События и быт // Приазовский край. 1918. 11 ноября. С. 2–3.
4. *Шагинян М.С.* Перемена // *Шагинян М.С.* Собрание соч.: В 6 т. Т. 1. С. 647.
5. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления // *Шагинян М.С.* Собрание соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1986. С. 703.

## ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ШАГИНЯН и М. ШОЛОХОВА

*Н.И. Стопченко,*

*доктор культурологии, профессор*

Каждый этап богатой многовековой отечественной культуры – от седой древности до наших непростых дней – имеет свой неповторимый лик, отмечен сложным, зачастую противоречивым содержанием. Хотя «большое видится на расстоянии», уже сегодня русская (российская) культура ушедшего столетия нуждается в осмыслении ее трудных исканий и несомненных достижений, определенных надежд и разочарований... Филологокультурологический подход к духовно-нравственному восхождению крупных, по-своему философствующих, знаковых репрезентативных творческих личностей – М.С. Шагинян (1888–1982) и М.А. Шолохова (1905–1984) – к высотам искусства во многом раскрывает сущность культуры «красной цивилизации».

Оба художника, лично знакомые друг с другом и тесно связанные с Доном, в целом были сформированы *социалистическим пространством культуры* и внесли весьма значимый вклад в ее развитие и обогащение. Оба были искренни и честны в своей оценке социокультурной жизни страны, оба очень верили в силу и справедливость коллективного разума партии и, наконец, у обоих были характерные иллюзии на этот счет... Называя эти имена и имея в виду, что литература в России всегда была *«культуроцентричной»*, необходимо обратиться к той великой и одновременно трагической советской эпохе, которая формировала их такие непохожие оригинальные таланты, а с другой стороны, они сами развивали и обогащали советскую культуру своими дарованиями.

Оба художника всегда высоко ценили истинную культуру, вызывавшую постоянное стремление содействовать ее обогащению, развитию и защите. Раздумывая над ее острейшими проблемами и особо значимой ролью в советском обществе определяют примечательную *множественность ее осмысления* в их писательском наследии. Национальная культура для них – сложный, противоречивый и движущийся феномен, стиль жизни, творчество «самой жизни» (А. Белый), утрата которого приводит к дефициту человечности. Тонкие художественные натуры, они хорошо понимали, что культуру творят не только одаренные личности, но прежде всего народ, создающий отношения духовности, взаимопонимания, творящий мир целесообразных вещей и идей. Характерологическое исследование народной души в романах, повестях, рассказах, очерках и публицистике – определяющая черта творчества М. Шагинян и М. Шолохова, обусловленная их духовной близостью внутренней программе культуры. Идея русского и армянского народов в произведениях мастеров столь значительна, что буквально пронизывает каждое из них. Творческая одержимость, сострадание, сочувствие, милосердие, всепонимание есть духовное ядро *национальной идеи*, нравственно-этически и художественно-эстетически осмысленной и приоткрывающей истинно *философскую глубину* творений обоих авторов. Их познание позволяет нам проникнуть

в базисно-смысловой уровень культуры, основу восприятия которых составляет изначальная духовность, традиционный характер и менталитет народа, полнокровно и многосторонне раскрываемые всем наследием. Смысл исторического бытия России фиксируется в создаваемой культуре, выступающей объективацией национального и предстающей немеркнущей памятью народа, в которой он хранит свои корни и реализует творческий потенциал.

Особенно много внимания оба писателя уделяли, безусловно, русскому XX веку: революции, коллективизация, войны – все это были масштабные испытания с мощнейшими ударами по духовным и материальным основам жизни. Стремление их разобраться в прошлом, критический взгляд на многие современные явления, поиск путей к жизненно необходимым переменам и отказ от реформирования любой ценой, приверженность реализму и *жизнеутверждающий гуманизм* творчества, поддержка и защита культурных ценностей, принципиальное неприятие разрушения как средства осуществления каких бы то ни было замыслов – это важные приметы народного отношения к жизни. Именно ими определяются идейные основы творчества М. Шагинян и М. Шолохова, их соратников в литературе и искусстве, обусловив эволюцию социально-философских воззрений. Оба понимали, высоко ценили и гордились тем, что Советский Союз являлся всечеловеческим феноменом и достижением.

М. Шагинян и М. Шолохов были современниками, свидетелями и активными участниками созидательного процесса, художниками-творцами и в том смысле, что постоянно ощущали *ответственность* за нравственное состояние народа, считая своим первостепенным долгом по завету классика «глаголом жечь сердца людей», способствовать утверждению идеалов правды, справедливости, совести, красоты, составляющими стержень народного мировосприятия и социальных отношений. Время «красной цивилизации» – великое, героическое и вместе с тем трагическое, калечившее судьбы их персонажей и самих авторов... Усилиями авторской воли писателей вся система идей



их наследия направлена на *обретение духовности* – в этом видели они задачу времени. Воскресение человека, обретение им духовной цельности – только это было основой его дальнейшего осмысления и плодотворного национального пути.

Если раннее творчество М. Шагинян отразило духовные искания русской до- и послереволюционной интеллигенции («борьба двух эпох, двух культур», скажет она в статье «Тревога»), ее путь постепенного прихода и приобщения к народу, его запросам и потребностям, то молодой М. Шолохов, черпая богатый материал из окружающей жизни, *сразу* включился в активное строительство новой жизни и литературы. Его старшая современница начала свой путь в русской культуре в первые годы XX столетия как *публицист*. Однако литературную известность ей принес поэтический сборник «Orientalia» (1912, посвящен композитору С. Рахманинову) в период сближения с кругом поэтов-символистов, особенно З. Гиппиус и Д. Мережковским. Пытливая мысль М. Шагинян не удовлетворится отвлеченным религиозно-мистическим колоритом символизма, заставит ее искать собственную дорогу, о чем свидетельствуют первые рассказы, статьи по вопросам литературы и искусства, нравственно-психологический роман «Своя судьба» (1916). Популярный литературный критик того времени Ю. Айхенвальд по достоинству оценил «образность и мудрость поэтессы», которые она «получила от своего родного востока», показав себя «достойной дочерью его»; а в прозе М. Шагинян «много художественной легкости, изящества, остроумия, видна умелая техника и от грациозных нажимов пера выступают яркие и живые фигуры» [1].

Художественным откликом Шагинян непосредственно на революцию явились *пьесы*, в которых обратилась к реальной жизни, так кардинально изменившейся, и где утверждались такие высокие нравственные ценности, как верность долгу, честность перед людьми, общественная активность. Ранняя публицистика и опыты в области художественной прозы рельефно отразили ее прогрессивные общественные позиции и *правдоискательство* в духе демократических традиций русской классики, что было

притягательно и для молодого Шолохова. Их стремление разобраться в сложных перипетиях жизни, осмыслить ее и привели обоих писателей к реализму. Появляются повесть «Перемена» (1922), роман «Приключения дамы из общества», сборники «Донские рассказы» (1925) и «Лазоревая степь» (1926), посвященные событиям периода гражданской войны. Примечательно, что названные «вещи» Шагинян очень понравились В.И. Ленину, о чем она обстоятельно рассказала в своих мемуарах «Человек и Время» (1980), а ленинская тема станет стержневой в творчестве на всю ее долгую жизнь.

Как художников, их сближал и значительный жизненный опыт, они знали непосредственно жизнь и историю своей страны, были свидетелями и участниками совершающихся судьбоносных событий. Диапазон этого жизненного опыта и профессиональных наблюдений был необычайно широк, охватывал, собственно, все главные события XX столетия. Особенно важно то, что в их произведениях воссоздаются не только характерные черты быта ушедшей в прошлое эпохи, но и сама атмосфера, дух времени, историзм мышления, та сеть вопросов и иногда неразрешимых противоречий, которые формировали своеобразие современной культуры.

Благодаря присущей им *гражданской и творческой активности*, М. Шагинян и М. Шолохов всегда находились в гуще идейно-эстетических исканий и социокультурной жизни страны на разных этапах ее развития. Прожив долгую жизнь, они были не только свидетелями крупнейших перемен XX столетия, но и жили в этих событиях, зачастую решающих их личную судьбу. И все, что происходило в стране, давало им богатый материал для осмысления крупнейших проблем, поставленных временем. Для них двадцатые годы были, пожалуй, самыми многообещающими в истории советской культуры. Хронологически почти целое десятилетие оказалось такой стадией развития общества, которая существенно отличалась как от предыдущей (Серебряный век и его культура), так и последующей (усиление административно-командной системы). Специфика двадцатых видится, прежде всего, в возможностях

творческого плюрализма, в многообразии форм социально-экономического развития, в известной динамичности и еще открытости политической жизни, в небывалом для последующих времен духовном богатстве. М. Шагинян и М. Шолохов активно включились в культурную жизнь новой России. И если молодой М. Шолохов создает упомянутые «Донские рассказы», передающие исключительный трагизм гражданской войны, и на стремительном взлете могучего дарования творит первые книги эпоса века «Тихий Дон», то его старшая современница органически связана со становлением советского романа, и особенно притягательным для нее оказывается жанр очерка, акцентирующий внимание читателей-современников как на общекультурных, так и социально-экономических, производственных, народно-хозяйственных проблемах. Обращает на себя внимание свойственная им культурно-историческая тематика, пронизывающая все их многожанровое наследие, а также по-своему выраженная философичность видения и понимания действительности с первых серьезных литературных шагов [2]. Раннее творчество М. Шагинян отразило «духовные искания русской интеллигенции, свойственные ей благородные традиции самоотверженного культурного творчества, воспитания читателей в духе передовых идеалов... Она возвела жанр очерка в ранг большой литературы», – подчеркнет известный филолог В.А. Ковалёв [3]. Ее эстетические поиски определяются неизменным стремлением к глубокому, точному познанию действительности. «Именно потому столь заинтересованно вглядывается она в развитие исторического процесса, активно вмешивается в происходящее вокруг, что хочет понять причудливые и «увлекательные витки сюжета жизни» [4]. Примечательный вывод вытекает из совокупности публицистики и прозы М. Шагинян: главной опорой человека в годы сложных социально-политических перемен, тяжелейших противоречий исторического развития новой России является культура. Круг ее творческих и интеллектуальных интересов постоянно расширялся: в «Литературном дневнике» она не просто исследует проблемы

творчества современников, в частности Д. Мережковского и В. Розанова, но и акцентирует внимание на самые болевые точки социокультурной и литературной жизни страны; в курсе лекций по эстетике и истории искусств, читанных в Донской консерватории (1917–1919), она предлагает студентам богатейшую культурную палитру от первобытного мира до современности...

Тридцатые-сороковые годы, несмотря на известные трагические страницы истории, оказались исключительно плодотворными для М. Шагинян и особенно М. Шолохова: их произведения оказались тесно связаны с общими проблемами развития советской литературы и – шире – культуры. «Производственные» очерки и публицистика первой из них подводят к важной *теме труда* в отечественной словесности. Ее роман «Гидроцентральный» (1931) отражал героизм индустриального роста страны и процесс воспитания нового человека. Не случайно М. Шагинян характеризовалась как «одержимая искательница всей новизны социалистического века» [5]. Рождение новой жизни в романах «Гидроцентральный» и «Поднятая целина» неотделимо от роста сознания и активности масс, связано с большими социокультурными переменами.

С «Поднятой целины» (1932, кн. 1), романа о коллективизации на селе, начинается глубокое идейно-эстетическое воздействие ее автора на многонациональную советскую литературу, подхваченную тогда же «Тихим Доном»: многоплановость, углубление историзма, возрастание интереса к отдельной личности, усиление психологизма в художественном методе. Обращаясь к романам певца Дона и России, М. Шагинян увлеченно отмечает их реалистическую точность. Когда Шолохов начинал свой творческий путь, напоминает она, «рождался, еще только рождался новый общественный строй на земле; люди нового типа еще не оперились, еще не стали целостными, ярко отличительными в новой массе молодого исторического множества, а гениальное перо писателя уже подметило, отличило и само выделило из массы... Давыдов,

Размётнов, Нагульнов. Горе каждому, кто потерял потребность в человеческой любви, в привязанности хотя бы к малому клочку жизни на нашей родной планете Земля... Шолохов – большой и настоящий писатель – растёт и раскрывается в своих книгах как народный писатель, выражающий *развитие народного сознания*» [6].

С первых дней Великой Отечественной войны М. Шагинян сотрудничает в «Известиях», «Правде» и других печатных органах, а М. Шолохов, будучи военным корреспондентом, находится в действующей армии. Он публикует ряд фронтовых очерков, среди которых выделяется «Наука ненависти» (1942), а она – сборник статей «Урал в обороне» (1944), посвященный героическому труду тружеников тыла.

В духовно-нравственных ориентациях произведений М. Шолохова проявляется *ядро этнической культуры русского народа*, что представляет непреходящий интерес для многонациональной аудитории. Данное объективно сформированное качество даёт возможность русскому классику говорить голосом своей национальной культуры, представлять её историю, современный духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал. Воздействие шолоховских романов на читательскую аудиторию выходило за рамки чисто эстетического наслаждения и активно вторгалось в идеологическую, художественную и общественную сферы деятельности.

Существенным фактором ускоренного развития национальных писателей явилось творческое освоение художественных и нравственных принципов русской литературы, убедительно представленной М. Шолоховым. Его миссия великого художника определяется весомым *вкладом в эпическое искусство*, отражающего исторические судьбы народа во всем богатстве человеческих типов и характеров, в полноте социальной и нравственной жизни. В его произведениях поэтическое наследие народа закономерно соединилось с достижениями реалистического романа XIX–XX веков, открыв

новые связи между духовным и моральным, человеком и окружающим его миром.

Вокруг творений М. Шолохова и его художественного космоса возникла широкая *зона влияния и творческого взаимодействия*, проявляемая в исканиях и открытиях многих советских писателей. Их жанровые и многоуровневые творческие обретения формировались на протяжении четырех богатейших этапов советской социокультурной истории: преемственность национальных традиций М. Шолохова как *контактное влияние и типологическое схождение* различных видов (1930); появление *историко-революционных произведений* разных национальных литератур (1940); *становление национальных эпосей* и формирование *социально-психологического романа* (конец 1940 – конец 1950); окончательное созревание сферы воздействия художественного мира М. Шолохова на советский литературный процесс как *идейно-эстетической и художественной системы* (со второй пол. 1950). М. Шагинян прочувствовала почерк шолоховской системы в потрясшей читательский мир «микроэпосе»: «Судьбу человека» нельзя читать без слез... Но какие это облегчающие, обнадеживающие слезы! Меня преследовал образ бездомного мальчонки. Тот человек, который спас ему жизнь, пожалел, приютил его, и сам нашел спасение для себя в возникшей привязанности к живому бесприютному комочку жизни» [7]. Вспоминал и М. Шолохов о своей маститой современнице: «С Мариэттой Шагинян я знаком лишь шапочно, а тут вдруг получаю от неё книгу с автографом...» [8].

К 1960-м *шолоховское*, составляя основу типологической общности писателей всей советских литератур, начинает действовать как особая традиция, наследуемая в соответствии с их творческой индивидуальностью и национальным своеобразием каждой воспринимающей литературы. «От Шолохова идут жизнедеятельные токи ко всему лучшему, что есть в советской литературе наших дней, не только русской, – правомерно утверждал крупный белорусский писатель Иван Мележ. – Думаю, что среди советских литератур нет ни одной, которая – прежде всего проза – не испытала бы благотворного

влияния шолоховского гения» [9]. Основной причиной, объясняющей истоки быстрого развития литератур и их талантов, явилось высвобождение лучших национальных сил, раскрытие внутренних возможностей, заключенных в неповторимом писательском таланте каждого из народов. Эпические писатели воплощали их подлинную историю, социально-историческое и культурное бытие в переломную эпоху героического и трагического крушения старого и рождения нового мира.

Многочисленные зарубежные поездки М. Шагинян, определяемые ее фантастической энергичностью, передавали важные сведения о знакомстве с некоторыми европейскими культурами, отразившись в циклах очерков «Зарубежные письма». В них писательница выглядит заботливым просветителем, создавая впечатляющие картины городов Европы, попутно знакомя с историей разных народов и размышляя об их многовековых духовных связях, обращается к теме взаимосвязей и преемственности культур. С упомянутыми зарубежными очерками связан историко-биографический роман-исследование «Воскрешение из мертвых» (1964), посвященное чешскому композитору XVIII века, «чешскому Моцарту» Йозефу Мысливечку. В дополнение к уже полученным многочисленным званиям и наградам Родины она была удостоена Большой золотой медали ЧССР за свой труд.

Поразительная многосторонность интересов в богатом творческом наследии М. Шагинян охватывает различные области культурной жизни: она серьезно занималась философией и писала о философах, глубоко интересовалась немецкой культурой и свободно владела немецким, французским и английским языками, занималась литературоведением и переводами, выступала как знаток музыки, исследователь-путешественник, но в первую очередь она была, безусловно, *проводником всечеловеческой культуры* – писателем и публицистом, оставив после себя немало трудов. На протяжении многих лет она писала литературные портреты людей, которые были близко знакомы ей – Н. Тихонов, В. Ходасевич, С. Рахманинов, Д. Шостакович, – или жизнь и творчество которых

были ей дороги – Й. Гёте, Т. Шевченко, И. Крылов, Низами, Я. Гашек. Несмотря на свое солидное гуманитарное образование, М. Шагинян всегда стремилась быть в гуще практической жизни.

Забота о культурном наследии также сближает М. Шагинян и М. Шолохова с их широчайшим кругом интересов. Так, в письме к главе государства и партии Л.И. Брежневу (март 1978 г.), длительное время неизвестном широкой аудитории (содержание его тогда и сегодня звучит архиактуально), «вешенский затворник» по-граждански смело и ответственно ставил злободневные вопросы в защиту русской культуры. Он вел отчаянную борьбу с теми, кто хотел бы уничтожить ее или превратить в нечто аморфное и безликое. Для М. Шолохова политика в отношении национальной русской культуры, проводимой тогдашней административно-командной системой и ее проводниками, неприемлема. «Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма (и врагов России, сегодня добавим мы. – Н.С.), – изъяснялся он в терминологии того непростого времени, – является в настоящее время русская культура, которая продолжает историческую основу, главное богатство нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая ее высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самостоятельности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства» [10]. Отношение М. Шолохова к инакомыслящим проявлялось, с одной стороны, в резком требовании осудить А. Синявского, Ю. Даниэля, А. Солженицына, а с другой – защищал, помогал, содействовал многим выдающимся деятелям культуры и науки, преследуемых и опальных А. Ахматовой и ее сына Л. Гумилёва, А. Платонова и его сына, К. Чуковского, О. Берггольц, М. Ауэзова, одного из конструкторов грозной «Катюши» И. Клеймёнова, артистки Э. Цесарской, генерала Лукина, прошедшего через фашистский плен и допросы НКВД, Б.



Пастернака, А. Солженицына, А. Твардовского и еще многих других.

В свой итоговый сборник «Столетие лежит на ладони» (1981) М. Шагинян включила расширенную статью о М. Шолохове, начатую весьма оригинально. «Если вы захотите вдохнуть аромат вишневых садов в цвету, распахните первые страницы первого тома «Тихого Дона». Какая прелесть весенней природы ворвется к вам вместе с вишневым цветением в вашу душную городскую комнату!» [11]. И далее последует множество точных и тонких наблюдений...

Сегодня, когда культура России во многом беззащитна, когда на смену культуры «красной цивилизации» приходит просто «чужая», а иногда «полукультура», «недокультура» и «антикультура», богатый опыт понимания состояния культуры М. Шагинян и М. Шолоховым, каждый из которых человек-легенда и человек-эпоха, становится основой для сохранения, возрождения и дальнейшего развития русской культуры. Творческое освоение их художественных открытий имеет сегодня отнюдь не частный, локальный смысл, а явно выходит за пределы вопроса о персональных связях на уровень развития общенациональной культуры. Это дает нам основание охарактеризовать стержневые художественные особенности разных десятилетий ушедшего века, когда мощный идейно-эстетический потенциал шагиняновской и шолоховской традиции позволял выявить факторы, которые *скрепляли* литературный и общекультурный процесс. При знакомстве с их художественным наследием совершается методология формирования активной, общественно-ориентированной созидательной мысли, обращенной на духовное состояние народа. Последовательная защита русской культуры-цивилизации, содействие ее развитию всегда отличали их мировоззренческую и творческую позицию. Целостность индивидуальности больших художников, их способность собрать воедино всю полноту человеческого бытия, исповедуя «искусство правды жизни», их великая вера в свой народ и высокую миссию

культуры дают ныне живительным, врачующим светом творчества нравственную опору русской и армянской душе.

### **Литература**

1. *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1991. С. 497, 500.
2. *Смирнов В.В.* Публицистика М. Шагинян в «Приазовском крае» (1918–1919) // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 2012. С. 383.
3. *Ковалёв В.А.* Художник-мыслитель, свидетель главных событий века // *Шагинян М.С.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1986. С. 6.
4. *Скорино Л.* Мариэтта Шагинян-художник. Жизнь и творчество. Изд. 2. М., 1981. С. 362.
5. *Атаров Н.* Мариэтта Шагинян // Лит. Россия. 1968, 5 апреля.
6. *Шагинян М.* Художник большой, настоящий // Правда. 1980, 24 мая.
7. Правда. 1980, 24 мая.
8. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Кн. 2. 1941–1984. М., 2005. С. 215.
9. *Мележ И.* Слово о Шолохове // Волга. 1975. № 5. С. 176.
10. *Шолохов М.А.* Письма / Под общей ред. А.А. Козловского и др. М., 2003. С. 427–430.
11. *Шагинян М.С.* Столетие лежит на ладони: Сборник очерков и статей. М., 1981. С. 134.

## **«ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ» М.С. ШАГИНЯН: НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЖАНРОВОЙ ПОЭТИКИ**

*Н.Х. Тукодян*  
*доцент*

В настоящее время в литературе наблюдается тенденция обращения к проблемам классической литературы. И сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, достойны внимания произведения писателей, создавших культуру русского народа, участвовавших в духовно-исторической, общественной, культурно-литературной жизни России конца XIX – XX веков. Несомненно, одним из таких художников слова является Мариэтта Сергеевна Шагинян – крупнейший писатель-гуманист, автор множества художественных, документально-художественных, публицистических произведений, ученый, философ, поэт, литературный критик, эссеист.

В наше время необходимо чаще обращаться к проблемам классической литературы по нескольким причинам. Во-первых, многие незаслуженно обойденные вниманием литературоведов и общественности произведения, не чужды современности. Произведения с мемуарно-документальными элементами помогают человеку, взглянув в прошлое и поняв проблемы прошедших лет, разобраться в собственном времени. Во-вторых, обращение к книге «Человек и время» (подзаголовок «История человеческого становления») как к произведению крупного жанра позволяет оценить некоторые проблемы современного литературного процесса. В-третьих, произведения классиков высоко идейны и, читая их, мы повышаем свой культурный и интеллектуальный уровень.

Историософская, ценностная парадигма Шагинян в воплощении судьбы, истории становления человеческого сознания, времени, выбора, права, ответственности человека, картины мира и др. выражена в художественно-стилевой системе книги «Человек и время».

Нашу мысль при определении идейного содержания романа-воспоминания направляет авторское понимание своей задачи писателя: «...Запад отрекается, отшатывается «от начала своего», он не хочет знать преемственности и великой, ведущей силы жизни, именуемой Временем (с большой буквы), – даже в воспоминаниях. Но у нас эта жизнь проступает, как связующее дыхание, во всем, что мы сейчас создаем, и она животворит наш взгляд на прошедшее. Вот с этим живым, направляющим несением времени в себе, Времени с большой буквы, хочется мне приступить к моим собственным воспоминаниям» [1, с. 7].

Роман-воспоминание «Человек и время» М. Шагинян заканчивается латинским выражением «DIXI». Действительно, «все необходимое сказано». «Человек и время» – широко-эпическое повествование, «движущаяся панорама» почти пятидесятилетий о драматической, порой трагической судьбе человека во времени, судьбе поколения 1880 – начала 1920 годов. Хронологически вехи воспоминаний автором обозначены: «...почему я заканчиваю записи на самом начале двадцатых годов, а не веду их дальше ...» «моя последующая деятельность, особо активная в первую половину советского столетия, лежит открытой перед читателями в книгах...» «продолжать воспоминания за годы великих работ еще потому невозможно, что подробный рассказ потребовал бы десятки томов, на что нет у меня сейчас ни сил, ни времени...» [1, с. 663–664]. У нас, читателей, не складывается впечатление «отрыва», «конца» воспоминаниям. Присутствие не только «первой половины советского столетия», но и последующих десятилетий налицо. Думается потому, что мемуарные книги Шагинян путь к тебе угадан, он, этот путь, жил и живет в тебе.

Фрагментарность, разъединенность сцен, картин (они находятся на расстоянии друг от друга) расширяют объем восприятия, «пространственность» в книге. «Фундаментом» такого восприятия является главный герой всех книг автора – «мысль», «мысль бесстрашная», «судьба мысли» [1, с. 674].

М. Шагинян начинает повествование о времени, о себе с младенчества. Этот прием соответствует канонам жанра и применяется автором для выявления истока формирования своей природы, предрасположенностей. В первых главах книги «Младенчество», «Школа» писательница использует, конечно, прием непосредственного воспоминания, но, учитывая юный возраст героини и нередко непосредственность и нередко неточность ее суждений, Шагинян приходится вводить для создания полной картины происшедшего эпизоды из жизни семьи, родственников. Воспоминания пестрят фактами, датами, событиями, которые не могли быть известны маленькой героине.

Другая форма таких пояснений – не выделяемый композиционно небольшой эпизод, разъясняющий чувства ребенка. Здесь взрослый человек с высоты прожитых лет объясняет, что он чувствовал тогда и чем это, по теперешним представлениям, было вызвано: «Что пробивается сквозь внутренний мир младенца, как первое впечатление от внешнего мира?... Первое ясное впечатление от бытия, набегающего извне, как волны на побережье, – это медленность времени ... «долгое пребывание в них (имеются в виду времена года – Н.Т.) – вот что всегда запоминается человеком, когда думает о себе ребенком» [1, с. 8].

Рассуждения о времени, «материальной историчности времени», времени «возчике нашей судьбы» возникают неоднократно на страницах книги: «Есть ли у времени эти вчера, сегодня, завтра? Не похоже ли само время на человека» ...; «Счет времени всегда был у меня особый...»; «...Но – не во времени все возникает и проходит, а (наоборот) время само есть это становление, возникновение и прохождение... Мне всегда казалось это (с ранней молодости!) одним из самых глубоких мест у Гегеля. Время – это мы сами» [5, с. 297, 370, 371].

В книге «Человек и время» ярко проступает черта, которая может называться программой: личному, частному, интимному автор придает характер общественный, социальной ценности и интереса. В эпохе, воспроизводимой писателем, чувствуются живые люди, живая жизнь и, прежде всего, своя человеческая,

правдивая душа тех, кто окружает автора (к слову, в произведении более трехсот действующих лиц).

Анализируя событийную основу и построение фабулы у Шагинян, мы опираемся на композиционное решение автора. Книга снабжена системой названия глав, разделов, эпиграфов, писем, комментариев. Каждый элемент этой системы, конечно же, выполняет отведенную ему идейно-композиционную роль: «Для читателей, кто привык приступать к тексту, минуя эпиграф к нему, как нечто случайное, хочу начать с просьбы: обратите внимание на эпиграф! Он не случаен, – он необходим для автора, как «ключ» для композитора, в котором будет звучать произведение» [1, с. 216]. Всего таких «ключей» в книге – девятнадцать. Или сказано о значении эпистолярной прозы: «Практически очень важным связующим звеном наших тогдашних «деяний духа» была переписка...» [1, с. 234]. В книге опубликовано около сорока писем к автору. Их отправителями были: З. Гиппиус (7), Д. Мережковский (1), С. Рахманов (11), А. Белый (10), А. Блок (3), С. Булгаков (1), Л. Новоселов (1), А. Воронский (1), Д. Овсяннико-Куликовский (1), А. Кони (1).

Композиционное решение автора связано с тематическим диапазоном романа и его хронологическим устройством. В этой связи мы выходим на уровень определения, употребление таких литературоведческих терминов, понятий, как мотив, тема, тематика. Отталкиваясь на этот счет от мыслей А.Н. Веселовского [2], Б.Н. Путилова [3], В.Е. Хализева [4, с. 266–267], зная, что в терминологической традиции тема сближается с мотивом, подчеркнем, что этим «активным, выделяемым компонентом» [4,с.41], у Шагинян является история человеческого становления, константы бытия, его фундаментальные свойства – это универсалии вселенной и природного начала (жизнь, смерть, движение и др.) – это целый комплекс онтологических тем искусства. В книге «Человек и время» богато представлен антропологический аспект художественного освоения (духовные начала человеческого бытия, его составляющие, исторически устойчивые формы существования людей (мирная жизнь, войны, гражданская

деятельность и др.). В своем обращении к вечным темам книга М. Шагинян оказывается по-родственному близкой онтологически ориентированной философии и учениям о природе человека.

Мы подчеркиваем связь содержания и формы, что разделение произведения на главы, включение в книгу богатейшего литературного, этнического, географического материала, рассказав о прошлом, имен исторических и литературных деятелей и др.) подчинено идеи автора: представить историю становления человеческого сознания. Текст книги-воспоминания отражает ход памяти, поэтому наблюдается «двойной взгляд» на происходящее: с точки зрения героя и с точки зрения автора, хотя они, в сущности, являются одним и тем же человеком в разные периоды жизни. Несомненно, память в книге становится материальным ощущением времени. Судьбы людей рисуют общую судьбу времени.

Рассматривая «Человек и время», мы определяем жанр этого произведения как автобиографический роман-воспоминание. На первое место, на наш взгляд, выносится автобиографическая составляющая. С точки зрения жанровой природы «Человек и время» сочетает признаки нескольких жанров, основополагающими из них являются три: автобиография, то есть описание фактов своей жизни, мемуары (воспоминания) – описания «работы души», размышлений, рассуждений, отношений к окружающим событиям, свойственных описываемому персонажу в определенный период жизни, и роман, главной особенностью которого является отсутствие на изображение чего бы то ни было.

Заметим: сама писательница не раз отмечала «исповедально-дидактический характер» своей прозы [5].

Проблемы жанровой природы мемуарно-документальной, автобиографической прозы в современном литературоведении относят к числу сложных, дискуссионных. Основные проблемы, которые находятся в центре внимания: соотношения исторической правды и художественного домысла, документальность автобиографических сведений, роль авторского начала в художественной интерпретации жизни и

деятельности героя и др. Эти проблемы обусловлены тем, что очень широки критерии жанра, диапазон его понимания. Очевидно, объяснение этому нужно искать в синтетичности, в «сближенности» жанра, его постоянной эволюции, взаимодействии с другими литературными жанрами.

Рассматривая систему образов, особенности их воплощения, мы предпринимаем попытку дать типологию литературных персонажей в книге «Человек и время», выделяя портреты-истории и воспоминания. Основным дифференцирующим фактором, положенным в основу разделения портретов на истории и воспоминания, служит ход времени. Если в портрете-истории время движется независимо от повествования или вовсе останавливается, то в воспоминании отрывки, отобранные писателем для характеристики персонажа, продолжают сюжетную линию (портреты-воспоминания – их около сорока: А. Белого, А. Блока, З. Гиппиус, С. Рахманинова и др.).

О том, что своеобразие предмета изображения в произведении проявляется через хронотоп (термин Бахтина) писал Лессинг [6], Бахтин [7] и др. «Игра временем» в книге Шагинян «придает художественному миру поэтическую выразительность» [8]. У Шагинян оно, время, то реально, то эпохально, то условно, то суточно, то условно. Автор включает реципиента в субъективное время автора-героя, в объективное время реального действия. Пространственно-временной континуум текста книги характеризуется многомерностью, допускающей временные и пространственные смещения, смену хронотопов. Мы выделяем несколько взаимосвязанных и перетекающих друг в друга типов хронотопа. Хронотоп романа-воспоминания «Человек и время» имеет несколько составляющих: календарное время (представлена такая его разновидность, как биографическая), событийное время (историческое, бытовое), хронотоп дороги, отчего дома, встречи, перцептивное время (хронотоп автора – по Бахтину). В рассматриваемом произведении преобладает биографический хронотоп. Так как повествование идет о реальном завершённом прошлом, Шагинян использует приемы проспекции и



ретроспекции, акцентируя, таким образом, внимание на том или ином этапе своей жизни и героев.

Протекание действия, распределение его во времени связано с художественной целью, поставленной перед собой автором. Перефразируя слова В.Е.Хализева, отметим, что хромотопическое начало в книге Шагинян способно придать произведению «философский характер, «выводить» словесную ткань на образ бытия как целого, на картину миру ...» [4, с. 214].

Художественное время неразрывно связано с художественным пространством. Художнику, писал Н. Бахтин, свойственно «умение видеть время, читать время в пространственном целом мира и ... воспринимать наполнение пространства не как фон..., а как становящееся целое, как событие» [9, с. 205]. Мир, изображенный Шагинян, совмещает сиюминутное и вечное, это и есть философский хромотоп жизни. Разные пласты художественного времени (сюжетное, фабульное, авторское и субъективное, время персонажей) соотносятся. Время бытовое и историческое, личное и социальное органично взаимодействуют в произведении.

«Человек и время» – это произведение, для которого характерно сложная и динамическая временная организация, предполагающая взаимодействие различных временных планов. Основные принципы темпоральной организации текста – это установка на субъективную сегментацию прошлого, постоянное переключение временных регистров; воспоминания сочетаются с ретроспективным, но лишенным строго последовательности рассказом о событиях прошлого, включают характеристики событий, фактов. Художественное время в романе-воспоминании «Человек и время» обратимо (автор воскрешает события прошлого), многомерно (действие развивается в разных временных плоскостях) и нелинейно (рассказ о событиях нагружается воспоминаниями, рассуждениями, оценками).

Пространство художественное в произведении Шагинян создается описанием внешнего мира, подробностями, деталями окружающей среды. В целостном анализе книги «Человек и время» важную идейно-композиционную роль выполняют

картины природы, быта. Автор-повествователь испытывает постоянное «блаженство общения с природой. Образы природы, часто сливаясь с описаниями предметов быта, реалий жизни, олицетворяются, приобретают человеческий смысл, содержат философию не только природы, но и бытия человека. Природа описаний у Шагинян передана в приподнято-романтических интонациях.

Пейзаж выполняет не только эстетическую функцию, является фоном, на котором разворачиваются события, но и психологическим комментарием к поступкам, переживаниям автора-повествователя. Описания, то «легкие», «в полете», то грустно-счастливые. К примеру, картина пейзажа, которая предвещает посещение церкви Успения: «Это был удивительный московский вечер тихий, как в начале зимы, хотя только-только начинался октябрь. Падали редкие дождевые капли, казавшиеся снежинками, потому что медлили в воздухе, как невесомые. Камни на неровных тротуарах темнели влагой, а фонари уличные оставляли в них отблески... Говорило чувство счастья, а несчастье, которого я не чувствовала, не допускала в игру, ему возражало... За углом Успенский переулочок... В темный двор стягивались темные человеческие тени – сутуловатые, в платках. Это в церкви Успения началась всенощная, и я тоже пошла ко всенощной, ощутив потребность продлить свое счастье и побыть с людьми...» [9, с. 266–267].

Названные и неназванные (различные типы текста – повествование, описание, рассуждение, речевая организация, коммуникативные намерения автора и др.) аспекты жанровой поэтики романа-воспоминания М.С. Шагинян подтверждают, что природа повествования книги – это художественное воплощение особого эпического мира созерцания, которое отмечено максимальной широтой взгляда на жизнь и ее спокойным, радостным принятием, «стихией поэзии», «величием», которое питает «нежность малому», «взглядом с высоты свободы, покоя и объективности, не омраченной ни каким морализаторством» [10].

Книга М. Шагинян «Человек и время» – своеобразная «энциклопедия русской жизни» XX века, последнее произведение прошлого столетия в обозначенном жанре, духовное завещание последующим поколениям.

### **Литература**

1. *Шагинян М.С.* Человек и время. М., 1980.
2. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989. С. 301.
3. *Путилов Б.Н.* Веселовский и проблемы фольклорного мотива / Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 84.
4. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2000.
5. *Шагинян М.С.* Человек и время. М., 1980. С. 488, 505.
6. *Лессинг Г.Э.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М., 1957. С. 194–195.
7. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе / *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 391, 406.
8. *Борев Ю.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2006. С. 86.
9. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 205.
10. *Манн Т.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 10. С. 277–278.

### **ЯКОВ САМСОНОВИЧ ХАЧАТРЯНЦ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СУПРУГЕ М.С. ШАГИНЯН**

*С.С. Казаров*

В своих воспоминаниях «Человек и время» М.С. Шагинян вскользь упоминает о браке с Яковом Самсоновичем Хачатрянцем [1]. Что известно об этом человеке? К сожалению, очень мало. Литературы, даже армяноязычной, о нем не сохранилось практически никакой. Исключение составляют лишь краткие справочные издания.

Яков Самсонович Хачатрянц родился в декабре 1884 г. в Ереване. Детство провел в Баку, где окончил бакинскую

гимназию, после чего поступил и окончил филологический факультет Петербургского университета, получив, таким образом, фундаментальное образование. По окончании университета он отправился в Нахичевань-на-Дону, где в местной духовной семинарии преподавал латынь и историю. Однако, судя по всему, в Нахичевани-на-Дону преподавательскую работу он успешно сочетал с журналистикой, сотрудничая в газете «Приазовский край». Когда 23 ноября 1913 г. после непродолжительной, но тяжелой болезни ушел из жизни священник Хачатур Зарифьян, на его смерть откликнулся именно Я.С. Хачатрянц, написал о нем некролог в газете «Приазовский край», в котором говорилось: «В лице о. Зарифьяна сходит с арены человек редкой стойкости в убеждениях и глубочайшей веры в творимое им дело. Настойчивость и энергия о. Зарифьяна были поразительны и неволью покоряли всех, его авторитетное слово способно было поколебать самое закоренелое сомнение и вселяло в сердце глубокою веру и радостную надежду. Нужно было хоть раз видеть его на редкость умное и благородное лицо, чтобы понять всю силу его обаяния. Несмотря на глубокую старость, он до самого последнего момента жизни хранил бодрость духа и юношескую гибкость ума» [2].

Именно здесь он познакомился с Мариэттой Шагинян, где они и поженились (летом 1917 г.) После женитьбы молодожены оказались в Тифлисе, откуда совершили путешествие в Лори, где они свой медовый месяц провели в Ахпате, жемчужине армянской архитектуры X в. Здесь Мариэтта Сергеевна и Яков Самсонович принимали участие в археологических раскопках, а также записывали армянские народные сказки.

В начале 1920-х годов наряду с группой нахичеванских интеллигентов Я.С. Хачатрянц возвратился в Ереван, где был назначен директором армянского информационного агентства (ныне – Арменпресс). В 1929 г. переехал в Ленинград, а уже оттуда – в Москву. В этот период он начинал заниматься исключительно переводческой деятельностью. Всю свою жизнь Я.С. Хачатрянц посвятил делу ознакомления русского читателя с лучшими образцами армянской прозы. Судя по некоторым

данным, переводческой деятельностью он начал заниматься ещё на донской земле. Так, в 1906 г. газета «Приазовский край» сообщала, что в Нахичеванском городском театре готовится постановка драмы «Тигран Великий», а Я.С. Хачатрянц осуществляет её перевод на русский язык [3]. Однако систематически переводческой деятельностью он начал заниматься с начала 1930х годов. В 1939 г. он перевел на русский язык армянские сказки с предисловием Мариэтты Шагинян. Позже он перевел на русский язык произведение Егише Чаренца «Страна Наири», работы Ованеса Туманяна, Аветика Искаакяна, Ширванзаде. Апогеем его переводческой деятельности стал двухтомник Армянских новелл (1945, 1948 гг.). Именно с этого перевода были сделаны переводы на 12 других языков. Среди его переводов специалисты особо выделяют «Из-за чести» Ширванзаде и перевод пьесы А. Пароняна «Брат Багдасар». Я.Хачатрянц делал также и обратные переводы – с русского на армянский язык [4]. Так, совместно с А. Хондаркяном он перевел на армянский язык работу Н. Богданова «Пионер в деревне». Талантливый человек, тонкий ценитель армянской литературы, блестящий знаток армянского языка, он поднял перевод до уровня искусства, то, что мы привыкли называть «высокой культурой перевода». Интересно отметить, что он сам искал и называл издателям произведения, заслуживающими, по его мнению, перевода на русский язык. На протяжении ряда лет Яков Самсонович устанавливал прочные личные контакты с авторами, к творчеству которых он обращался. Постоянный обмен мнениями в процессе работы над переводом, взаимовлияние и творческое взаимообогащение создавали качественно новый тип перевода. Долгие годы тесная дружба связывала его со Ст. Зорьяном, результатами которой стал замечательный перевод повести «Яблоневый сад» и ряда новел известного прозаика. Сам Ст. Зорьян по поводу выхода русского перевода повести «Яблоневый сад» в письме к самому переводчику писал: «Твой перевод сделан как всегда прекрасным языком, эмоционально и живо» [5]. Характерной чертой творчества Я.С. Хачатрянца, как переводчика, было умение

вчитаться, вникнуть в текст подлинника и точно выявить и передать его своеобразие и суть. И если сегодня армянская проза заняла достойное место на книжных полках русского читателя, стала близка и доступна ему, то в этом есть огромная доля упорного и самоотверженного труда Я.С. Хачатрянца. Прекрасно владея армянским языком, Яков Самсонович пытался учить ему и свою супругу. Многие книги, переведенные им на русский язык, в московских издательствах иллюстрировал известный художник нахичеванского происхождения С.П. Чахиров.

Что касается личных качеств Якова Самсоновича, то сошлемся здесь на интервью С.М. Хачикян с его дочерью Мириэль, по словам которой он был любителем шумных компаний, отличался кавказской щедростью и гостеприимством, был веселым и по своему счастливым человеком [6].

Умер он 1 января 1960 г. в Москве. После смерти Я.С. Хачатрянца его тело было перевезено в Ереван, где он был и похоронен на родной земле, на известном городском кладбище Тохмах. На могиле Якова Самсоновича по просьбе его супруги Мариэтты Шагинян по проекту архитектора М.В. Григоряна, тоже нахичеванца по происхождению, была установлена памятная стела, отразившая заслуги покойного.

После смерти Я.С. Хачатрянца весь его личный архив был передан в Государственный музей литературы и искусства имени Е. Чаренца. Он содержит различные документы, в том числе письма, которые ждут своих исследователей.

### Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 437.
2. Приазовский край. 1913. № 307.
3. Приазовский край. 1906. № 109.
4. Литературный справочник / Под ред. А.А. Хачатряна. Ереван. 1986. С. 226 (на армян. яз.).
5. Из архива Я.С. Хачатрянца // Литературные связи. Т. 3. Ереван, 19 мая. 1981. С. 227.
6. *Хачикян С.М.* Она считала себя ростовчанкой // Еркрасмас. 2013.

## **ИСТОРИСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН**

***Н.В. Шишова***

*кандидат исторических наук, профессор*

***Р.Г. Тикиджьян***

*кандидат исторических наук, доцент*

Мариэтта Сергеевна Шагинян – наша землячка, известная поэтесса, писатель и публицист с глубоким философским складом ума, всегда останется для нас выдающимся деятелем российской и советской культуры XX столетия, в произведениях которой современный исследователь филолог и этнолог, философ и историк, социолог и психолог, всегда найдут много нового и интересного для осмысления глобальных событий этой переходной для России и всего человечества эпохи. В данной статье нам, прежде всего, интересна мало изученная в историографии, проблема отображения исторических реалий революции и гражданской войны на Юге России, их историософская и литературная интерпретация в произведениях М.С. Шагинян, прежде всего, в повести «Перемена».

М.С. Шагинян (1888–1982) прожив долгую и сложную жизнь, являлась современником глобальных исторических событий и судьбоносных социальных перемен в Российском государстве, мировых войн и революций, крушения старого и строительство нового общества. При этом она была не просто сторонним наблюдателем, а реальным участником событий, стремилась познать изнутри эти непростые процессы, сопереживая их эмоционально, увидеть главное – универсальное через глубокий анализ личного и локального, зафиксировать пережитое в характерных образах культуры по своему уникальной переходной эпохи. Родовые «корни» М.С. Шагинян непосредственно и тесно связаны не только со столичным Питером и Москвой, а более с южно-российскими городами

Нахичеванью и Ростовом-на-Дону, Северным Кавказом и Закавказьем, куда она в течение своей долгой жизни часто возвращалась. Зачастую именно с ними родственно и географически были непосредственно связаны отдельные значимые этапы ее образования, личной, семейной жизни и профессиональной деятельности. Это позволяло ей более глубоко, на ментально-бытовом и историософском уровне осмысливать специфику ситуации и ход исторических событий на Юге России в особо значимые переломные периоды, сопоставлять их течение и взаимодействие с общими процессами в России и мире в целом. Современным исследователям ее многогранных талантов, следует сегодня обратить особое внимание на качество и специфику полученного ей в конце XIX – начале XXвв. классического образования. Домашнее образование и частный пансион в Москве, учеба в казенной гимназии Нахичевани-на-Дону, а затем вновь в известной гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве, которую она успешно закончила в 1906 году с серебряной медалью. По результатам учебы заметно, что постоянным приоритетом для нее оставались: изучение языков, истории и литературы, что предопределило дальнейшее обучение на историко-философском факультете, увлечение поэзией, литературой и музыкой. На наш взгляд, именно огромная любовь к чтению, привычка к ведению постоянных и весьма качественных дневниковых записей, глубокое историко-философское образование, освоение методик самообразования, тяга к языкам и грамматике, поэзии и сочинительству, способствовали ее становлению как будущего серьезного писателя и публициста-общественника широких социал-реформистских и демократических взглядов. В 1912 году она завершает свое обучение на историко-философском факультете «Высших женских курсов» В.И. Герье, и уже в этот период с 1906–1915 гг. достаточно активно сотрудничает в московской и ростово-нахичеванской печати. Серьезное влияние на мировоззрение юной М.С. Шагинян бесспорно оказали и поездки за границу. Первое путешествие еще в седьмом классе гимназии в Австрию, Швейцарию и Францию, по ее собственным словам



во многом определило интерес к «культуртрегерству», значимости четкого режима дня, экономной траты времени и возможности самостоятельного заработка. Молодой пробующей себя в поэзии и писательстве М.С. Шагинян, оказалось мало российского опыта образования. В 1912–1914 она вновь за границей в Германии и изучает философию в Гейдельбергском университете. В годы мировой империалистической войны и революции в период с 1915–1920 гг., она снова вынуждена вернуться в родную Нахичевань-на-Дону. Здесь на Юге России накануне и в период революционных катаклизмов широко раскрываются ее таланты. М.С. Шагинян активно сотрудничает и является корреспондентом газет «Приазовский край», «Черноморское побережье», «Трудовая речь», «Ремесленный голос», «Кавказское слово», «Баку». Не менее важным фактом биографии периода 1915–1918 годов стала преподавательская работа в местной Ростовской консерватории, где она разрабатывает собственные авторские курсы по эстетике и истории искусств, в последствии изданные отдельными учебными пособиями [1].

Эти достаточно общеизвестные факты приводятся нами с целью привлечь внимание исследователей к оценке и пониманию историософских концепций и собственного видения М.С. Шагинян проблем мировой и российской истории (в том числе христианско-мистической и символистской концепций). Интерес и первые серьезные пробы в историко-философской тематике проявились уже в сборнике рассказов «Семь разговоров» 1916 года. И все же реальный шаг в большую литературную прозу был сделан в ходе написания и издания т.н. «романа малых форм» (повести) «Перемена», завершеного молодой писательницей уже в 1923 году.

Написанный по материалам дневниковых записей и еще свежим эмоциональным личным авторским впечатлениям и переживаниям, он глубоко и достаточно подробно раскрывает исторически судьбоносную эпоху революции и гражданской войны на Юге России. По признанию самой писательницы, «Перемена» как роман-быль, овеянный романтикой

революционной борьбы был «...самый музыкальный из своих вещей, формовавшийся легко и радостно, как это случается только на заре эпохи в искусстве» [2].

Большинство исследователей литературного творчества М.С. Шагинян считают повесть «Перемена», рассказ «Агитвагон» и «маленький роман» «Приключение дамы из общества» связанной концептуально трилогией о революции и Гражданской войне, где идет серьезный разговор не только о теме жертвенности и ответственности, но и о теме созидания и восприятия нового. Не менее важное значение в понимании содержания и трактовки идей романа-повести «Перемена» имеют воспоминания, дневники и письма самой М.С. Шагинян. Так например, в письме к своей подруге по учебе Н. Газдановой от 3 августа 1917 года, высказывая свое отношение к происходящему, она писала: «...опасений за Россию (вообще) я никогда не чувствовала и теперь не чувствую. По существу, Россия все же выкарабкается и научится. Мне даже иной раз именно в нынешнем хаосе чувствуется русское величие. Я вижу в таких явлениях, как большевизм, – исконно русское. Потому-то, иной раз ненавижу большевиков и сознавая, что они губят Россию, я все же всегда вижу неизбежность их появления на Руси».

Писательница вспоминала: «...уже в 1922 году я усаживаюсь за дневники и пишу по ним первую свою настоящую реалистическую вещь о гражданской войне, «Перемену» ...» [3]. В дневнике М. Шагинян 31 декабря того же года появляется запись: «Уходящий 1922 год принес возвращение к газете, на этот раз к «Правде»...и начало романического эпоса «Перемена» [4]. Здесь нам важно обратить внимание, что и сама писательница, как бы диалектично, одновременно оценивает повесть и как реалистическую – бль, и как романтическое повествования о революционной эпохе с ее героями и антигероями. В своей итоговой работе, книге воспоминаний и философских эссе «Человек и время», она позднее напишет: «Февральская революция застала меня на Дону, и вместе с развитием ее быстро определилась и моя классовая позиция... Словно отсохшая шелуха отвалились старые взгляды, упадочные настроения,

чувства тупика и конца жизни. С 1915 года я вела ежедневные дневники и записи всего пережитого на Дону с 1917 по 1920 год, сохранившие мрачные подробности разгула деникинщины, переменные этапы гражданской войны на Дону и, наконец, победу революции, а с нею свежесть утреннего мира, незабвенную для переживших ее радость начала новой жизни, «зари утренней», – почти целиком вошли позднее в мою первую большую послереволюционную вещь «Перемену». Вспоминая момент глобальной «личной перемены» для любой женщины-матери, рождение дочери в 1918 году, женщина-философ, она делает глубокое сравнение во время родов: «С необычайным ясновидением я представила себе великие революции, потрясавшие мир. Да, – возникая, они требовали хирургических ножниц. Да, это совершенно естественно – отказ от всего прошлого вплоть до названия месяцев, начало летосчисления, бытовых форм в Великой Французской революции... Зато, возникнув, ставши исторической явью, они опять припали к прошлому, из которого революционно вышли. Бальзаки – после гильотины. Великая эпоха возрождения – Ренессанс – после примитивизма первых веков христианства и аскезы раннего средневековья» [5].

Представляют интерес серьезные замечания и суждения, сделанные М.С. Шагинян о различных источниках написания и работе над повестью. Важны ее наблюдения и беседы с активными участниками реальных событий тех лет, например, известными большевиками, товарищами мужа Е. Лукашиным и А. Мясниковым, представителями творческой интеллигенции Ростова и Нахичевани, Тифлиса и Баку. Являясь корреспондентом ведущих газет Дона и Юга России, М.С. Шагинян имела возможность рабочих командировок по региону, широкий доступ к редакционной почте и газетным статьям политического содержания, публиковавшимся здесь политическим воззваниям, правовым и законодательным актам и другим важным источникам информации. Таким образом, путевые записки и наблюдения, материалы прессы стали для нее значимым источником по истории революции и гражданской

войны на Дону. Читатели и исследователи ее творчества легко заметят, что разнообразные материалы местной прессы (газет «Приазовский край», «Донские войсковые ведомости», «Донская речь» и др.), указы и постановления казачьего Войскового круга, решения мэрии г. Ростова-на-Дону не однократно и непосредственно включаются автором в литературное повествование «Перемены», причем там, где это вполне уместно. Как значимые свидетельства эпохи, они иллюстрируют важные события и серьезные нюансы. Наконец, представляют большой интерес и непосредственные личные наблюдения автора писателя и публициста, имеющего классическое, качественное историко-философское образование, глубоко знающего социально-экономическую ситуацию, особенности культурно-бытовой и общественно-политической жизни различных слоев и этнических групп казачьего и не казачьего населения Области Войска Донского, Нахичевани и Ростова-на-Дону, а так же Кавказских минеральных вод, Тифлиса и Баку. В контексте определения исторической достоверности событий в их авторской интерпретации, считаем весьма важным обратить внимание на то, что сама М.С. Шагинян сочла необходимым снабдить отдельное издание повести «Перемена» 1932 года характеристикой – «Быль» и соответствующим специальным подробным «Предисловием», указав, что книга посвящается ее матери. Писательница еще раз подробно разъяснила свою позицию подчеркнув, что под «переменной» понимается глубокий «сдвиг» – революция и гражданская война, и нигде в России она не была «такою сплошной и беспередышной как на юге». «Я провела в Донской области около трех с половиной лет революции, с поездками в Петербург и Закавказье. За это время мне пришлось пережить несколько переворотов, немецкую оккупацию, приезд «союзников» в гости (англичане и французы в Новороссийске и на Кубани), полосы междувластия... атаманину, деникинщину, врангелевщину. Обыватель, как растение, сопротивлялся этому ветру событий. Он стоял на месте и волны шли через него, оставляя отмыты. Отсюда не «историческое» (с перспективой), а чисто локальное, местное значение всего пережитого. Но чтобы

яснее представить себе эту «локальность», читатель должен видеть кусок степной России, о которой я поведу речь». Уже здесь в предисловии, блестяще дается привязка к месту действия, с глубоким знанием истории и географии региона, этнографических и культурных традиций дается описание казачьей Области Войска Донского начала XX века, уникальные социально-экономические и бытовые зарисовки-характеристики городов-спутников Нахичевани и Ростова-на-Дону. Сама писательница в заключении к предисловию подчеркивала, что «...В этих записках нет ни одного выдуманного слова, ни одной не пережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и «сдвинула» пространство» [6].

В эмигрантской, советской и современной научной историографии истории революции и гражданской войны на Юге России многие вопросы уже поставлены и успешно решены [7]. Однако по-прежнему значимыми остаются оценки историко-литературных источников, написанных «по свежим следам».

Именно поэтому для историка и вдумчивого читателя, интересующегося историей, данная повесть представляет особый интерес, и как литературно-нарративный источник для более глубокого познания прошлого, понимания «истории повседневности», психологии и поведения личности, групп, сословий и классов в такие переломные эпохи. Это, конечно, и книга о роли творческой интеллигенции в революционных переломных процессах, ее рефлексиях и эманациях, так знакомых и самому автору. Интересна уже сама структура повести, ее разделение на 4 части и 33 главы (в ряде поздних переизданий 32). Здесь как бы системно выделяются основные этапы (периоды) революции и гражданской войны на Дону и Юге России. Советские и современные историки позднее выделяют 4–6 периодов, но многие оценки совпадут с авторским видением М.С. Шагинян. События февраля 1917 – марта 1920 годов в Нахичевани и Ростове, казачьем Новочеркасске, достаточно профессионально поданы автором, как в общероссийском, так южно-российском контексте. Практически все главные вопросы «революционной перемен»: политический, экономический,

национальный, казачий, аграрный, культурный (образование, искусство и пресса) и другие, так или иначе представлены автором в повести.

Праздничные настроения «сюрприза» Февральской буржуазно-демократической революции и падения монархии в Москве и Питере, перемежаются с откровенными слухами по поводу жидо-массонских аспектов революции и большевистской шпионской «немецкой ориентацией» (Гл. 1, 2). Так из свежих новостей автор смело перечисляет «...говорят в Петербурге и на курортах, как поет Северянин о шампанской крови революции, как несомненно документально доказано, что большевики брали немецкие деньги и теперь их хотят отправить обратно, а немцы воспротивятся... про странную книгу, ходившую в рукописи по рукам. В этой книге одна хронология, числа и числа. Но хронологически точно доказано, что еще от библейских времен существовало еврейское общество, поставившее себе целью забрать власть над миром. У него были отделения в Сирии, и в Македонии, и во всех городах. Оно собирает налоги со всех евреев, будто бы на социализм. И хронологически точно показано, в котором году должен быть избран на престол еврейский царь...». Заметим, достаточно смело и правдиво, когда Совет Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким в 1922–1923 гг. на одну треть состоит из большевистских лидеров еврейской национальности.

В Ростове и Нахичевани ситуация была спокойнее, хотя и здесь «...самые разнообразные люди поздравляли друг друга, мало понимая, почему они радуются. Потом город убрался, принарядился, школы распустили учеников, городская дума устроила заседание и под портретами государей читались вслух телеграммы об отречении голосами торжественными и полными, словно это было личным удовлетвореньем каждого из читающих.

Начались митинги, и легкость вхождения в революцию все продолжалась. Проступили отдельные Иваны Иванычи, избираемые в разных местах разными организациями». Весьма точно и глубоко дано так же авторское описание политической ситуации на Кавказе. «...Татары, армяне, персы заговорили на

своих языках. Ближе к сердцу у каждого – свое, местоимение притяжательное. Исходили из права – быть, наконец, самому по себе, а не по другому. Национальный пафос вел к разделению. Позднее он кончился зверствами в Шуше, трагедией в Баку, Эривани и татарских селах. Теперь он сдерживал фронт, вел к образованию национальных отрядов, вливал новую кровь в ослабевшие жилы войны и служил европейской бессмыслице... В Эривани и Александрополе, было и вовсе тихо. Февральская революция убрала начальство, развязала родной язык. Но не тронула ни быта, ни сознания. Политика обернулась в забаву, – так забавлялась сонная провинция на большевиков. Национальный большевик появился в Тифлисе и в Эривани. Он выступал изредка. Его слушали, как слушают футуристов. Он старался говорить газетно, и свои люди, патриархально, повосточному говорившие ему “ты” (на армянском языке нет “вы”), считали его сдуревшим, но впрочем безвредным. В Тифлисе дело обстояло уже политичнее и острее, хотя и там политика ютилась в мансардах двух-трех газеток, заглушаемая шумом шагов по Головинскому, плеском органной музыки из кафэ и пестрой веселой толпою, единственной во всем мире по своей блестящей и певучей беспечности тифлисской толпой».

Наравне с городской интеллигенцией и мещанством, важной исторической силой «творящей перемену» в повести является казачество и его лидеры. Роль и место казачества Юга в революции и гражданской войне невозможно обойти любому автору, тем более хорошо знающему специфику региона. И здесь М.С. Шагинян оказывается на высоте, практически одновременно с Ф. Крюковым, М. Шолоховым, А. Серафимовичем ей удается раскрыть сложные перипетии участия казаков в событиях великой смуты-перемены – столкновение казаков и рабочих, иногородних крестьян, озлобленность и жестокость, чреватую обоюдной местью – кровавым террором. Она так же видит не только силу казаков воинов-профессионалов, но и их слабость, растерянность и колебания. Показан автором и наметившийся раскол в казачьей среде, красноречивые «славословия» и демагогию казачьих лидеров атаманов П. Краснова и А.

Багаевского, их пресмыкательство перед немцами, опасную политическую игру во «Всееселое войско Донское». Несогласие части казаков с промонархической политикой и диктатом генерала А. Деникина, опиравшегося на «гостей-союзников» англичан и французов. Одним из важнейших вопросов периода «революционной перемены» М.С. Шагинян весьма точно определяет – аграрный вопрос, споры о земле в среде самого казачества, недоверие к рабоче-крестьянской Советской власти. Действительно, казачий Новочеркасск во главе с атаманом А. Калединым выступает против рабочих, попытавшихся уже в ноябре 1917 года, вслед за Питером, установить власть Советов в Ростове. Тяжелый «первый урок» кровавой гражданской войны на Дону открывал страшный путь к «красно-белому террору» (Гл. 5, 6, 7). «Город стал – город казачий. Казаки приказывают, казаки хозяйничают, и городская дума с достоинством выступила: “Так же нельзя. Мы очень рады казакам, мы очень им благодарны за доблестное очищение, но город – он город свой собственный, а не казачий. В городе есть думские гласные, есть, наконец, члены управы, письмоводители, городской голова, и что же им делать?”». Но казаки не слушают, каждый казачествует, как ему любо, ссылаясь на атамана, властителя края: быть теперь Дону под атаманом! А газеты пишут про историю, этнографию, биографию, фольклор и мифологию казачества, делают ссылки и справки, очень захваливают и надеются на преуспеяние края. Брошена журналистами и крылатая мысль о Вандее. Между тем, на Степной, со стороны последней, 32-ой линии, видели люди: Гнали казаки перед собою рабочих. Рабочие были обезоружены, в разодранных шапках и шубах, с них снимали, что было получше. Когда останавливались, били прикладами в спину. Их загоняли в Балабановскую рощу. Там издевались: закручивали, как канаты, им руки друг с дружкой, выворачивали суставы, перешибали коленные чашечки, резали уши. Стреляли по ним напоследок и, говорят, было трупов нагромождено с целую гору. Снег вокруг стоял, собаки ходили к Балабановской роще и выли... Каледин показывает себя либеральным. Он не отрицает, конечно, что Февральская революция совершилась. Его об этом



проинтервьюировала печать, и он ясно ответил, что “не отрицает”. Однако же в городе повальные обыски, частые аресты. В городе до сих пор расквартировано огромное количество казаков, обедающих, притесняющих горожан. Муниципалитет совершенно стеснен военной казачьей властью». Вот и казаки, устав от войны и революции заколебались, Красная гвардия и отряды Сиверса взяли г. Новочеркасск и Ростов в феврале 1918 года. «...Что же казаки? Как это они обманули надежды всех, кто “в стратегическом отношении” стоял за укрепление фронта? А казаки... кто их поймет! Одни, отстреливаясь, отступали от большевиков, шаг за шагом, покрывая трупами степь. Другие с оружием и со знаменами переходили к большевикам и сдавались: – Товарищи, больше не можем. Тошно служить генеральским последышам против Советов. И мы ведь из безземельных. Чего там, и мы за Советы! Все малочисленнее круги отступающих, все многочисленнее отряды переходящих».

Интересно описан у М.С. Шагинян небольшой период Донской Советской республики (март–май 1918 года), строящей новую жизнь, окруженную со всех сторон врагами, а затем период немецкой оккупации области и нового казачьего государства «Всевеликого войска Донского». Актуально звучат сегодня и оценки участия в событиях перемены «незалежной Украины». «Немцы подходят все ближе, взяли Харьков, идут на Ростов. С ними на русскую землю, насилуя русскую волю и разрушая советы, идут офицеры, не немцы, а русские. Те самые, что в немцев стреляли и не хотели брататься. Теперь побратались. С Украины идут гайдамаки, идти не идут, а приплясывают, – усы отпустили такой закорюкой, что совсем иллюстрация к Гоголю, и треплются по весенней степной мокроте шаровары, как юбки, на бойких плясучих лошадаках. В Баку же татары, восстав, режут армян днем и ночью. Пылают армянские села. А сами армяне, где могут, днем и ночью режут татар. Поезда не пускаются дальше Петровска. Заметался осколочек фронта, оторвавшись в Ростове. Уже он обескровлен... Обнадеженные прежде времени под Новочеркасском, восстали казаки. Так летит воронье к еще не умершему воину, кружится, падает, снова взлетит, высматривая

хищным оком, откуда бы вырвать кусочек. Но воин не умер. Собрав распыленные части, большевики отогнали казаков, устроив жестокую бойню. Резали в Новочеркасске, холодным штыком добивали, шпарили жаркими пульками, как посыпая горохом, пульверизировали дымом, картечью и кровью». Под немцами Донская область обезлюдела, хотя атаман П. Краснов укрепил позиции, пытаясь создать казачье государство. «Войсковой круг заседал постоянно. По дворам, по колам с карандашиком, по волостным управленьям с бумажками, а по пажитям с морскими биноклями ходили люди в мундирах. Предписывали – сеять. Винтовка-надсмотрщик в спину дулом смотрела тому, кто не сеял. По закромам и по ссыпкам гуляли толковые люди, им пальца в рот не клади. Чистых 75% со всего урожая принадлежит им по-праву, но когда-то он будет. Выколачивались казачьи задворки. Обыски, аресты шли тихенько и незаметно. Плакали жены рабочих – опять вздорожала мука. С ума сойдешь! Жалованья не платят, а хлеб, что ни день, то дороже. Хоть соси свою руку. Плакали даже в станицах – так обесхлебить и раньше не приходилось. Волком смотрели и обыватели, кто победнее. В городе, на базарах, стоит запустенье: ни хлеба, ни рыбы, ни мяса. Крестьяне попрятались и не подвозят продуктов».

Перемены множились и после ухода немцев, укреплялись позиции А. Деникина, при поддержке «союзников» наступал решающий этап противостояния. «Завертелись дни и события. Большевики отступают. Юг России организуется в Юго-Восточный Союз. Дон, Терек, Кубань и Юго-Восток покумились, с Украиной горячая дружба. А Украина толстеет: смотрит умильно на Крым, и Крым загляделся ей в рот, как галушка.

В парадном мундире со всеми регалиями к пану гетману в Киев приезжал генерал Черячукин для вручения ясновельможному пану вверительных грамот. Договор подписали, узы дружбы скрепили между Украиной и Доном и за завтраком обменялись речами. Низко кланялся генерал

Черячукин от тихого Дона. Благодарствовал ясновельможный от самостийной Украины. Пили оба малороссийскую запеканку и, усы вытирая, осанились перед дулом фотографического аппарата. А на юге своим чередом, мобилизуя запечного инвалида и ускоренного гимназиста, себе на уме, возрастал и укреплялся Деникин». Очень основательно и исторически верно описаны в повести события периода 1919–1920 гг., разногласия казаков с позицией правительства А. Деникина, последствия наступления Красной армии на севере области и ожесточенность завершающего этапа гражданской войны на Юге (Гл. 15, 17, 20). Хотя в отличии М.А. Шолохова, М.С.Шагинян не иллюстрирует подробно политику расказачивания и красный террор новой Советской власти (январь–сентябрь 1919 г.), все же с позиций испуганного городского обывателя реально показывает жесткое противостояние, борьбу за землю и демократию в среде казачества и не казачьего населения края. Весьма остро и критично раскрывает пошленькую позицию буржуа, городского мещанства и части творческой интеллигенции. «В Новочеркасске собрался парламент, – Большой Войсковой Круг. Сердится Круг, отмахиваясь от добровольцев, казачью речью клеймит возвращенье царизма. Мы ли, кричит, не терпели от царя и его прихлебателей, нас ли они не обманывали, завлекая посулами и гоня воевать со студентами на перекрестках? Не от царя ли и стала срамною кличка “казак”? ... Хмурятся самостийники, поглядывая друг на друга. Бородами мотают, как –будто им в рот напихали, против их воли, чего-то невкусного. Но уже, прокатившись по Югу и Юго-Восточный Союзу, сея воззваниями Единой и Неделимой, без отдыха мобилизуя запечного инвалида и ускоренного гимназиста, целясь оком из-под опущенных век на учителей и учащихся, развернулся Деникин. Пьют герои в тылу, на фронтовика напирая. Пьет фронтовик, иссохший от ярости: один у него, потерявшего родину и сражающегося за пустые погоны, за ночевку в разграбленном доме с сестрицей на тюфяке, за сыпь подчесучовой рубашкой, за бессмысленность выбора, за роковую ошибку в важнейшую минуту столетья, – один завет: месть! Отомстить пьяно, удушливо, зубами, ногтями, заразой,

бешеными зрачками, пулями, пушками, огнем, ураганом перекипающей ненависти жиду, большевику, комиссару. Впиваются, как бешеные собаки, юнкера и казачьи офицера в попавшихся им пленных. Кожу сдирают с живых, ошпаривают кипятком, колют острым кинжалом пупок не раз и не два, десятки раз, наслаждаясь корчей живого. Потом под ногти вколачивают дощечки и гвозди.

Например, последствия политики расказачивания 1919 года М.С. Шагинян показаны опосредованно, но достаточно емко, страшно и колоритно (Гл. 22) «Казак на фронтах Чирская – Пятиизбенская – Голубинская обезумел. За прошедший здесь опустошительный натиск красных, недавно разрушивший им дома и очаги, мстят казаки с лихвою. Своих же из сыновей-перебежчиков, из малоземельных казаков полосуют в полоску: лентами режет их штык, рубит фаршем, клочья мяса с кожей и волосом прилипают на платье. Вой стоит нечеловечий – звериный над казачьим становьем. И оперативная сводка доносит: пленных нет, все перебиты. Вой доносится до городов, где пируют, валясь под столы, тыловые». «Слышали, – шепотом передают горожане, – посадили на кол комиссара, говорят – корчился на колу, как червяк, сам себе внутренности разрывая, а конец, вогнанный в зад ему, был гвоздистый; и помер не сразу, а так через сутки». Этот страшный факт будет позднее развернут М.С. Шагинян в известном рассказе «Агит-вагон».

Еще одной из страшных проблем, сопутствующих глобальным переменам, являются и их тяжелые объективные последствия – в виде массовых эпидемий и голода. М.С. Шагинян не обходит и эту значимую проблему, исторически правдиво описывая картины последствий этих трагических для края катаклизмов 1918–1920 гг.: вируса «испанки», холеры и сыпного тифа (Гл. 5, 19). Лейтмотивом здесь звучит боль автора, женщины-матери о потерянных безвозвратно и зря жизней ни в чем не повинных людей, особенно далеких от революции и военного противостояния – женщин и детей.

И вот наконец итог – «...нашла коса на камень», революционная перемена смела консервативную ржавчину,

погибла «Донская Вандея», а советская Донская область возрождается к новой жизни. Пафосно и романтично звучат завершающие строки повести, с горечью о потерях, но с ясным осознанием значимости «Перемены» к лучшему светлому будущему (Гл. 33).

«Вычищен город от белых до последнего белогвардейца, буденновцы лихо гарцуют по городу на конях, одно за другим возвращаются учреждения. Все по-прежнему в городе. Нет только Куся! В серое, снежное утро задвигались тучами толпы, на духовых заиграл прощальную песню оркестр. Неся на руках легкий гробик, шла молодежь, чередуясь, до самой могилы. Когда же в открытую яму посыпались первые комья и больно ударил нам в уши шершавый стук хлопьев земных о гробовую доску, – Яков Львович промолвил над нею дрогнувшим голосом: – Спи, славной смертью погибшая, маленькая подруга! Умерла наша Куся, но не станем провожать ее плачем. Не она ли нам завещала вечную веру в борьбу? Будем отныне как дети, чистые сердцем, друзья мои! Неутомимо поборемся за победу любви на земле. А тем временем серое утро ослепительным днем заменилось. Пачками пальм засияли ледяные сосульки.

И скатаны снегом, гладко смеясь под полозьями, во все стороны, как провода, понеслись первопутки: Скоро, скоро все страны станут свободными! Заторопятся люди завести у себя революцию! И музыка, музыка, музыка пройдет по всем улицам мира, с барабанчиками, отбивающими Перемену: трам-таррарам, просыпайтесь! Утреннюю зарю мы играем тебе,

Человечество!»

Но здесь же звучит глубокое и личное авторское предупреждение-сопереживание, философское откровение «...Страшно видеть тебя лицом к лицу, Перемена! Неотвратима как смерть: ее, если хочешь, прими, если хочешь отвергни, – все равно не избежешь».

Отдельные главы повести публиковались периодически уже с 1921–1922 гг., и по свидетельству редактора журнала «Красная новь» А. Воронского, повесть привлекла даже внимание В.И. Ленина. Известно, что уже в марте 1923 года, когда были

опубликованы первые ее части, он написал М.С. Шагинян: «Ваша «Перемена» пользуется большим успехом... Знаете, очень Ваши вещи нравятся тов. Ленину...» [8]. Однако в последствии в 1940–1980 годы, после вступления в 1942 году в члены ВКП(б), некоторые детали и отрывки из произведения автору приходилось опускать или даже переделывать, по всей видимости следуя жестким указаниям партийно-идеологической цензуры. Так, например, в издании полного собрания сочинений М.С. Шагинян в девяти томах, переработаны последние две главы. Одна из главных героинь повести, молоденькая гимназистка Куся, сочувствующая большевикам, остается в живых и продолжает активное участие в новой жизни [9].

Подводя итоги, следует констатировать, что в этом небольшом по форме но удивительно емком по содержанию произведении, М.С. Шагинян удалось гениально и точно, с наблюдательностью профессионального историка и социолога, показать через локальное универсальное, через специфику событий на Юге России всю глобальную трагедию и триумф «Великой перемены». Именно поэтому данная повесть, на наш взгляд, является одним из наиболее значимых ее литературно-художественных произведений, где молодой писательницей раскрывается историософское осмысление событий, включая собственное, личностное их восприятие. По значимости и содержательности эту «повесть-быль» и «романтическую эпопею» смело можно поставить в один ряд с такими выдающимися произведениями новой советской литературной эпохи 1920–1930-х годов, как, «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Хождение по мукам» А.Н. Толстого, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова, «Железный поток» А.С. Серафимовича и другими.

Современным исследователям творчества М.С. Шагинян филологам-литературоведам, историкам и философам, бесспорно, следует и далее продолжить изучение данной темы на новом качественном уровне. Можно предложить так же включить изучение этой повести в школьный курс советской литературы и факультативные занятиях по истории и литературе Донского края.

## Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзобекова Н.В.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов н/Д., 2013. Гл. 1, 3, 4.
2. *Шагинян М.С.* Собрание сочинений. М., 1935. Т. 1. С. 6.
3. Советские писатели». Автобиографии: В 2 т. Т. II. М., 1959. С. 651.
4. *Шагинян М.С.* Дневники. 1917–1931. Л., 1932. С. 63.
5. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления, М., 1982. С. 209
6. *Шагинян М.С.* Перемена. Роман-быль. Л., 1932. С. 3–8.
7. См.: *Голубинцев Н.* Русская Вандея. 1917–1920 гг. М., 1995; *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // Белое дело. Дон и Добровольческая армия. М., 1992; *Венков А.В.* Донское казачество в гражданской войне (1918–1920). Ростов н/Д, 1992; *Гражданов Ю.Д.* Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград, 1997; *Дулимов Е.И.* Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов н/Д, 2003; Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988; *Шапсугов Д.Ю., Сергеев В.Н., Звездова Н.В.* Государственная и местная власть на Дону в 1917 году. Ростов н/Д, 2000; *Сергеев В.Н.* Донская Республика (1917–1918 гг.). Ростов н/Д, 2005; *Тикиджьян Р.Г.* Казачество и крестьянство Дона в революции и гражданской войне 1917–1920 гг.: поиски консенсуса и противостояние // Казачий сборник № 2 / Под ред. Е.И. Дулимова, С.А. Кислицина. ДЮИ. Ростов н/Дону, 2000. С. 102–118 и др.
8. *Авдулов Н.С., Мирзобекова Н.В.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов н/Д., 2013. Гл. 4. С. 38.
9. *Шагинян М.С.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1986–1989.

## *Участники I Шагиняновских чтений*



1. *Авдулов Николай Степанович.* Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ.
2. *Андросова Светлана Викторовна.* Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ.
3. *Андросова Татьяна Ивановна.* Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ.
4. *Багдыкова Галина Николаевна.*
5. *Багдыков Минас Георгиевич.*



6. *Беленький Геннадий Леонидович*. Союз журналистов России. Дворец творчества молодежи и детей.
7. *Бондаренко Ирина Юрьевна*. Колледж культуры.
8. *Василевич Наталья Александровна*. РОМК, Музей русско-армянской дружбы.
9. *Гентош Светлана Павловна*. Музыкальная школа им. Гнесина.
10. *Гомцян Арарат Двинович*. Генеральный Консул Республики Армения.
11. *Давыдов Георгий Сергеевич*.
12. *Дедогрюк Виталий Николаевич*. ДонТР.
13. *Казаров Саркис Суренович*. Южный федеральный университет.
14. *Ким Мария Николаевна*. Журнал «Национальные приоритеты».
15. *Козлов Сергей Сергеевич*. РОМК, Музей русско-армянской дружбы.
16. *Космынина Ольга Ивановна*. Газета «Ростов официальный».
17. *Кузнецова Таусия Георгиевна*. Российская академия правосудия.
18. *Малхасян Андраник Георгиевич*. Ветеран ВОВ.
19. *Марченко Антонина Павловна*. Лицей № 51.
20. *Матвеев Герман Аронович*. Южный федеральный университет.
21. *Мещерякова Наталья Алексеевна*. Ростовская консерватория им. С.В. Рахманинова.
22. *Мирзабекова Нонна Владимировна*.
23. *Новикова Маргарита Викторовна*. Государственный архив Ростовской области.
24. *Оганян Сауда*. Общество «Амшенка».
25. *Осипова Татьяна Осиповна*. Южный федеральный университет.
26. *Петров Виктор Сергеевич*. Журнал «Дон».
27. *Петросян Лиана*. Новонахичеванская армянская община.
28. *Пронькина Ольга Сергеевна*. ДГПБ.
29. *Пятикова Марина Васильевна*. Южный федеральный университет.
30. *Рачкова Екатерина*. Южный федеральный университет.

31. *Самарина Наталья Васильевна*. Южный федеральный университет.
32. *Саядов Сергей Михайлович*. Новонахичеванская армянская община.
33. *Смирнов Владислав Вячеславович*. Южный федеральный университет.
34. *Соколова Маргарита Юрьевна*. РОМК, Музей русско-армянской дружбы.
35. *Соловьёва Ольга Андреевна*.
36. *Сосницкая Ирина Борисовна*. РОМК, Музей русско-армянской дружбы.
37. *Срапионов Виктор Иванович*. Газета «Молот».
38. *Стопченко Николай Иванович*. Южный федеральный университет.
39. *Стрюкова Наталья Александровна*. Колледж культуры.
40. *Тикиджян Руслан Геннадьевич*. Донской государственный технический университет.
41. *Тукадян Нварт Хазаросовна*. Южный федеральный университет.
42. *Хачатрян Э.М.* Генеральное Консульство Республики Армения

## *Содержание*

<b>Приветствия участникам .....</b>	<b>4</b>
-------------------------------------	----------

### **Доклады и сообщения**

<b>Авдулов Н.С.</b> Культура общения в жизни и творчестве	
М.С. Шагинян .....	7
<b>Багдыков М.Г.</b> Путеводитель по местам, где бывала Мариэтта Сергеевна Шагинян в городах Нор-Нахичевани и Ростове-на-Дону .....	16
<b>Марченко А.П.</b> Творчество М.С. Шагинян как летопись развития культур .....	23
<b>Матвеев Г.А.</b> Образ советского прошлого в воспоминаниях М.С. Шагинян .....	30
<b>Мирзабекова Н.В.</b> «Когда-нибудь мы все воскреснем...» .....	36
<b>Мещерякова Н.А., Шорлуян Т.В.</b> Музыкально-просветительский след М.С. Шагинян .....	43
<b>Новикова М.В.</b> Обзор документов Государственного архива Ростовской области, связанных с именем М.С. Шагинян .....	54
<b>Осипова Т.О.</b> Некоторые черты художественного исследования личности в биографических произведениях М.С. Шагинян .....	58
<b>Петров В.С.</b> .....	65
<b>Самарина Н.В.</b> «Перемена»: исторические реалии места действия .....	82
<b>Смирнов В.В.</b> Автобиографические произведения М.С. Шаги-	

нян как источник информации .....	95
<b>Стопченко Н.И.</b> Проблемы культуры в творчестве М. Шагинян и М. Шолохова .....	102
<b>Тукодян Н.Х.</b> «Человек и время» М.С. Шагинян: некоторые черты жанровой поэтики .....	115
<b>Казаров С.С.</b> Яков Самсонович Хачатрянц: Несколько слов о супруге М.С. Шагинян .....	123
<b>Шишова Н.В., Тикиджьян Р.Г.</b> Историческое осмысление событий революции и гражданской войны на Юге России в произведениях М.С. Шагинян .....	127
<b>Участники I Шагиняновских чтений .....</b>	<b>144</b>

*Научное издание*

## **КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН**

**МАТЕРИАЛЫ I ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ**

(г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2014г.)

**3 апреля 2014 г.**

*Содержание статей публикуется в авторской редакции*

Компьютерная верстка *М.А. Лучиной*

Сдано в набор 30.04.2014 г. Подписано в печать 14.05.2014 г.

Формат набора 60x84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,9. Тираж

100 экз.

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 201.

Тел. 8-918-570-30-30